

УРАЛЬСКИЙ

ISSN 0134—241X

Следопыт

10 '85

Главные рубрики журнала:

Люди подвига

Следопытский телеграф

Страницы прозы и поэзии

Адреса романтики

Человек и природа

Путешествия и экспедиции

Музеи, коллекции

Краеведческая копилка

Приключения и фантастика

МАНДАТ, подписанный Н. Островским

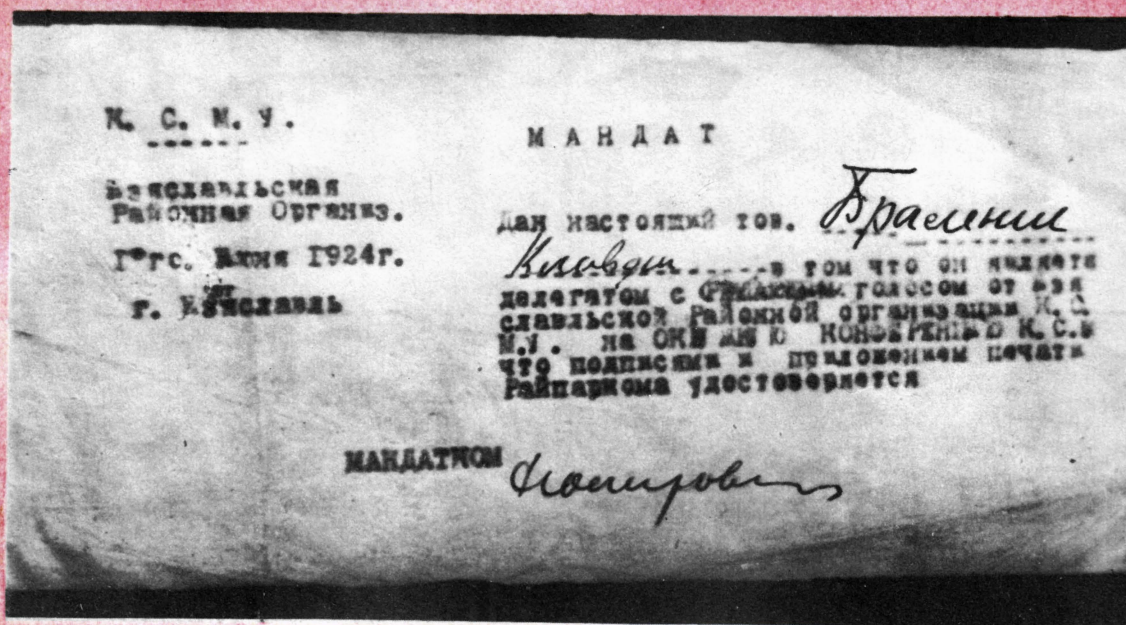

Фото автора

Среди подлинных документов — экспонатов музея Зюкайской средней школы, что находится в Верещагинском районе Пермской области, есть мандат, подписанный Николаем Островским в 1924 году.

На пожелтевшем от времени листе бумаги слева — штамп: «К. С. М. У. Изяславская районная организация. 1 июня 1924 г. Изяславль».

Далее текст:

«Мандат. Дан настоящий тов. Браммик Клавдии в том, что она является делегатом с совещательным голосом от изяславской районной организации К. С. М. У., что подписали и приложением печати Райпаркома удостоверяется. Мандатком Н. Островский». И виден слабый оттиск печати.

Клара Борисовна Браммик (в извещении ошибочно ее имя названо Клавдией) выполняла различные поручения отряда ЧОН в Изяславле. Судьба этой женщины сложилась так, что всю свою жизнь она была с детьми. Долгое время К. Б. Браммик работала директором Вознесенского детского дома в Верещагинском районе Пермской области. Была награждена орденом Ленина.

Материалы об этом щедрой души человеке бережно хранятся теперь в Пермском государственном архиве.

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

10 '85

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

- В НОМЕРЕ:**
- 2/ М. Прохоров, Н. Усатенко, Е. Тютрина,
П. Кожевников, К. Кравцов, С. Горбунов,
С. Сметанин, С. Камышников
...ИДЕМ И ДОБЫВАЕМ ПЛАМЯ. Стихи
  - 4/ ЧТО ТАМ, В ГЛУБИНАХ УРАЛА?
  - 10/ М. Черенок
ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ. Повесть. Окончание
  - 32/ В. Проскурин
ХРУСТАЛЬНЫЙ ЛАК КОЛЮПАНОВЫХ
  - 33/ Г. Прашкевич
КОСТРЫ МИРОВ. Повесть. Начало
  - 47/ «ФАНТАСТИКА — ЛИШЬ ПРОДОЛЖЕНИЕ...»
  - 50/ СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ
  - 52/ Я. Андреев
ФЛАГ НАД ШКОЛОЙ
  - 54/ А. Абрамов
ОФИЦЕРСКАЯ ДОБЛЕСТЬ
  - 56/ Ю. Липатников
СИГНАЛЫ СЕРДЦА
  - 58/ В. Шориков
ДВА ВЫСТРЕЛА В ЛЕСНОМ
  - 59/ И. Плотников
«Я УМИРАЮ ЗА ИДЕЮ...»
  - 61/ А. Омельчук
ОЛЕНИЙ РОГ И «ЗОЛОТАЯ БАБА»
  - 64/ В. Курбатов
ВСЕМУ БЫВАЕТ НАЧАЛО...
  - 65/ О. Куваев
ПО ЗЕМЛЕ ЧАУЧУ И КАВРАЛИНОВ
  - 72/ А. Барков
ТАЕЖНЫЕ БЫЛИ
  - 78/ МИР НА ЛАДОНИ
  - 80/ ЮМОР

На 1-й стр. обложки — рис. С. Сухова

Ежегодно в последнюю декаду декабря в Тюмени проходит областное совещание молодых литераторов. Десятки рукописей — прозаических и стихотворных... Пишут у нас многие. И это не случайно. Нефтяная, газоносная, хлебная Тюменщина — край Всесоюзных комсомольских строек, край молодежный. И юность пробует себя в творчестве.

Все ли из присылаемых нам произведений имеют добротный уровень, чтоб называться литературой, заслуживают ли внимания, чтоб, может быть, в будущем определить творческую судьбу авторов? Об этом и идет выскательный, строгий, профессиональный разговор. Открытие новых имен — явление, конечно, редкое, как и всякий талант. Но семинарские занятия — это еще и учеба. Постоянная, целенаправленная. Не случайно рост профессиональных рядов тюменских писателей идет в основном за счет тех, кто проходит школу таких совещаний...

Авторы этой подборки стихотворений — участники встречи 1984 года. Они имеют профессии, трудятся в рабочих коллективах, учатся. Сергей Камышников — водитель автобуса из райцентра Исетское, Николай Усатенко — водитель из Нового Уренгоя, Сергей Горбунов и Михаил Прохоров — рабочие из Тюмени, Сергей Сметанин — инженер, трудится в Сургуте, Елена Тютрина — студентка мединститута. Константин Кравцов работает на радио в Салехарде, автор детских стихов Петр Кожевников — шофер в Харпе.

Все они, как говорится, идут от жизни. Путь труден. Но — дорогу осилит идущий.

Н. ДЕНИСОВ,
руководитель поэтической секции
Тюменской писательской
организации

... ИДЕМ

**Михаил
ПРОХОРОВ**

УТРЕННИЙ СНЕГ

Всю ночь за окнами мело,
Сходились ветры в буйной стычке,
А утром стало так бело,
Что зренье режет с непривычки.
Какие выпали снега!
Земля под их ковром уснула.
Холмы, овраги и луга —
Все снежным пленом захлестнуло.
А снег упавший не блестит,
Он в переливах утра светит
Везде и всюду на Руси
Своим простым великолепьем,
Кого-то радуя всеерьез,
Кого печалю, как утрата,
Как будто что-то он принес
И что-то отнял без возврата.

**Николай
УСАТЕНКО**

ОГНЕМ СОГРЕТЫЙ...

Не знаю, что еще напишут
О том, как вырос Уренгой.
Но он растет все выше — выше,
Родной наш, кровный, дорогой!
Когда-то страх внушало мне
Коротенькое слово «север».
Я вырос, где под ноги клевер
Склонял соцветья в тишине.
А здесь в лицо пурга охапкой,
Жгутом холодным по спине.
Но я спасен собачьей шапкой,
Которая у нас в цене.
Душою твердою, как камень,
Врастая крепко в мерзлоту,

Мы за полярную черту
Идем и добываем пламень.
Сиянем солнечным пронзим
Мир, что до нас был дик и мрачен.
Он будет выглядеть иначе,
Огнем согретый голубым!

**Елена
ТЮТРИНА**

О ЛОШАДЯХ

Нам небеса пророчили беду,
Поскольку крепко поджимали сроки.
И приучал к крестьянскому труду
Угрюмый дядька нас на зернотоке.
По улице, размытой от дождя,
Что разлилась, как речка

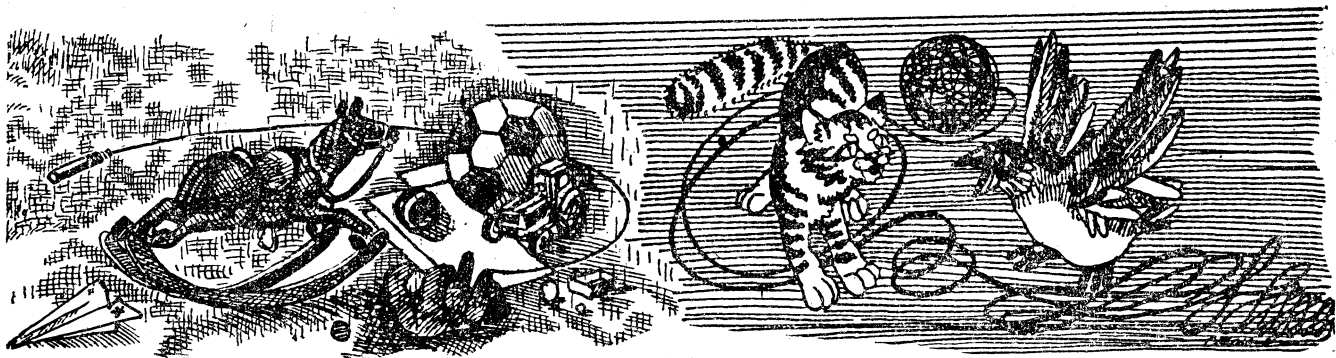
в половодье,
Пройти ну разве только лошадям,
И то гляди, натягивай поводья.
Лил дождь напропалую много дней,
А в поле все не клеились работы.
И на вопрос: «Не сгубите коней?» —
Ответил дядька:

«Мне б твои заботы!»

**Петр
КОЖЕВНИКОВ**

ВСТРЕЧА

Бестолокового грачонка
Любопытство подвело:
Загляделся на котенка
И — кувырк через крыло!..
Но спланировал грачонок
На тропу, как лист, кружа.
А испуганный котенок
Стая похожим на ежа.

И ДОБЫВАЕМ ПЛАМЕНЬ

**Константин
КРАВЦОВ**

САЛЕХАРД

Горит знаменем посреди
полярной ночи —
«Салехард» — над крышей
аэровокзала.

Это каменоломни сияний
и лунные мощи,
на которые псами метель
во вселенской тоске завывала,
это столпотворение светил

в мерзлоте непробудной,
ледяной паралич ожидания этот,
и дощатые оползны улиц,
как остов старинного судна
с вещей мачтой Полярной звезды
над промозглой планетой,
эта ржавая тундра,
лохмотья болот на скелете

железной дороги,
вездеходы ревушие,
что прорубают
первобытную тьму,
эти стройки и эти берлоги,
берегов над путиной кручина рябая,

хриплый дым от мотора
над Обью матерой,
обожженные ветром просторы —
это я.

Здесь неистовое и скупое ярило,
что сочилось,
как кровь через бинт,
сквозь декабрьское низкое небо,
строганиною света мне душу
вскормило,
высекая весну из спящего
мрамора снега!

Салехард,
я твоих навигаций порывы,
тайну белых ночей,

крики чаек и стон твоих гибнущих
спал воплощаю.
Мы одним с тобой небом
безудержно живы.
Ты — костяк моей веры,
В трясику вонзающей сваи!

**Сергей
ГОРБУНОВ**

ДОМОЙ

Хоть дождь, хоть грязь —
хорошая погода.
Ремни расслабим, вспоминать

начнем:
Как быстро отслужили мы два года!
Так быстро, что не верится еще.
Но вот до дома, сутки, меньше суток
Трястись нам в эшелоне —
боже мой! —

Те сутки в переводе на минуты
Пугают нас космической длиной.
Пугают, а весна по свету бродит
Нарочно, чтоб теряли мы покой.
Как быстро отслужили мы два года!
Как медленно везут меня домой.

**Сергей
СМЕТАНИН**

ЗНОЙ

Полдень. Вдоль дороги —
плоский дым,
Словно тонкой кистью прочертили.
В промежутке леса — купол пыли,
Стадо волочится перед ним.

Ящерка застыла на камнях,
Зацепившись лапками за грани,
И трава свивается и вянет,
Отражаясь в выпуклых глазах.

Время словно спряталось в стволы
Сосен, что стоят у поворота,
И с необъяснимой неохотой
Вытекает каплями смолы.
Вся природа бредит желтизной,
И в чертах дрожащих и неполных,
Как гигантский зреющий подсолнух,
Наклонилось небо надо мной.

**Сергей
КАМЫШНИКОВ**

ВЕТЕР

Забрался ветер в парк пустой,
Проехал в карусели.
И пошуршал сухой листвою,
И покачал качели.
Прошел аллейкой без забот,
Разрушил листьев горку.
И сторожу в шербатый рот
С ладони сдул махорку.
Швырнул пучком листы в меня,
Не обделив вниманьем.
И лишь у Вечного огня
Он затаил дыханье.

Рисунки С. Копылова

НАВСТРЕЧУ
XXVII СЪЕЗДУ КПСС

ЧТО ТАМ, В ГЛУБИНАХ УРАЛА?

Беседа главного редактора журнала с генеральным директором
Уральского производственного объединения «Уралгеология»

А. К. СЕМЕРУНОМ *

На две с половиной тысячи километров протянулся Уральский хребет, соединяющий в единый материк два великих континента — Европу и Азию.

Могучий промышленный комплекс Урала вписал свое имя в судьбу страны. Защита отечества в Полтавской битве и на полях Великой Отечественной, становление экономического могущества — во всем этом велика роль Урала. Наш край дает стране около трети черных металлов, половину калийных удобрений, три четверти асбеста, значительную часть алюминия и меди. Смотрится — и неплохо смотрится! — Урал на карте страны и мира.

Истоки экономической мощи Урала — его недра. Они питают сырьем домы и мартены, дают жизнь машинам и приборам. Первопроходцами, открывателями месторождений являются геологи. Я прошу своего собеседника начать беседу с рассказа о становлении геологической службы на Урале.

— Первыми геологами были, как известно, рудознатцы, которые в глухой тайге по одним лишь им известным признакам открывали богатые месторождения. Но я не буду углубляться в века, а ограничу свой рассказ жесткими временными рамками. Давайте, пусть бегло, эскизно, проследим путь уральской

геологической службы за советское время, и с этой вышки, с этого пусть небольшого по времени, но густо насыщенного событиями исторического периода, полнее и глубже предстанут те немалые, сложные проблемы, которые мы решаем сегодня.

История объединения уходит корнями в первые годы Советской власти. 30 апреля 1918 года В. И. Ленин подписал постановление Совнаркома о выделении ассигнований на геолого-разведочные работы. По нынешним временам — суммы небольшие, а в те годы для разоренной войной страны они были значительными. 1 июня 1920 года создается Уральский горный комитет ВСНХ — первая централизованная геологическая организация в нашем крае. Нелишне отметить, что у истоков ее стояли видные большевики — член горного комитета Ф. Ф. Сыромолотов и один из первых руководителей комитета Б. В. Дидковский.

Уже в двадцатые годы интенсификация геологических исследований привела к резкому увеличению разведанных запасов железных руд, была заложена основа сырьевой базы медной промышленности Среднего Урала. В 1925 году открыто первое в стране и крупнейшее в мире Верхнекамское месторождение природных калийных солей.

Романтический и напряженный ритм первых пятилеток, этой блестящей эпохи в жизни нашего народа, нашел полное созвучие в работе Уральского геолого-разведочного треста, организованного к тому времени на базе горного комитета. Упомяну, как наиболее крупное достижение геологической мысли и

практики, что именно в этот период была открыта нефть в Предуралье, создана основа для дальнейших поисков на нефть и газ. Открытие новых угольных месторождений позволило к 1940 году увеличить добычу этого ценного минерала в десять раз по сравнению с дореволюционной, а в период Великой Отечественной войны она возросла вдвое уже по сравнению с 1940 годом.

В войну Урал стал кузницей страны, где ковался щит обороны и меч Победы. Он давал фронту сорок процентов всей оборонной продукции страны. Шла особо интенсивная разведка руд черных и цветных металлов, бокситов, алмазов, слюды, угля, огнеупоров. Как отмечал академик А. Е. Ферсман, который возглавил эвакуированный в Свердловск институт геологических наук, впервые потребовались для тончайших и важнейших установок военной техники очень большие количества редких и сверхредких металлов, которые добывались во всем мире килограммами или тоннами. Это цезий, индий, мезоторий, радий, селен, теллур, цирконий, стронций, барий. У поколения геологов, работавших в годы войны, был, как видите, свой фронт, и очень напряженный.

К пятидесятым годам трудами уральских геологов была, по существу, создана минерально-сырьевая база для совершенно новых отраслей промышленности — алюминиевой, никелевой, титановой, хромитовой, магнезиевой, редкоземельной, алмазодобывающей.

За шестьдесят с лишним лет геологами Урала открыты, разведаны и переданы в промышленное

* В 1985 году объединение «Уралгеология» и редакция журнала «Уральский следопыт» заключили договор о творческом сотрудничестве. Решением секретариата правления Союза писателей РСФСР А. К. Семерун утвержден членом редколлегии журнала.

освоение сотни месторождений полезных ископаемых, в их числе всемирно известные Баженовское хризотил-асбеста, Качканарское титаномагнетитовое, Магнитогорское железорудное. Месторождения породили и взрастили города Магнитогорск, Асбест, Березники, Качканар, Североуральск, Булаш, Волчанск.

Современное объединение «Уралгеология» — одно из крупных подразделений Министерства геологии РСФСР. Оно ведет исследования в самой сердцеvine индустриального Урала — в Свердловской, Пермской, Челябинской и Курганской областях. Территория, находящаяся в нашем распоряжении, прямо скажем, немаленькая: 515 тысяч квадратных километров. Для наглядности упомяну, что на этой площади могут разместиться Великобритания, ФРГ, Бельгия, вместе взятые.

Созданный в 1920 году горный комитет насчитывал в своем составе всего 200 человек. Ныне в объединении трудится 14 тысяч человек, в том числе 5 тысяч инженерно-технических работников. Это сложное разветвленное хозяйство. В него входит 11 экспедиций и четыре партии прямого подчинения, информационно-вычислительный центр, геолого-картографическое предприятие, высоко оснащенная лабораторная база, центральные механические мастерские, всего 21 подразделение.

А всего, если взять обобщающий показатель, объединение выполняет объем геологоразведочных работ на сумму порядка 60 миллионов рублей. Цена поиска в силу многих причин с каждым годом растет. И тем не менее стоит подчеркнуть, что каждый рубль, вложенный государством в геологическую разведку, окупается сторицей. В перспекте, который мы выпустили к юбилею геологической службы на Урале, приводятся характерные цифры. За 60 лет геологи записали на свой лицевой счет более 200 миллиардов рублей. Такова стоимость минерального сырья, которое мы разведали и в основном передали для промышленного освоения, затраты же на геологоразведочные работы составили всего полпроцента от этой суммы.

— «Визитная карточка» объединения, что и говорить, выглядит солидно, внушительно. Она, пусть это не прозвучит странно, дает основание задать мой главный вопрос более наступательно.

Край наш издавна называли «Урал — земля золотая». И была на то веские основания. Как свидетельствуют авторитетные справочники, в 1898 году Урал давал четвергую

часть всего золотого запаса России, а по платине он вообще не имел себе равных. Уральцы добывали 367 пудов 13 фунтов, а во всем остальном мире только 25 пудов! 699 рудников выдавали на-гора 88 миллионов пудов железной руды — треть общероссийской добычи.

Руду и выплавленный из нее металл, сравнимый по мягкости и ковкости с пушиной, широко вывозили за границу. Англия едва ли не всецело зависела от уральского железа. В одной из книг я вычитал любопытную информацию о том, что уральская руда отправлялась даже за океан. В 1813 году американцы закупили 300 тысяч пудов, не так уж много, но факт-то сам по себе красноречивый — высоко котировалась в мире уральская руда!

Как же случилось, что сейчас в могучей индустриальной поэме Урала все чаще звучат минорные ноты? Уже не Урал горделиво вывозит на внутренний и внешний рынок свое знаменитое минеральное сырье, а, напротив, к нам движутся сотни тяжело нагруженных составов — 27 миллионов тонн ежегодно! — чтобы накормить прожорливые зевы домен и маргенов? Прав ли все умоножающий хор скептиков, твердящий о том, что Урал оскудел богатствами? Будет ли наш край и в будущем принимать донорскую помощь со стороны, обременяя тем самым государство, или вернет себе былую славу?

— Позвольте и мне, приняв «уловия игры», ответить в том же наступательном тоне. Сейчас неоправданно часто, даже в кругу специалистов, слышишь расхожую фразу, которую употребили и вы, — «Урал оскудел богатствами». Она не столь безобидна, как кажется на первый взгляд. Она, между прочим, многократно повторяемая, укореняется в сознании тех, от кого зависит материальное, и не только материальное, обеспечение уральской геологии, сказывается на психологическом настрое коллектива, и мы на практике чувствуем ее влияние. Согласитесь, что геологам не придает оптимизма, сил и уверенности в работе, когда со всех сторон раздаются: давненько, мол, Урал не радовал сенсационными открытиями.

В том и сложность нашей работы, работы в старейшей горно-рудной провинции страны, что мы не ждем сиюминутных блистательных, тем более сенсационных успехов. Мы настраиваем свои экспедиции, свои исследовательские службы на планомерное изучение как новых, так и — особенно — давно освоенных

месторождений. А последнее, я постараюсь ниже доказать это примерами, неизмеримо труднее.

Да, в известном плане наши древние горы истощились. Два с половиной века — огромный исторический период, сколько бурь пронеслось над страной за это время! Урал преданно и надежно снабжал минеральным сырьем отечественную промышленность. И была настоятельная государственная необходимость брать из подземной кладовой щедро, не оглядываясь на запасы. Даже из моего беглого, в целях экономии места, ответа на первый вопрос видно, что историческая ситуация, весь ход становления нашей некогда отсталой страны в крупнейшую индустриальную державу мира требовал полной отдачи минеральных сокровищ Урала. Как тут было не оскудеть запасам! Не надо забывать, что богатства любого края, планеты в целом небеспредельны. Природа «вырабатывает» сырье в своих глубинных заводах и лабораториях миллионами лет, а человечество осваивает их за десятилетия. Если в 1861—1870 годах общемировая добыча важнейших минеральных веществ ежегодно достигала 225 миллионов тонн, то к середине 60-х годов XX века — почти 10 миллиардов тонн, то есть возросла в 44 раза. По подсчетам советских ученых, за сто лет (1876—1975) из земных недр извлечено 137 миллиардов тонн угля, около 47 миллиардов тонн нефти и 25 миллиардов тонн железной руды, более 20 триллионов кубических метров природного газа, десятки миллионов тонн меди, свинца, алюминия и т. д. По данным ООН, мировое промышленное производство к концу текущего столетия может увеличиться в 2,5—3 раза против уровня 1975 года. Можно себе представить, насколько же интенсивнее, сравнивая даже не с прошлым веком, а с близкими нам по времени десятилетиями, будут разрабатываться земные недра!

С учетом сказанного я и хочу продолжить свой рассказ, чтобы ввести читателей журнала в круг наших тревог, надежд и проблем. Естественно, что помыслы ученых и практиков, всех, кто имеет отношение к уральской геологии, направлены к тому, чтобы Урал не только не терял, но и укрепил свою репутацию кладовой земли.

Начну с самого главного металла Урала — железа. Черная металлургия края столетиями держалась на двух горах-сестрах — Благодат и Высокой; а в советское время к ним присоединилась третья — Магнитная. Увы, сейчас на месте ураль-

кальных гор зияют котлованы, и хотя добыча там еще продолжается, не с ними мы связываем перспективы края.

Положение в черной металлургии, действительно, напряженное. Кто-то, а мы, геологи, в первую очередь чувствуем свою ответственность за создавшуюся диспропорцию между рудой и металлом. Постараюсь подробнее раскрыть эту проблему, а пока напомним, хотя бы в порядке просветительства, что, несмотря на переживаемые серьезные трудности, Урал и поныне является крупным железорудным районом. Он уступает лишь центру страны и Украине (по добыче идет вслед за УССР) и значительно превосходит по своим запасам такие страны, как Англия, Западная Германия, Италия, Швеция и многие другие капиталистические страны.

Главное железорудное богатство края — титаномагнетитовые руды. Львиная доля их (более 70 процентов) концентрируется в Качканарско-Кытлымском районе с его миллиардными запасами, самыми крупными в мире такого типа. Есть, правда, одно весомое «но». Титаномагнетиты бедны, содержание железа в них не превышает 17 процентов, но промышленность края накопила в последние десятилетия солидный опыт переработки бедного сырья. Уникален даже по мировым меркам Качканарский горно-обогатительный комбинат. Он «перелопачивает» за год 45 миллионов тонн, но и при такой «прожорливости» разведанных запасов хватит на 70 лет, а прогнозных — не на одно столетие. Нижнетагильский металлургический комбинат, который питается качканарскими окатышами, может уверенно смотреть в будущее.

ГОК — дорогостоящее предприятие, к тому же требует большой земельной площади, порядка 8 тысяч гектаров. Специалисты, однако, посчитали, что одна лишь экономия на транспортных расходах окупает затраты на строительство. Качканарские окатыши окупают себя еще и тем, что в них содержится ванадий.

Ванадий — легирующий элемент, небольшая добавка которого в конструкционные стали повышает их прочностные характеристики. Такая сталь широко используется в трубном производстве, ядерной энергетике, строительстве и на транспорте. Ванадий придает конструкциям «морозоустойчивость», и потому они надежно служат в районах Крайнего Севера. По оценке зарубежных специалистов, среди легирующих элементов именно на ванадий ожидается наибольший спрос на мировом

рынке. Как видите, бедная руда на проверку оказалась богатой. Вообще понятие «бедная» или «богатая» руда в свете современной технологии выглядит в известной мере условно. Если раньше минеральное сырье рассматривалось с позиции одного, максимум двух элементов, то ныне оценка должна быть комплексной, с учетом всех содержащихся в нем компонентов. Такой подход заставляет и нас, геологов, пересматривать свои позиции.

Истощение минеральных ресурсов носит общепланетарный характер. В поисках сырья интенсивно исследуется морской шельф, уходит далеко в океан плавучие нефтебуровые установки, осваивается недоступный ранее Север. Это поиск широким фронтом новых месторождений. Но есть, как показывает опыт Качканара, и другой путь — технологический. Промышленность ныне готова и способна перерабатывать такие источники сырья, которые прежде казались бросовыми. Наступление подобных перемен предвидел А. Е. Ферсман. Когда цена железа поднимется до цены серебра, говорил он, тогда каждый кусок гранита обернется рудой.

Из 55 важнейших полезных ископаемых, которые разрабатываются в нашей стране, на Урале представлено 48. Уже одна эта цифра говорит о большом потенциале региона. Это месторождения меди (Левиха, Карабаш), никеля и кобальта (Южный Урал), платины, золота (Березовский, Кочкар), а также вольфрама, олова, молибдена, сурьмы, ртути и многое другое.

По одним элементам наши позиции устойчивы, другие вызывают беспокойство. Оптимистично выглядят запасы бокситов, калийных солей, асбеста. С одной, правда, существенной оговоркой: придется изрядно «закапываться», чтобы добыть их из земли. Так, асбестовый карьер, по прогнозным наметкам, достигнет в XXI веке глубины 940 метров.

Значительны запасы нерудных полезных ископаемых — таких, как магнетит, барит, тальк, кварц, огнеупорные глины. Широко известны за пределами края Ильмены и Мурзинка — уникальные природные музеи, своеобразные красочные витрины Хозяйки Медной горы. Яшма, горный хрусталь, агат, селенит и другие камни активно используются ныне для украшения быта.

Как я уже упоминал, к сожалению, не все безоблачно на геологическом небосклоне Урала. Боль наша — Магнитка. И хотя честь открытия крупнейшего Соколовско-Сарбай-

ского месторождения принадлежит уральским геологам, нас, естественно, глубоко волнует, что домынн Магнитки загружаются не местным, а привозным сырьем. Не предвидится перемен и в обозримом будущем.

Нет, к сожалению, в запасе и второй Дегтярки, отсюда большие трудности на «медном фронте». Испытывает наш край трудности с углем. Редкостью стал малахит, украшение короны Урала. Беден наш регион и таким, казалось бы, повсеместно распространенным материалом, как песок. Щебня предостаточно, а вот песка, важнейшего компонента строительных материалов, маловато. Перечень этот, увы, можно продолжить...

— Понимаю, что перечень этот важен, но давайте, как мы условились, вернем нашу беседу на конструктивные рельсы.

В 1932 году в Свердловске состоялась чрезвычайная сессия Академии наук СССР, посвященная проблемам минерально-сырьевой базы Урала. С основным докладом выступил академик Иван Михайлович Губкин, труды которого, к слову сказать, послужили путеводной звездой для первооткрывателей тюменской нефти и газа. Позвольте процитировать одно из положений доклада:

«...в первую очередь наше внимание должно быть сосредоточено на районах Дальнего Севера, где в настоящее время уже определенно вырисовались контуры огромного угленосного Печорского района и Привисерского района с его титаномагнетитом в месторождении Юбрьшка, общие запасы которого сейчас определяются свыше 10 миллионов тонн.

Пай-Хой* с указаниями на наличие там железорудных месторождений и другие местности дальнего Северного Урала должны приковать наше внимание как будущий металлургический центр Полярного Урала».

Как оценивается этот тезис-прогноз с геологических позиций в наше время, в середине 80-х годов?

— Полярный Урал фактически вне сферы влияния нашего объединения. Северная граница — я имею в виду ведомственную — проходит по границе Ивдельского района Сверд-

* Пай-Хой — невысокий горный район на Крайнем Севере. С венецкого он переводится как «Каменный хребет», т. е., собственно, с него и начинаются Уральские горы.

ловской области. С учетом этого и буду вести речь.

Скажу коротко. В геологическом плане Север интересен, возможности там больше. В этих районах есть железо, медь, бокситы, золото... Но масштабы и содержание месторождений в зоне нашего поиска не настолько весомы и экономически в данный момент оправданы, чтобы безотлагательно приступить к промышленной разработке. Разведка и добыча полезных ископаемых — далеко не одно и то же. Надо сто-кратно все взвесить, чтобы строить шахты и рудники в отдаленных местах, где нет ни поселков, ни железных дорог, то есть, собственно, начинать строительство «с нуля». Не станет ли в этом случае тонна железной руды золотой?

Прервем на время беседу и попробуем, пусть эскизно, расширить рамки повествования за пределы Уральского геологического объединения.

Север Урала... Что понимать под этим обозначением? Условное ли это понятие или подразумевает определенную территорию? Принято считать, что север Урала начинается от границ Пермской и Свердловской областей и простирается вплоть до Северного Ледовитого океана. Он имеет протяженность в тысячу километров. Если вспомнить, что весь Урал простирается на 2,5 тысячи километров, то даже в чисто территориальном плане это не одна европейская держава.

И хотя и сегодня Север малонаселен, есть места, где от поселения до поселения сотни километров, к нему уже трудно применить столь часто употреблявшиеся ранее эпитеты, как «дикий», «недоступный» и т. д.

Хозяйственному освоению Северного Урала способствуют его соседи. Это прежде всего Западная Сибирь с ее, увы, озаряющими небо газовыми факелами. Через Полярный Урал проходит железная дорога от Когласа — Воркуты до Лабитнанг, а следовательно, до Салехарда, крупного портового центра. За последние годы нитки рельефов протянулись на юге, западе и востоке этого обширного региона. Тундры пересекают гигантские нити газопроводов.

Север Урала привлекает взоры многих исследователей. С давних пор людей не оставила простая в общем-то мысль. Если Средний и Южный Урал богат минеральными запасами, то почему ими должен быть обделен Север, имеющий с этими районами единое структурное строение, единые металлогенические зо-

ны? Экономика — всемогущий повелитель — сдерживала до поры до времени фронт разведочных работ, повергая труд геологов рублем.

Но та же экономика, когда индустрия Урала стала переживать значительные трудности с минеральным сырьем, ныне все более решительно отдает приказ: «На север!»

Эпоха геологического (уже не говоря о промышленном) освоения Севера, по сути, в самом начале, мы присутствуем при ее рождении, и естественно, что прогнозам присуща сдержанность. Так или иначе, но первые результаты свидетельствуют о правомерности главного тезиса: север перспективен на запасы полезных ископаемых. Разведаны бокситы и титан, которые рекомендованы для промышленного освоения. Выявлены многочисленные проявления скарново-магнетитовых, титаномагнетитовых, хромитовых, медноникелевых руд.

Из нерудных ископаемых на севере весьма широко распространены бариты, флюориты, калийно-магневые и каменные соли, самородная сера, разнообразные строительные материалы. Север, видимо, может стать в будущем солидным поставщиком облицовочных плит из мрамора, гранита, а также поделочного сырья — аметиста, жадеита, яшмы.

Уральская металлургия, после того как перешла с дровяного топлива на минеральное, всегда ощущала нехватку сырья. Дефицит энергетических и коксующихся углей исчисляется миллионами тонн ежегодно. Возможно, в будущем именно за счет севера удастся если не ликвидировать, то существенно уменьшить отрицательную величину. Мощные пласты малозольных бурых углей обнаружены в обширном географическом районе — от реки Северная Сосьва до Салехарда. Несомненно, промышленное значение имеют и богатые залежи горючих сланцев.

В 1980 году состоялась всесоюзная научная конференция, обсуждавшая проблемы развития производительных сил Урала. На ней с особой остротой была высказана мысль о широком разрывании на севере Урала поисково-разведочных работ, которые должны стать предвестником планомерного хозяйственного освоения.

Сделав это отступление, вернемся на новом витке разговора к нашей беседе.

— Анатолий Кузьмич! Сейчас в специальной литературе, даже в официальных документах часто встречается фраза: «Век поверхност-

ных открытий на Урале миновал». Наступает и, видимо, бесповоротно век глубинных открытий. Значит, происходит своего рода революция в такой древней и романтической человеческой деятельности, как геология?

— Революция — это, может быть, слишком громко сказано, но принципиальные структурные сдвиги, как говорится, налицо. На Урале, по крайней мере в зоне нашего объединения, трудно ждать крупных поверхностных открытий. Нельзя, разумеется, полностью исключать такой счастливой и редчайшей возможности, но чтобы «вдруг» кто-то где-то нашел месторождение типа Благодатского железорудного, Баженовского асбестового или Североуральского бокситового, — вот такое исключено.

Наше главное направление — нижние горизонты земли. Наш магистральный путь — вести разведку не столько вширь, сколько вглубь.

С давних времен рудоискатели были убеждены, что Урал хранит свои богатства не только близ поверхности, а старательно прячет их и в своих глубинах. Оптимистической верой в нижние горизонты земли пронизаны труды выдающихся геологов, работавших в нашем крае. Да и простая логика подсказывала, что рудное тело может уходить в глубь земли. Но насколько далеко? Если мы сейчас, вооруженные технически и теоретически неизмеримо лучше, не можем с полной ясностью обрисовать глубинный портрет земли, то тем более трудно было ждать исчерпывающего ответа от наших предшественников. Важно подчеркнуть, что надежда в богатства Урала, запрятанные далеко от людского глаза, жила давно и ждала своего часа.

Перечитайте Павла Петровича Бажова. Мудрый уральский сказочник, черпавший вдохновение в устном народном творчестве, не случайно поместил роскошные палаты Хозяйки Медной горы глубоко под землей, куда простому смертному вход заказан.

«И вот пошла. Она впереди, Степан за ней. Куда она идет — все ей открыто. Как комнаты большие под землей стали, а стены у них разные. То все зеленые, то желтые с золотыми крапинками. На которых опять цветы медные. Синие тоже есть, лазорвые. Одним словом, изукрашено, что и сказать нельзя, и платье на ней — на Хозяйке-то — меняется. То оно блестяет, будто стекло, то вдруг полиняет, а то алмазной пылью засверкает, либо

скрасна медным станет, потом опять шелком зеленым отливают...»

Труден путь к каменным палатам Хозяйки гор уральских. Но именно там и ждут геологов не скажочные, а реальные богатства.

Вести разведку в тех местах, где уже побывала нога геолога, дело непростое. Сошлись в качестве примера на ныне всем известную Северопесчанскую шахту.

Район этот, как говорится, хожен-перехожен геологами. И все данные говорили о том, что руда там есть. Но сколько ее, достаточны ли запасы для промышленного освоения? Одно за другим наносили на карту месторождения, но все они относились к разряду мелких; самое значительное, Покровское, насчитывало порядка 12 миллионов тонн. Как ни парадоксально звучит, но все эти «мелкие» открытия сбивали с толку поисковиков, создавали устойчивое представление, что крупного рудного тела в данном районе нет. Призывали на помощь геофизику с ее мощными средствами: электромагнитосейсморазведкой. Геофизики дали однозначный ответ: «Руда есть!» и предсказали вероятные контуры месторождения. Снова заложили скважины — прогноз блестяще подтвердился. Так было открыто месторождение порядка 150 миллионов тонн руды, причем, что очень важно подчеркнуть, руды богатой, с содержанием железа в ней более 50 процентов.

В 14 километрах от Краснотурьинска действует ныне одна из крупнейших шахт на Урале — Северопесчанская. Она ежегодно выдает на-гора более 4,5 миллиона тонн железной руды, которая отправляется на металлургический завод имени А. К. Серова. Как видите, геологи создали предприятию солидный задел на будущее.

Северопесчанская для нас уже история. Пусть недавняя, но история. А вот совсем свежий пример. В зоне действия нижнетагильского гиганта металлургии находится Евстюнинское месторождение, издавна хорошо знакомое геологам. Приступили к «прослушиванию» старого знакомого, но уже по новой диагностике, по новой методике исследований. Раньше считалось, что железо следует искать только в так называемых контактных рудах. Новейшая геологическая мысль настоятельно советует не сужать столь искусственно границы поиска, расширить его фронт. Привлекая науку в качестве могучего союзника, геологи научились точнее определять генезис месторождения, видеть пер-

вичные структуры, приуроченные к конкретным геологическим эпохам, и т. д., словом, мыслить и более предметно, и более масштабно.

Пробурили скважину — пусто. Как позднее оказалось, она прошла рядом с рудным телом. Прежде подобный отрицательный результат мог надолго законсервировать разведку данного участка. Теперь же мы были уверены, что просто не сумели точно определить точку «укола». Проверили предварительные расчеты, внесли коррективы. И вот в январе 1985 года скважина пересекла мощный пласт, высота (толщина) которого в точке бурения 175 метров. Работы впереди много — надо оконтурить месторождение, определить его балансовые запасы, но главное сделано — руда найдена.

На этом примере, полагаю, хорошо видно, насколько повысилась сегодня эффективность поиска. Скважина и в наши дни остается наиболее достоверным источником получения информации (к слову сказать, в распоряжении объединения имеется 200 бурильных станков), но теперь она не имеет, как прежде, диктаторской функции. Скважина может, как мы убедились, пройти буквально рядом с рудным телом, может просто не дойти до него.

Незаметно и как-то буднично было воспринято известие о том, что геологами найдены в Тагило-Куршвинском районе новые мощные запасы руды, около 340 миллионов тонн. А ведь это событие принципиального значения! Рудное тело простирается далеко в глубь земли. Пока мы сделали расчеты до 1200 метров, приблизительные — до 1500. Есть все основания полагать, что во второй тысяче метров железа не меньше, чем в первой. Блестяще подтвердилась давняя мечта рудознатцев, прогноз ученых и практиков, что Урал не исчерпал свои запасы, что все мы, живущие на Урале, можем с большим оптимизмом смотреть на будущее нашего края.

Пока все действующие в нашем крае рудники и шахты ориентированы на добычу полезных ископаемых на глубину до 1200 метров. По мнению многих исследователей, рудное тело может погружаться до глубины в три с половиной километра. Не будем заглядывать столь далеко, то бишь глубоко, останемся реалистами. Экономически оправдана в настоящее время добыча железных и медных руд, лежащих от поверхности земли на один-полтора километра. Шахты Криворожского бассейна близки к километровой отметке, а мировая практика знает

примеры, когда добывают золото с трехкилометровой глубины.

Вполне естественно, что тонна руды при таких способах производства становится дороже. За 25 лет добыча полезных ископаемых выросла в мире в 3 раза, а стоимость — в семь. На Урале за одно десятилетие (1968—1977) себестоимость железной руды возросла на 14 процентов. Цифры, однако, сами по себе мало что говорят, их истинное значение вырисовывается только в сравнении. А противовес сказанному весомый. Переработка каждой тонны местной медной руды по сравнению с привезенной из Сибири или Кавказа обходится государству дешевле на 13—25 рублей. Экономика, как видите, голосует за штурм земных глубин.

Экономическая эффективность рельефно проявляется на социальном фоне. В старых районах веками складывались горящие поселения, здесь от поколения к поколению передавался профессиональный опыт. И если «исчезает» руда, то хиреет и поселок. Люди, как правило, перебираются в другие места, меняют профессию. Четко налаженная технологическая цепочка (рудник — транспорт — завод), опытные кадры, судьба поселков — судите сами, как все тесно переплетено и насколько значимо именно здесь найти руду. Вот в таком историческом, социальном и экономическом контексте и надо оценивать глубинную разведку на Урале.

— «Глубинный» поворот в геологии сам по себе подразумевает, что сейчас успех поиска зависит не столько от талантливого рудознатца-одиночки, сколько от большого коллектива людей разных специальностей. Значит, все-таки меняется и сам характер профессии. Может быть, пришла пора сдавать в архив традиционное представление о геологе как о человеке, идущем по тайге с неизменным молотком в руках?

— И да, и нет. Да, в геологии все сильнее развивается исследовательское начало и поиск все более носит ярко выраженный коллективный характер. Могучим союзником геологии стала теоретическая мысль, наука в целом, знание особенностей тектонического строения Урала, механизма рудообразования.

В этом плане определенные надежды мы связываем с уральской сверхглубокой, которая будет заложена в пяти километрах от Верхней Туры у восточного подножия горы Гуркин Камень. Она призвана изучить эндогенные (происходящие внутри земли и вызываемые внутрен-

ними силами) процессы и установить причинную связь между этими процессами и рудообразованием, проследить, как меняются термодинамический, газовый режим земли и физические свойства пород в условиях высоких температур и давления. Все это позволит создать модель глубинного строения земной коры. Если учесть, что точка «укола» приходится на Тагил-Кушвинский район, истари известном своим железомедными месторождениями, то станет ясным, сколь ценна может быть «глубинная» информация о состоянии земных недр и для ученых, и для практиков.

С другой стороны, сегодня, как и встарь, можно встретить геолога, идущего по тайге. А как иначе? От него, и только от него, исходит первичная информация. Много, конечно, изменилось за последние десятилетия. Я, например, еще застал времена, когда самым распространенным средством передвижения геолога были его собственные ноги да лошадь. Лошадь осталась в воспоминаниях старожилов, ее сменили автомобили, вездеходы, вертолеты. Но, как и прежде, профессия геолога требует от человека физической выносливости, умения много ходить, стойко переносить бытовые лишения.

И молоток по-прежнему в руках геолога. Ну, еще лупа, записная книжка. Мало этого, крайне мало. Как определить на глазок ценность найденного образца? Надо направлять его на исследование, ждать результаты, а на все это уходит дорогое поисковое время. Нужны портативные средства диагностики, чтобы геолог мог непосредственно на месте провести экспресс-анализ обнаруженной им руды. Словом, инженерная вооруженность труда геолога очень сильно отстает от требований века.

— На Урале сильно развито движение юных геологов. Премия имени Ленинского комсомола — яркое тому свидетельство. Несколько слов об этом...

— Это движение прекрасно со всех точек зрения. Ребята ходят в многодневные походы, которые воспитывают в них самостоятельность и коллективизм, выносливость, то есть те качества, которые всегда и везде пригодятся в жизни. Походы окрашены романтикой странствий, романтикой поиска. Они выработывают, наконец, профессиональную ориентацию — многие из ребят, как показывает практика, становятся впоследствии профессиональными геологами. Сейчас, когда в силу многих причин престижность нашей профессии несколько тускнеет, чему свидетельство резкое снижение конкурентности в геологических институтах, особенно важно всемерно поддерживать движение юных геологов.

Не забудем и о практической отдаче. Юные следопыты избирают обычно такие маршруты, куда еще долго не придет профессионал. Таким образом они значительно расширяют фронт поиска. Ваш журнал не раз приводил примеры, когда обнаруженные ребятами «рудные знаки» служили основанием для промышленной добычи.

Мы и здесь стремимся идти «вглубь». В этом году наше объединение провело в Пермской области уже не слет, как прежде, а двухнедельный лагерь. Соревновательность, конкурентность, игровые элементы — все это осталось, но вместе с тем мы значительно больше времени уделили теоретической подготовке, развитию профессиональных навыков. Словом, на движение юных геологов мы возлагаем большие надежды — им в будущем поддерживать и развивать традиции уральской геологии.

— И наконец, традиционный вопрос. Что привело вас лично в геологию? Что бы хотели пожелать будущему геологу?

— Вырос я в Воронеже. И хотя в нашем городе есть университет, а в нем геологический факультет,

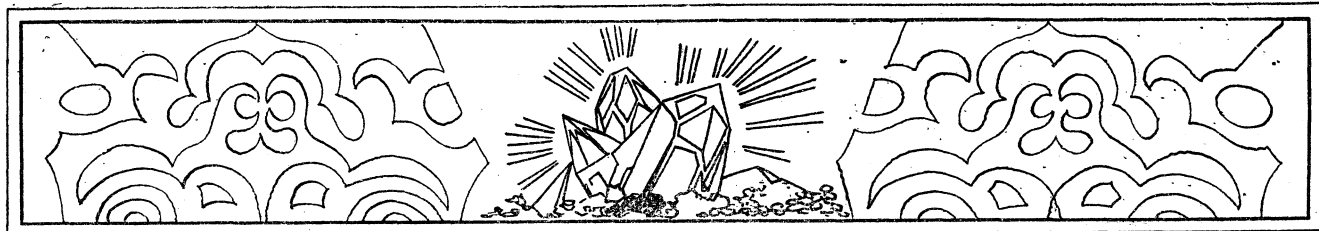
о профессии геолога не мечтал. Время было послевоенное, страна нуждалась прежде всего в строителях. И я поступил в строительный институт. Среди других дисциплин читали нам курс инженерной геологии, и читали блестяще. Вот тогда-то я и почувствовал, как зарождается во мне геологическая жилка. Укрепили веру в перемену профессии друзья с геологического факультета. Словом, со второго курса строительного я перешел на первый курс геологического факультета.

После института в 1952 году меня направили на Урал, чему я был рад. Работал на Северном Урале. Было всякое: мерзли отчаянно, оставались без продуктов, лодка перевертывалась в студеной реке — обычное дело. Мой личный опыт свидетельствует, что профессия геолога — это не столько романтика, хотя она, конечно, есть и нельзя ее пренебрежительно сбрасывать со счета, сколько тяжелый физический труд. И удача не столь часто посещает, как хотелось бы. Удачу надо ждать, наскоком ее не возьмешь. Надо усвоить все то, что сделано твоими предшественниками, хорошо, до тонкостей, изучить район, в котором работаешь, накопить свои идеи, а потом шаг за шагом — годами! — идти к тому, чтобы реализовать их. Чем труднее цель, тем радостнее и победа...

— Вас удача не обошла стороной. Вы являетесь обладателем редкого в нашей стране почетного знака «Первооткрыватель месторождения». За что конкретно вы получили его?

— За открытие месторождения россышного золота.

Беседу вел
Станислав МЕШАВКИН

Михаил ЧЕРНЕНОК

Рисунки Е. Стерлиговой

ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

Зрелище было не из приятных. Бирюков поморщился.

— Куда исчез Зоркальцев, знаете?

— Честное слово, не знаю, — захлебываясь слезами, с трудом выдавил из себя Милосердов. — Последний раз он заезжал ко мне, как бы не со врать... Одиннадцатого июня. Да, да! Одиннадцатого...

— Зачем?..

— Чтобы купить... — Владимир Олегович вяло показал рукой через плечо, — этот старинный гарнитур.

— Не сторговались?

Милосердов достал из кармана пижамы носовой платок и стал вытирать щеки под очками.

— Сторговались на семи тысячах. Геннадий утром свозил меня к нотариусу, чтобы заверить расписку в получении от него денег, потом привез деньги. Сказал, вечером подгонит за покупкой грузовик, но до сих пор не приезжает. Уже который день пошел...

— В какое время он был у вас?

— К нотариусу мы ездили после девяти утра, а деньги Геннадий привез где-то около одиннадцати. Точно не могу сказать, не помню.

— В машине с Зоркальцевым никого не было?

— Когда к нотариусу ездили, не было. А когда деньги он привез, я машину его не видел.

Бирюков обвел взглядом мебель.

— Не много ли семь тысяч за это? Вы ведь говорили, что за бесценку купили...

— Но это же антиквар! — Милосердов вроде бы оживился. — Семь тысяч — дешевизна. Я сам столько же отдавал, но понадобились деньги на машину. Вот Зоркальцев и уговорил меня.

— Он не подозревал вас в поджоге дачи?

— Нет, конечно.

— Зоркальцевские деньги у вас?

— У меня.

— Покажите.

Милосердов очень тяжело, словно это стоило ему больших усилий, поднялся из кресла, втис-

нулся в узкую щель между купеческим буфетом и шифоньером, дольше минуты что-то там передвигал и наконец, выбравшись оттуда, положил перед Антоном на стол семь денежных пачек, упакованных крест-накрест стандартными бумажными обертками. Одна из оберток была разорвана.

Дрожащим пальцем Милосердов указал на нее.

— Из этой тысячи я отдал пятьсот рублей Леле Кудряшкиной за бирюзовый перстень.

— Где Кудряшкина его взяла?

— Не знаю. Говорила, подарок, но чей — не сказала.

— Значит, парень именно эти деньги требовал?

— Да, кричал: «Выкладывай семь тысяч, которые получил от Зоркальцева!»

— Откуда он узнал о вашей сделке?

— Понятия не имею. Кроме меня и Геннадия об этом никто не знал. Какое-то роковое стечение обстоятельств...

За окном послышался шум мотора. Бирюков глянул в окно и увидел оперативную машину. При официальном допросе, проводимом в присутствии прокурора, Милосердов полностью признал себя виновным в поджоге дачи Зоркальцева и, по его словам, готов был возместить причиненный ущерб или нести за совершенное уголовное преступление. Когда же разговор зашел о самом Зоркальцеве, Владимир Олегович так слезно начал доказывать прокурору свою непричастность к исчезновению Геннадия Митрофановича, что на него неприятно стало смотреть.

Никто не поверил, конечно, в то, что Милосердов поджег дачу из-за ревности. Скорее всего причиной было какое-то деловое соперничество между ним и Зоркальцевым. Но в чем?.. Милосердов продолжал упорно твердить об Анжелике, а Зоркальцев не оставил никаких свидетельств на этот счет.

ГЛАВА 11.

Вернувшись в отдел, Бирюков с Шехватовым принялись обсуждать внезапно сложившуюся ситуацию. Разговор прервался телефонным звонком.

Из дежурной части сообщили, что туда обратилась гражданка, утверждающая, будто на расклеенной по городу листовке опознала своего бывшего ученика Жору Коробченко.

— Направьте ее ко мне, — сказал дежурному Шехватов.

Вскоре в кабинет вошла высокая пожилая женщина с седыми, коротко стриженными волосами. Она медленно села на предложенный Шехватовым стул и тяжело вздохнула.

— Моя фамилия Юдина. Зовут Марией Федоровной. Сорок лет в школе учительствовала, теперь пенсионерка... — Женщина опять тяжело перевела дыхание. — Час назад из хлебного магазина вышла. Вижу, милицейский товарищ листовку приклеивает, где... разсыкивает милиция. Подошла — батюшки! — Жору Коробченко ищут. А я видела его в начале этого месяца на вещевом рынке. Понимаете, в воскресенье пошла на рынок, чтобы купить приличный воротник к зимнему пальто. В мастерской всякую ерунду предлагают... И вот на рынке столкнулась с Жорой, только что купившим у какого-то мужчины прекрасную шкурку голубого песца...

— Внешность этого мужчины запомнили? — воспользовавшись паузой, спросил Шехватов.

— Пожалуй, в пенсионном возрасте, щупленький, лысый... Одет, как раньше говаривали, по-крестьянски, но в собственной машине ездит.

— Какой марки машина?

— «Жигули» или что-то в этом роде. Новенькая, вишневого цвета.

Шехватов переглянулся с Бирюковым:

— Кажется, Тюленькин. — И опять спросил Марию Федоровну: — Коробченко при вас покупал шкурку?

— Нет, я встретила Жору уже с песцом.

— Почему решили, что он у этого мужчины купил песца?

— Потому что в тот день на рынке больше ни у кого песцов не было. Попробовала потроговаться — не по карману. Пятьсот рублей шкурочка!.. Видимо, Жора дешевле сторговался.

— Зачем ему понадобился песец?

— Ох уж этот Жора... — Юдина грустно покачала головой. — Как всегда, вдохновенно стал лгать, дескать, невесте — подарок. А какая у него может быть невеста, если он только-только из колонии вышел? Еще прихвастнул, что работает в геологоразведке, не пьет теперь. У него ведь все несчастья из-за пьянки...

— Давно его знаете?

— В начальных классах учила. Очень способный был мальчик, но алкоголь сгубил. Видимо, у Жоры это от отца — неизлечимого алкоголика. А мама Жорина была прекрасная женщина. Как

и я, учительницей работала. Мы с ней параллельно классы вели. Ох, сколько Фаина Андреевна намаялась со своим муженьком! И лечила, и чего только не делала — все впустую. Так в пьяном угаре и погиб человек. Два с лишним года находился на принудительном лечении. Едва вышел оттуда — встретил шофера-друга. На радостях так отметили встречу, что вместе с шофером ухнули на самосвале с моста в речку. Оба и погибли.

Бирюкову тотчас вспомнилась последняя встреча с Лелей Кудряшкиной и рассказ Лели о том, как ее отец «по пьяной лавочке гробанулся с самосвалом».

— Мария Федоровна, в каком районе это было? — быстро спросил Антон.

— В Мошковском.

— Вы там жили?

— Я и теперь там живу. Приехала в Новосибирск погостить к сыну да вот загостились второй месяц.

— А как фамилия шофера, который погиб с отцом Коробченко?

— Кудряшкин.

— Вы его дочь знаете?

— Как же не знать. Леля с Жорой у меня в одном классе учились... Славная была девочка, но рано осталась без родителей. После десятилетки уехала в Новосибирск и где-то здесь затерялась.

— А вам хотелось бы ее повидать?

— Разумеется!

Бирюков вырвал из записной книжки листок, написал на нем адрес и номер телефона и протянул Юдиной:

— Вот Лелины координаты.

— Спасибо, — поблагодарила Мария Федоровна.

— Как Жора относился к Леле? — спросил старую учительницу Шехватов.

— Дружили они. Ох уж этот Жора... Очень способный, эмоциональный был мальчик, но, знаете, с какой-то болезненной тягой к отрицательным поступкам. Первоклассником я застала его у школьного туалета с папиросой. Прикуривать еще не умел. Просто поджигает спичкой табак — тот, естественно, не загорается. Спрашиваю: «Зачем ты это делаешь?» Смугил: «Интересно, Марь Федоровна, попробоваться. Не говорите маме, честное слово, больше не буду...» Однако во втором классе уже покуривал основательно, и ни Фаина Андреевна, ни я так и не смогли уберечь его от пагубной привычки. А вот другой случай... Фаина Андреевна от постоянных неурядиц с алкоголиком-мужем страдала расстройством сна. Врач приписал ей димедрол. И знаете, Жора утащил у мамы эти таблетки. Усыпил чуть не весь

класс, а сам наглотался больше всех. Врачи чудом спасли от отравления. В пятом классе... он выпил вина. Все всполошились, стали контролировать Жору. Он выправился, стал прекрасно учиться. Схватывал новый материал прямо на лету, участвовал в художественной самодеятельности, замечательно рисовал. Восьмой класс закончил в числе лучших. А после восьмого что-то опять сломило его. Самое, знаете, удивительное в том, что после каждого проступка Жора понимал свою вину, раскаивался, но через неделю-другую опять срывался. Десятилетку закончил с грехом пополам, однако прекрасно сдал вступительные экзамены в Омское художественное училище. Файна Андреевна заботливо проводила сына на учебу, одела его с иголочки, а через полгода прилетела страшная весть — Жора арестован за кражу. У Файны Андреевны не выдержало сердце — инфаркт... Хоронили ее без меня. По решению педагогов я срочно уехала в Омск, где Жора привлекался к суду, чтобы выступить, так сказать, в качестве законного представителя несовершеннолетнего подсудимого, поскольку Жоре в ту пору еще не было восемнадцати. На суде мне довелось узнать все подробности. Оказывается, в училище Жора учился нормально всего около трех месяцев. Затем стал избегать сокурсников, нашел компанию сомнительных дружков, стал бесконтрольно выпивать. Выпивка, разумеется, требует денег. Жора быстро распродал справленные мамой вещи и... Тут-то и сговорили собутыльники его на кражу. Следствие было проведено тщательно, вина Жоры доказана. Да и сам он ничего не отрицал.

— Мария Федоровна, — обратился к Юдиной Бирюков, — при встрече с вами на рынке Коробченко не говорил о Кудряшкиной?

— Ни слова. Знаете, какой-то встревоженный был, и разговор толком не получился. Мне показалось, будто Жора испугался меня... Откуда у него деньги на песка?

— А сплутовать он не мог?

— Каким образом?

— Есть такой «кукольный» прием. В базарный день мошенник присматривает простоватого торговца и азартно начинает торговаться. Договорившись о стоимости покупаемой вещи, разрывает банковскую упаковку на денежных купюрах и дает пересчитать деньги продающему. Тот убеждается в достоверности суммы, но мошенник вдруг начинает колебаться — стоит ли покупать? Под этим предлогом он забирает деньги у продающего и на какой-то момент сует их к себе в карман. Затем сразу: «А, была не была! Покупаю!» И тут же, под шумок, вручает продающему пачку денег, но уже не ту, которую продающий пересчи-

тывал, а «куклу», где купюры под упаковкой лишь сверху да снизу прикрывают нарезанную по их формату бумагу. Торговец спокойно прячет «куклу» в карман и обнаруживает, что его надули, как правило, уже дома...

Старая учительница задумалась:

— А это похоже на Жору, в школе еще любил разные фокусы. Но ведь вместе с этой... как вы сказали, «куклой» у него должны быть и настоящие деньги в упаковке. А откуда они у Коробченко, если он недавно из колонии?

— Видимо, раздобыл, — сказал Шехватов.

Ответив еще на несколько вопросов Шехватова, Мария Федоровна поднялась уходить. У порога она внезапно остановилась и досадливо махнула рукой.

— Ох, годы, годы... самого главного, ради чего пришла, не сказала. В листовке написано, будто Коробченко вооружен. По-моему, это ошибка. При всех своих отрицательных качествах Жора никогда не отличался агрессивностью. Он от природы труслив, как ягненок.

— В критических ситуациях, бывает, и ягнота показывают зубы, — ответил Шехватов.

Юдина, попрощавшись, вышла из кабинета. Бирюков с Шехватовым молча посмотрели друг на друга.

— Вот, Виктор Федорович, и появилась точка пересечения пути Коробченко с Тюленькиным — барахолка, — сказал Антон. — Выходит, уже до угона «Лады» они встречались. И голубого песка Леле на шапку подарил Коробченко. Любопытно, на какие деньги Жора купил эту шкурку?..

— Надо тебе вечером еще раз побывать у Кудряшкиной, — вместо ответа посоветовал Шехватов.

Однако в этот вечер встретиться с Лелей Бирюков не смог. По словам разговорчивой бабы Зины Петелькиной, Кудряшкина после работы с полчаса была дома и куда-то исчезла. Антон терпеливо просидел со старушкой у телевизора до конца программы и вынужден был уйти в гости-ницу ни с чем.

ГЛАВА 12.

Утром в областной отдел розыска позвонил из райцентра Слава Голубев. Как всегда, на одном дыхании он выложил информацию: Коробченко прислал Шурику Ахмерову открытку, в которой срочно требует сто рублей.

— Требуется или просит? — уточнил Бирюков.

Голубев перевел дыхание.

— Требуется. Вот она, у меня в руках, эта открытка. Читаю дословно: «Немедленно шли телеграфом до востребования сто знаков». Ни подпи-

си, ни адреса нет. На открытке — штемпель Новосибирского главпочтамта с позапрошлым числом. Почерк — загляденье! Шурик говорит, кроме Коробченко, так никто не пишет. И еще, Игнатъич... в колонии Шурика «учили», что адресом в таких посланиях является штемпель отправления, то есть на Новосибирский главпочтамт надо денежки посылать.

— Ну, это и без «учителей» ясно. Еще какие новости?

— Все! Шурик сказал, фигу пошлет.

— Как он отзывается о Коробченко?

— Говорит, в колонии мировой парень был. Не задирался и героя из себя не строил, как некоторые другие.

— Тюленькин как?..

— Замкнул свою «ладушку» в гараж; пешком ходит на работу.

Бирюков пересказал показания старой учительницы насчет покупки Жоркой голубого песка и попросил Славу по возможности выяснить у Тюленькина, когда тот был на барахолке последний раз.

— Да разве ж барыга скажет правду! — прочастил Слава.

— Через соседей узнай, свидетелей поищи. Пойми, Славочка, это очень для нас важно.

— Я-то понимаю, гражданин Тюленькин — без понятия. Ладно, Игнатъич, постараюсь!

Когда Бирюков положил телефонную трубку, слышавший весь разговор Шехватов озабоченно проговорил:

— Коробченко лихорадочно ищет деньги. Как бы он еще не наделал бед.

— Надо главпочтамт взять под наблюдение, — сказал Антон.

— Немедленно возьмем. А ты не откладывай встречу с Кудряшкиной.

Бирюков поднялся. До завода, где работала Леля, он доехал на троллейбусе. Моложавый, с черными усиками, начальник отдела кадров, заглянув в предъявленное Антоном удостоверение личности, мигом насторожился:

— Кудряшкина трудится добросовестно, дисциплину не нарушает, и, тэ сказать... мастер никаких претензий не имеет.

— У розыска тоже к ней претензий нет, — успокоил Бирюков. — Свидетелей ищем. Позвоните, чтобы Кудряшкиной разрешили на час с работы отлучиться.

— Пожалуйста, — согласился кадровик.

Через несколько минут Леля вышла из заводской проходной. Увидев поджидающего ее Бирюкова, она ничуть не удивилась. Сунув замасленные руки в карманы синего рабочего халата, небрежно бросила:

— Привет. Явились, не запылились.

— Стараюсь работать без шума и пыли, — улыбнулся Бирюков. — Прошлым вечером домой к тебе приходил, но увы...

— Вечерами я на дело уйду.

— Жаргончик...

— С кем повелась, от того и набралась.

— От Жоры Коробченко?

— Ой, мама родная, опять про Жору.

— Почему «опять»?

— Потому, что кончается на «у». Вчера после работы едва заявила домой. — Мария Федоровна звонит. Бывшая учительница моя. В гости пригласила. И вот до глубокой ночи с ней о житье-бытье да о Жорике говорили. То, что алкашом Жорка стал, дураку ясно, но в убийстве зря его подозреваете. Коробченко как воробей в сухих вениках: шороху много, а не страшно.

Лицо Кудряшкиной было усталым. Видимо, не выспалась и утром торопилась на работу. С безоблачного неба пекло яркое солнце. Бирюков кивком показал на пустую скамейку в затененном сквере рядом с проходной. Предложил:

— Сядем?..

Кудряшкина, не вынимая рук из карманов халата, молча прошла впереди Антона к скамейке. Усевшись на красненький, грубовато сказала:

— Долго трепаться некогда — дырки надо сверлить. За это денгу мне платят. Спрашивай без дипломатии. Что знаю — скажу, чего не знаю — извини. Мне терять нечего.

— Когда последний раз виделась с Коробченко? — спросил Бирюков.

— Когда песка на шапку принес. Дай сигарету.

— Я некурящий.

Леля, хмыкнув, уставилась взглядом на носки своих простеньких туфель.

— Слава богу... Чуть не сорвалась, дура... Короче, песок обошелся мне в двадцать рублей, а занимала я Жорке пятьсот. Четыреста восемьдесят он вернул вместе с песком. Деньги эти перехватила на пару дней у соседки, бабы Зины Петелькиной. Не веришь, у нее спроси. Баба Зина не соврет.

— Когда это было?

— Перед тем как Зоркальцев потерялся. Когда Мария Федоровна встретила с Жоркой на барахолке.

— Какими купюрами ты давала Коробченко деньги?

— Разными. — Кудряшкина с усешкой глянула на Антона. — Еще и номера спросишь?

Бирюков пропустил иронию мимо ушей.

— Вернул он тебе какими?

— Новенькими, как из госбанка, десятками.

— Не говорил, где взял?
 — Я первый раз сорок восемь новых десятков в руках держала, удивилась: «Ты, фраер, однако, банк ломанул?» Жорка засмеялся: «Не, сберкассу».

— После исчезновения Зоркальцева виделась с Коробченко?

Леля вновь принялась рассматривать носки туфель. Ответила не сразу.

— Забегал как-то Жорка ко мне домой. Попросил рубашку постирнуть, засиделся и заночевал. Утром я его выпроводила и на работу ушла. Больше не видела.

— Кровяных пятен на рубашке не было?

— Нет.

— Честно, Леля?..

— Честно говорю, крови не было, а в кармашке... шоферское удостоверение Генки Зоркальцева было.

— Каким образом оно к Коробченко попало?

— Сказал, вроде у дома Милосердова нашел. Хотел в ГАИ сдать, да позабыл.

— Коробченко знаком с Милосердовым?

— Расспрашивал меня: кто такой, кем работает, где живет...

— Нелогично. Удостоверение нашел у дома Милосердова, а сам спрашивал тебя, где тот живет...

Леля растерянно уставилась Антону в глаза.

— Честно, так было. Сначала про дом сказал, а потом расспрашивать начал. До меня этот «юмор» сразу не дошел.

— Что ему ответила?

— Ну, естественно, рассказала, где последняя хата Милосердова находится.

— Вещи какие-нибудь у Коробченко были?

— Какие у алкаша вещи? Шляпа да куртка.

— А еще?

— Бутылка «Агдама» и плавленый сырок.

— А наган?..

— Чего?.. Не видала никакого нагана. И Жорка о нем не хвастал. Честно, я выпивать отказалась. Жорик один всю бутылку замочил и растрепался, как заяц во хмелю.

— О Зоркальцеве не упоминал?

— Когда мне перстень с бирюзой... — Кудряшкина болезненно поморщилась, словно нечаянно прикусила язык. — Нет, о Зоркальцеве особого разговора не было.

— Не «особый», выходит, был?

— Да ну тебя! Прилиц, как банный лист...

— Ты же обещала сказать все, что знаешь.

— Обещанного три года ждут.

— Такой срок нас не устраивает. Коробченко может в ближайшие дни неприятностей наделать.

— Не бойся, ничего не наделает, лопух болт-

ливый... — Леля мельком глянула на Антона. — Правда, Зоркальцева убили?

— Правда.

— Не Жоркиных рук это дело.

— Чьих же?

— Наверно, гарсон Милосердов Генку прикончил. Дачу-то зоркальцевскую он спалил. Анжелика, дура красномордая, мне похвасталась, что из ревности он...

— Что Зоркальцев с Милосердовым не поделили?

— Дураку ясно, не Анжелику.

— Что же?..

— Деньги. Жорка своими глазами видел, как Зоркальцев получил в центральной сберкассе семь тысяч и... канул.

— Каким же образом его перстень с бирюзой к тебе попал?.. Не тяни, Леля, время. Милосердов признался, что у тебя купил перстенок за пятьсот рублей. Выходит, ты — соучастница преступления...

— Офонарел?! — Кудряшкина широко открытыми глазами уставилась на Бирюкова. — Перстень Жорка нашел вместе с Генкиным шоферским удостоверением. Попросил кому-нибудь толкнуть, мне Милосердов подвернулся.

— Зачем же к Фарфорову пошла?

— Затем, чтобы узнать, не фальшивый ли камешек. Жорка понятия не имел, за сколько можно толкнуть эту цацку, а Вадька разбирается. Вот и поперлась, дура.

— Что спросила?

— Ой, мама родная! Это Вадим меня спросил: «Зоркальцева?» Я говорю: «Что, правда, Генкин?» Фарфоров, как всегда, плечами вздернул, мол, кто его знает. Да если б он мне сказал...

— Леля, где Коробченко обитает?

— Не знаю.

— По телефону не звонит?

Кудряшкина отвернулась.

— Леля, — укоризненно заговорил Антон, — поверь, мы задержим Коробченко и без твоей помощи, но тогда могут выясниться факты не в твою пользу. Зачем тебе это надо? Ты и без того наделала глупостей. Теперь вроде одумалась, стала жить по-человечески, и опять все насмарку. Почему молчишь? Звонит или нет Коробченко?

— Утром сегодня звонил, — наконец тихо ответила Кудряшкина. — Хотел, когда вернусь с работы, в гости зайти.

— Я приду раньше. Можно?

Леля даже вскочила со скамейки.

— Не вздумай! Задерживай Жорку где хочешь, только не в моей квартире. Он же сразу поймет, кто его заложил. А если вышку схлопочет? С какой совестью буду жить после этого?

Бирюков тоже поднялся, посмотрел на часы.

— Ладно, Леля, пожалуй, ты права. Спасибо за откровенность.

— Чего уж...— Кудряшкина носком туфли прочертила на песчаной дорожке полосу и, не поднимая на Антона глаза, натянуто усмехнулась.— Вместо спасибо... прошу, не рассказывай Марии Федоровне про мое общение с разной сволочью. Знаешь, вчера она всю душу мне разбередила. Говорила как с родной дочкой. Советует вернуться в деревню, к себе в дом жить зовет. В колхозе доярок не хватает, а я — здоровая лошадь. Могу там рекорды ставить. Короче, на полном серьезе хочу из городского муравейника в родные места податься. Не расскажешь, а?..

— Не расскажу,— твердо пообещал Антон.

ГЛАВА 13.

Задержание любого преступника таит непредвиденную опасность. Не перечить случаев, когда сотрудники уголовного розыска, задерживая даже безобидных, казалось бы, с виду карманников, попадали в такие сложные переплеты, что только молниеносная реакция и смекалка спасали им жизнь.

Оперативное совещание по задержанию Коробченко проводил начальник УВД. Сам в прошлом оперативник, генерал не раз попадал на лезвие риска и прекрасно знал цену неосторожности поступка. Поэтому сейчас он старался взвесить каждый шаг, чтобы предупредить возможную беду. Операция предстояла очень серьезная — по всем предположениям выходило, что Коробченко вооружен и, оказавшись в ловушке, наверняка применит оружие.

Выслушав рапорты, генерал задумался.

— Как на главпочтамте?..— наконец спросил он.

— Пока Коробченко даже поблизости от почтамта не появляется,— ответил Шехватов.— Или выжидает, пока Шурик Ахмеров отправит ему перевод, или увидел расклеенную по городу нашу ориентировку и осторожничает. Не появлялся он в последнее время ни в аэропортах, ни на вокзалах Новосибирска. Сегодня утром буфетчица пельменной, что у остановки «Башня», видела парня, похожего на Коробченко.

— И все?

— Все, товарищ генерал.

— Надо усилить патрулирование в районе «Башни», привлечь дружинников, выставить наряды сотрудников, одетых по форме, чтобы Коробченко стороной обходил многолюдные места. Ни один случайный человек не должен постра-

дать. Запомните: ни один!.. Учитывая, что преступник может оказать вооруженное сопротивление, прокурор разрешил нам тоже применить оружие. Но Коробченко нужен следствию живым...— начальник УВД помолчал.— Квартира Кудряшкиной для задержания отпадает по двум причинам. Во-первых, опыт мне подсказывает, что Коробченко туда не придет. Он уже насторожен. Во-вторых, нельзя не считаться с тем, что запутавшаяся в прошлом девица теперь вроде бы одумалась. Задержание надо провести так, чтобы Коробченко не заподозрил бывшую соклассницу...

На столе генерала включился селектор. Дежурный по управлению доложил, что несколько минут назад на главпочтамте появился сомнительного вида гражданин Тюрин, который спрашивал у контролера переводных операций, не попустил ли телеграфный перевод на имя Коробченко Жоржа Вениаминовича. При этом Тюрин предъявил контролеру свой паспорт с новосибирской пропиской по улице Фабричной и доверенность Коробченко на получение денег, заверенную печатью гастронома № 2.

— Где этот гражданин сейчас? — спросил генерал.

— Контролер ему ответила, что очередное поступление переводов будет через полчаса. Тюрин сел в операционном зале и поглядывает на настенные часы. Вероятно, ждет.

— Не упускайте его из вида.

— Есть не упускать Тюрина из вида!

Генерал обвел взглядом участников группы задержания.

— Вот вам возможность выйти на Коробченко, минуя Кудряшкину.— И посмотрел на Бирюкова: — Срочно в оперативную машину и — на главпочтамт. Группа выедет следом. Не забывайте об осторожности.

В операционном зале главпочтамта посетителей было мало, и Антон сразу заметил обрюзгшего облысевшего мужчину с отеками под глазами. Облокотившись на край овального стола в центре зала, мужчина поминутно вытирал грязным носовым платком потеющую лысину и нетерпеливо взглядывал на светящиеся цифры электронных часов.

Бирюков умышленно подошел к одному из пуствующих окошек с табличкой «Выдача телеграмм до востребования», с минуту постоял возле него и вроде бы в ожидании сел рядом с мужчиной. Мужчина ничуть не встревожился. Промокнув носовым платком мокрый лоб, он как ни в чем не бывало повернулся к Бирюкову, с тяжелой астматической одышкой спросил:

- Папиросочки не найдется?
- Не курю, — равнодушно ответил Антон.
- Жалко... Тоже деньги ждете?
- Телеграмму.
- В деньгах, значица, не пуждаетесь?
- Нет.
- Хорошо вам... А я поиздержался, даже на курево не осталось... — Мужчина несколько раз кряду глубоко вздохнул. — Не сможете на полчасика... одолжить пару рубликов?

— Почему не смогу, — Антон сунул руку в карман, но вдруг словно спохватился: — Только хотелось бы знать, кому даю в долг.

Тоскливые глаза мужчины азартно оживились, и он, будто опасаясь, как бы собеседник не изменил благое намерение, торопливо протянул пухлую руку:

— Будем знакомы!.. Тюрин Борис Петрович — мастер по ремонту кассовых аппаратов из «Рембыттехники». — Видимо заметив на лице Бирюкова недоверие, быстро достал паспорт с вложенным в него листком. — Вот, документ... Через полчаса получу по доверенности целую сотенку, рассчитываюсь...

Бирюков вроде из любопытства заглянул в паспорт, прочитал написанную каллиграфическим почерком доверенность Коробченко и сделал вид, что усомнился:

- Почему этот товарищ сам не получает деньги?
- Говорит, паспорт потерял... А без паспорта какая чудачка ему сотнягу выдаст?..
- Родственник или знакомый?
- Жорка-то?.. На почве «Агдама» познакомились.
- Как?

— Я очень уважаю вино «Агдам»... Никакой гадости, кроме «Агдама», не пью...

— Вам совсем нельзя пить, без вина задыхаетесь.

Тюрин утвердительно наклонил лысую голову.

— Правильно, без вина задыхаюсь, но... как приму стакашек, задышка проходит... Многолетняя привычка. Было время, коньяком сосуды расширял, потом водочкой, теперь... вино выручает. Нет, я не алкоголик. Ни разу от алкоголя не лечился и не собираюсь. Пью мало — бутылочку в день, для поддержания здоровья... И вот, значица, позавчера промашку допустил — винные магазины закрылись. Испугался. Думаю, к утру крышка — задохнусь. Тут Жорка и подвернулся с двумя бутылками «Агдама». Заночевал у меня. Поутрянке пришлось в знак благодарности его угощать, да малость переборщили... Сегодня вот без копейки, задыхаюсь...

— Выходит, компаньон ваш тоже на мели?

— Вчера днем хвастал, дескать, полный карман денег принесет, а вернулся с кукишем в кармане... Утром доверенность мне сунул, вот теперь жду... Ну так как насчет пары рубликов?

— Где потом вас искать? — спросил Антон.

— Долго здесь торчать будешь? — Тюрин перешел на «ты».

— Пока не получу телеграмму.

— Так я ж мигом! Через дорогу, в «Ветерке» подлечусь — и назад. Мне отсюда без сотни уходить нельзя...

«Придется рискнуть для пользы дела», — подумал Бирюков, доставая деньги.

Завладев двумя рублями, Тюрин прытко устремился к выходу. Через окно Бирюкову было видно, как он, не обращая внимания на красный огонь светофора, перебежал улицу, угрожающе показал кулак чуть не сбившему его таксисту и безоглядно двинулся к летнему кафе с вывеской «Ветерок». Следом за Тюриным к «Ветерку» направлялись два рослых дружинника.

Почти тотчас из служебной двери в операционный зал вошел одетый в штатское Шехватов и сел рядом с Бирюковым. С едва приметной улыбкой спросил:

— Финансируешь винную монополию?

— Побоялся, что задохнется без похмелки и отрубит концы к Коробченко, — ответил Антон.

— Я только что из второго гастронома, где Тюрин заверил доверенность. Заведующая говорит, прекрасный мастер по кассовым аппаратам, но без бутылки «Агдама» даже пустячный ремонт не возьмется делать.

— На каком основании ему заверили доверенность?

— Без всяких оснований, по знакомству шлепнули печать. Ротозей. — Шехватов посерьезнел. — Есть новость. Утром Кудряшкина заказала с квартирного телефона междугородный разговор с Минском, а полчаса назад сняла заказ. Хотела разговаривать с квартирой Вожеговых...

— Это Коробченко хотел говорить со своим бывшим дружкой, но Кудряшкина, видимо, его предупредила, чтобы к ней больше не появлялся.

— Также так считаю. Что узнал от Тюрина о Коробченко?

— Случайное знакомство на почве выпивки. Сейчас «подлечится», попробую узнать, где у них назначена встреча. Дружинники не вспугнут его в «Ветерке»?

— Ребята надежные. Кстати, до выяснения личности Коробченко прокурор санкционировал арест на поступающие ему переводы, если, разумеется, они поступят. Чтобы Тюрин не торчал здесь без толку, девушка-оператор ему скажет, что до следующего утра поступления денег не бу-

дет. По нашим предположениям, Коробченко, не дождавшись ничего от Шурика Ахмерова, попытается все-таки дозвониться до Савелия Вожегова. Не от скуки же он заказывал через Кудряшину разговор с Минском. Поэтому берем под наблюдение все пункты междугородних переговоров. На твоей совести — центральный пункт... — Шехватов; кинув взгляд в окно, поднялся. — Мастер по кассовым аппаратам, кажется, закончил лечебную процедуру. В случае чего — звони в дежурную часть. Операция по задержанию Коробченко там основная забота.

— Понятно.

Бирюков тоже посмотрел в окно. Тюрин неторопливо шел от «Ветерка» к главпочтамту. На углу он остановился у светофора, дождался зеленого огня и вместе с другими пешеходами степенно перешел улицу.

— Как здоровье? — с улыбкой спросил Бирюков, когда Тюрин подошел к нему.

— Терпимо! А ты все сидишь, ждешь?

— Жду.

— Переводы не приносили, не видел?

— Не приносили..

— Будем ждать вместе, — Тюрин грузно опустился на стул и с облегчением вздохнул: — Спасибо, друг, выручил... Ты, к слову сказать, новосибирец или приезжий?

— Приезжий.

— В гостинице, поди, обосновался?

— В гостинице.

— На черта тебе деньги впустую платить? Перебирайся ко мне, бесплатно на раскладушке спать будешь. Бабу с сыном я недавно выгнал, королем живу. Квартира хоть и однокомнатная, но в благоустроенном доме. Тепло, светло и мухи не кусают...

— У вас же есть один постоялец, — намекнул Антон.

— Жорка-то?.. Не велика персона — на кухне переспит. К тому же он сегодня ночью уезжает.

— Куда?

— Его, болтуна, не поймешь. Выпьет — кругом друзья: в Красноярске, Минске, Омске и даже в нашей области. А когда протрезвеет, молчит. Бродит мешком из-за угла пришибленный, озирается. У него на почве вина... эта... как ее... мания преследования. Немного постарше моего сына, а уже алкаш... — Тюрин почти не задыхался. Умолкал он лишь тогда, когда терял нить мысли или подыскивал нужное слово. — Вот наградили меня бог сыпком. Ростом под потолок вымахал, а ума — как у дебила. Представляешь, значница, раскопал единожды мою запачку — на черный день я две бутылочки «Агдама» припрятал. И что?.. Обе бутылки в унитаз выплеснул! Меня кондрашка с

расстройства хватила. «Скорую» пришлось вызывать, чтобы сердце не лопнуло, а ему хоть бы черт... Тюрин, закрыв глаза, огорченно покачал головой.

— Почему Коробченко собрался уезжать? — воспользовавшись паузой, спросил Антон.

— Говорю, на почве алкоголя — мания преследования. А может, тунеядец — мотается из города в город. Ну, переселяешься ко мне?.. Давай — не пожалеешь! Мужик я компанейский, за бутылкой могу много интересного рассказать. Было время, работал начальником цеха в «Рембыттехнике». Вот когда в моем распоряжении спирту имелось... хоть ноги мой.

Краем уха слушая пьяную болтовню Тюрина, Бирюков старался мысленно представить Коробченко. Из всех свидетельских показаний выходило, что Жора — трусливый хвастунишка, рано пристрастившийся к спиртному. Такие люди обычно бывают слабовольными... А если трус завладеет оружием?..

— Борис Петрович, — внезапно обратился к Тюрину Антон, — Коробченко не хвастался наганом?

— Нет! От сырости у него наган заведется?.. — Тюрин уставился на Антона. — Ты, наверно, боишься, что Жорка ночью ограбит? Плюнь! С твоей комплекцией щелчком его прошибить можно.

— Как он одет?

— Говоря по-японски, кимоно-то плоховато. Старенькие джинсы с заплатками на коленках, рубаха синяя — так себе. Правда, куртка болоневая и шляпа фетровая — ничего. И черные очки — тоже видать, дорогие, в желтой оправе.

— Всегда в очках ходит?

— Очки у него вроде маскировки: то снимет, то наденет. Вот шляпу на улице не снимает — позорной прически, видать, стыдится. С другом, говорит, на пару коньяков поспорил и оболванился наголо, как уголовник... Алкаш! Коньяки те давно испарились, а волосы — дожидайся, когда отрастут.

— Почему он вместе с вами за переводом не пришел?

— Поехал к знакомой. Договорились сойтись в семь вечера за рестораном «Садко», — Тюрин глянул на электронные часы. — О-ей! Время-то, значница, седьмой час качает. Надо пощекотать выдавальщицу переводов... — И, поднявшись с места, торопливо ушел к окошечку с табличкой «Выдача переводов».

Несколько минут он что-то доказывал «выдавальнойщице», совал в окошечко паспорт с доверенностью, но в конце концов, сердито махнув рукой, с мрачным видом вернулся к Бирюкову. Возмущенно заговорил:

— Вот развелось бюрократов! До утра, говорит, ждать бесполезно. Извини, друг, не могу тебе долг отдать. Ну ты, правда, переселяйся из гостиницы ко мне. Запомни: улица Фабричная... — Тюрин назвал номер дома и квартиры и тяжело задышал, словно действие «Агдама» внезапно иссякло. — Не хочешь переселяться, заходи просто так вечером. Бутылочку приноси, покалякаем...

Едва Тюрин, сторбившись, вышел из почтамта, Антон подошел к телефону-автомату и набрал 02. Услышав в трубке голос дежурного по управлению внутренних дел, сказал:

— Это Бирюков. В семь вечера Коробченко наметил встречу с Тюриным за рестораном «Садко».

— Понятно! — словно обрадовался дежурный. — Тюрина контролируем. Общий план операции не меняется, за вами — центральный переговорный пункт. Будет возможность, позванивайте нам.

Антон повесил трубку и вышел на улицу. Солнечный с утра день к вечеру нахмурился. Небо над городом затянули сизые облака, предвещающие либо сильный ливень, либо грозу. Прилегающие к почтамту улицы, как обычно в первые послерабочие часы, были запружены народом. Влившись в пеструю толпу, Бирюков прошел мимо входа в переговорный пункт к кинотеатру «Победа». Исподволь приглядываясь к прохожим, стал рассматривать красочные рекламные щиты. Мысли были невеселые — при таком многолюдье задержат Коробченко, если бы сейчас он здесь появился, было нелегким делом.

«Когда, как он появится?.. Один или в компании с Тюриным?.. И появится ли вообще?» — размышлял Антон. А люди проходили мимо, выстраивались в очередь за «Вечеркой» у газетного киоска на противоположной стороне улицы, покупали билеты в кино, безостановочным потоком вливались в широкие двери универсама и с загруженными сумками выходили оттуда. Никто из них не догадывался, что весь личный состав милиции города поднят по тревоге и что, быть может, через минуту-другую вот здесь, среди них, появится вооруженный преступник.

Время тянулось томительно. Через каждые полчаса Антон набрал 02, надеясь узнать в дежурной части что-либо новое, однако новостей не было — Коробченко словно исчез из Новосибирска. Ни в семь вечера, ни в восемь у ресторана «Садко» он не появился. К сожалению, не дошел туда и Тюрин. В сквере перед оперным театром мастер по кассовым аппаратам встретил подвыпивших собутыльников, и вся теплая компания прочно обосновалась среди штабелей пустой тары на задворках ближайшего гастронома.

В девятом часу из нависших над городом сизых туч упали на серый асфальт первые крупные капли, и вскоре разразился проливной дождь с ослепительными вспышками молнии и трескучими рядами грома. Улица опустела. Бирюков горюливо укрылся в кабине телефона-автомата, расположенного возле самого входа в переговорный пункт. От нечего делать еще раз набрал 02.

— Ух, вовремя позвонили! — облегченно вздохнул дежурный. — Наконец-то нарисовался Жора Коробченко. У макулатурного ларька встретился с Анжеликой Харочкиной. Похоже, взял у нее сколько-то денег. После этого намеревался зайти в переговорный пункт, что на Восходе, но, вероятно заметив там дружинников, направился к центру города. Сейчас пережидает ливень в кабинке телефона-автомата рядом с автовокзалом.

— Там задержать нельзя?..

— В кабину никого не выпускает. Правую руку держит в кармане куртки. Даже когда Харочкина передавала ему деньги, не вынул руку из кармана. Сторонится прохожих, особенно мужчин.

— Понятно. Одет Коробченко как?

— Желтые старые туфли, джинсы с заплатами на коленях, коричневая синтетическая куртка с капюшоном и надвинутая на глаза зеленая фетровая шляпа. Без очков.

— Рост какой?

— От силы метр шестьдесят... — дежурный молчал. — Вот подсказывают, на полголовы ниже Харочкиной...

Небольшой вестибюль переговорного пункта плотно заполнили укрывшиеся от дождя. Бирюков с трудом протиснулся сквозь толпу в освещенный лампами дневного света зал. Здесь было посвободней. Скрипучим, раздражающим голосом невидимый радиоприемник то и дело объявлял названия городов, номера заказов и кабин. Справа от входа стояли застекленные кабины с телефонами междугородной автоматической связи. Внимательно присматриваясь к залу, Антон попытался прикинуть возможный путь Коробченко от входа, если Жора здесь появится, но долго ломать голову не стал, поскольку предугадать это можно было лишь по чистой случайности.

Через полчаса ливень утих и вестибюль опустел. Время приближалось к десяти часам, однако из-за пасмурной погоды казалось, будто уже наступает ночь. Поубавилось народу и в зале появились свободные стулья. Бирюков выбрал место с таким расчетом, чтобы не выделяться среди ожидающих переговоров и в то же время видеть входную дверь. Раздражавший вначале скрипучий радиодинамик со временем словно нейтрализовался, и Антон почти механически теперь улавливал

только названия городов да номера кабин, в которые приглашались для переговоров абоненты. На освободившийся рядом с Бирюковым стул присела худощавая женщина с поблекшим лицом и, видимо, от нечего делать доверительно стала жаловаться на свою дочь Милочку, уехавшую в прошлом году после окончания пединститута на Байкало-Амурскую магистраль, в Тынду, и не написавшую с той поры маме ни единого письма, вот только раз в месяц, регулярно, вызывает на телефонный разговор. Междугородная связь с Тындой, вероятно, работала не так хорошо, как с крупными городами Союза, и женщина дважды нетерпеливо уходила к окну заказов, чтобы «поторопить разговор». Вернувшись, она снова и снова начинала говорить о Милочке, как хорошо ее дочь преподает физику в старших классах. Не выпуская из вида входную дверь, Антон механически поддакивал женщине...

Почти интуитивно Бирюков узнал Коробченко — настороженного, в наведенной на глаза шляпе, с правой рукой в кармане куртки. Почти минуту Жора напряженно изучал переговорный зал из вестибюля через стеклянную дверь, затем исподтишка огляделся и, напряжись, медленно вошел, направился к окну заказов. Облокотившись левой рукой на полированный барьер перед окном, он с напускным равнодушием оглядел зал. Не поворачивая головы к сидящей за барьером блондинке, о чем-то тихо спросил.

— В течение часа, — равнодушно ответили ему через микрофон.

Коробченко опять что-то сказал, и опять через микрофон послышалось:

— Если хотите раньше, разменяйте деньги на пятнадцатикопеечные монеты и сами набирайте Минск по автомату из восьмой кабины.

При упоминании Минска, как показалось Антону, Коробченко испуганно подался вперед, однако от окна не отошел. Что-то бубнила под ухом Бирюкову разговорчивая соседка. Бирюков машинально кивал ей в ответ. Краем глаза Антон видел, как Жора левой рукой протянул блондинке трехрублевую купюру, зажал в кулак полученную горсть мелочи и по-кошачьи осторожно, готовый каждую секунду среагировать на малейшее движение в зале, пошел к кабине № 8. Боком протиснувшись в кабину, плотно прикрыл за собой дверь и немигающим взглядом исподлобья уставился в зал.

«Какую же беду ты еще хочешь сотворить на свою несчастную голову?» — с внезапной жалостью подумал Антон о Коробченко, чувствуя, что у самого от напряжения пересохло во рту. Главным сейчас было — не просчитаться ни на долю секунды, не замешкаться. Рано или поздно Ко-

робченко станет набирать номер. Значит, волей-неволей он отвернется от зала, чтобы смотреть на цифровой диск телефона. «Только бы не упустить этот момент... Только бы Жора повернулся к телефону... Только бы не сунулись преждевременно сюда оперативники...» — тревожно стучало в мозг Бирюкова, хотя со стороны казалось, что он продолжает беседовать с разговорчивой соседкой.

Наконец Коробченко левой рукой снял телефонную трубку, поднес ее к уху и, по-прежнему глядя в зал, замер, как манекен в витрине. Кожей чувствовал Бирюков пристальный взгляд Жорин — видимо, из всех клиентов, находящихся в зале, Коробченко с особым подозрением присматривался к его рослой фигуре.

— Тында по приглашению двадцатая кабина, — без всякой интонации, скрипуче разнеслось по всему залу из динамика.

Собеседница Антона, резво вскочив на ноги, словно оглушенная, закрутила головой. Тотчас поднялся и Бирюков. Мгновенно заметив, что двадцатая кабина расположена почти напротив восьмой, он еще толком не знал, каким образом поступит дальше. Единственным стремлением Антона в этот момент было — хоть чем-то притупить настороженность Коробченко.

— Можно, я скажу вашей Милочке несколько воспитательных слов? — торопливо спросил женщину Антон. Та обрадованно схватила его за рукав.

— Ради бога!..

Однако «воспитывать» Милочку Бирюкову не пришлось. Едва он следом за женщиной вошел в переговорную кабину, Коробченко повернулся к укрепленному на стене аппарату междугородной связи и указательным пальцем левой руки, не выпуская из нее телефонной трубки, стал резко накручивать цифры.

...После Антон и сам не мог вспомнить в деталях, как очутился в кабине № 8, за спиной Коробченко. Отчетливо в его памяти запечатлелся лишь тот момент, когда он почувствовал в своей ладони горячую Жорину руку с зажатой в ней рукояткой пагана. И еще запомнились Антону безумно расширенные Жорины глаза на белом, как мел, мальчишеском лице.

ГЛАВА 14.

При обыске в карманах Коробченко нашли заверенную нотариусом расписку Владимира Олеговича Миросердова в том, что тот получил от Зоркальцева семь тысяч рублей наличными, полпачки измятых сигарет «Прима», коробок спичек,

винную пластмассовую пробку и два рубля восемьдесят пять копеек пятнадцатикопеечными монетами. Изъятый у него наган с пятью оставшимися патронами, судя по номеру, принадлежал охраннику Колчину, труп которого, завернутый в брезент, обнаружили под вездеходом тюменские железнодорожники 12 июня. Первый допрос, сразу после задержания, проводила следователь Маковкина в присутствии прокурора, Шехватова и Антона Бирюкова.

Низко опустив стриженую голову и зажав между плотно стиснутыми коленями в заплатанных джинсах трясущиеся ладони, Коробченко обреченным голосом давал показания под магнитофонную запись. Он ни в чем не запырался, не лгал направо, как это обычно делают на первом допросе, пытаюсь выиграть время, уголовники-рецидивисты. Напротив, чистосердечным признанием Жора хотел «облегчить душу и избавиться от кошмара, накрученного глупой гастролью в Минск и обратно». Многие из рассказанного им в дальнейшем надо было подтвердить свидетельскими показаниями и тщательными экспертизами, но главное сейчас заключалось в том, что задержан именно тот преступник, которого искали и который с оставшимися в нагане патронами мог безрассудно натворить еще немало серьезных бед.

...Жизнь Жоры Коробченко, по его словам, складывалась как у всех, но сам Жора, сколько себя помнил, не хотел быть «инкубаторным». Единственный сын у матери-учительницы, он получил хорошую подготовку в школе и в начальных классах считался лучшим учеником. Чтобы не прослыть среди соклассников «маминим сыном», рано начал покуривать, бравирюя, отведал вина. Хотелось быть лидером во всем. В старших классах учиться стало труднее, однако завоеванное лидерство уже не давало Жоре покоя, и он решил «лидировать» там, где легче. Природа не наделила его физической силой и смелостью, но после стакана вина эти недостатки словно исчезали. С отъездом Коробченко на учебу в художественное училище исчезло и сдерживающее начало требовательной мамы, контролировавшей дома чуть ли не каждый Жорин шаг.

В училище Жоре понравилось. Учащиеся в группе подобрались способные, а преподавание специальных дисциплин вели профессиональные художники, знающие толк в своем деле. Почти на четыре месяца Жора забыл о вине. Пытался даже бросить курить, но не смог — не хватило силы воли. Перед Новым годом Коробченко захандрил. Причиной явился в общем-то пустяк: в красочной предновогодней стенгазете в числе лучших

пяти учеников группы упоминалась и фамилия Жоры, однако стояла она не первой, а пятой — последней. «Плохо — становлюсь серым», — мрачно решил Жора и почувствовал непреодолимое желание «тонизироваться».

В первое утро нового года Жора очнулся с раскальвающейся от боли головой в незнакомой квартире. Мучительно соображая, как здесь очутился, с трудом узнал в вышедшем из ванной в одних плавках высоком мускулистом парне с белыми до плеч волосами бармена Стаса, за стойкой которого вчера пил «виски с содовой» и которому шутя бросил, кажется, последнюю десятку за длинную пачку фирменных сигарет «Честерфилд». Стас сладко потянулся, поиграл загорелыми мускулами. Подойдя к дивану, где лежал Жора, усмешливо сказал:

— Ну, художник, волосы болят? Вставай, полегчим твою лихую голову.

Когда Жора, кое-как сполоснув лицо, вернулся в комнату, бармен, в роскошном персидском халате, сидел в кресле у журнального столика и, покачивая белой головой в такт мелодии, слушал стереомузыку, утробно льющуюся из японского радиоприемника с подсветкой, переливающейся всеми цветами радуги. На столике стояли две золоченые рюмочки-наперстки, открытая бутылка виньяка с невероятно яркой этикеткой и хрустальная ваза с крупными оранжевыми апельсинами.

— Какой дурак научил тебя пить виски одним глотком? — с улыбочкой спросил Стас.

Коробченко смущенно пожал плечами.

— Дикарь, воспитанные люди пьют маленькими глотками, — наливая вино в рюмки, назидательно заговорил бармен. — Нам, русским лапотникам, надо учиться этому искусству у цивилизованной заграницы... Но привез я тебя в свой дом, разумеется, не для обучения хорошему тону. Помнишь наш вчерашний разговор? Забыл. Вот дурной... Что ж, напомним: нужен приличный портрет моей собственной персоны, чтобы украсить эти голые плоскости, — Стас широко повел рукой, будто показывая комнатные стены с хаотически развешенными по ним разномастными иконками. — Портрет, уточняю, нужен на холсте, масляными красками, в реалистической манере. Модерна в живописи я не признаю. Способен создать такой шедевр?

— Можно попробовать, — неуверенно ответил Жора.

Стас опять улыбнулся.

— Вчера ты был решительнее. Лечись, дикарь...

Жора трясущейся с перепоя рукой взял рюмку — к горлу сразу подступила тошнота, внутри

все горело. Опохмеляться не хотелось, но соблазняли красочная наклейка на бутылке и какое-то подмывающее желание отведать хоть капельку ни разу не пробованного заграничного напитка. Переборов тошноту, Коробченко опорожнил рюмку. Стас тут же налил еще. Тошнота и внутренний жар после второго глотка стали ослабевать, а после пятой или шестой рюмки Жора вдохновенно начал перечислять, какие потребуются краски и материалы, чтобы задуманный портрет получился «на уровне». Когда бутылка опустела, ударили по рукам.

Бармен на удивление быстро раздобыл все перечисленное Жорой, и на следующей неделе Коробченко принялся набрасывать эскиз будущего художественного полотна. Вначале Стас хотел запечатлеться в фирмовых джинсах с зеленой строчкой и в ковбойской рубашке навывпуск, но на «художественном совете», в котором, кроме Стаса и Жоры, приняли самое активное участие сомнительного поведения девицы с кошачьими именами — Муся, Киса и Лена, — окончательно было решено, что Коробченко изобразит бармена в персидском халате, задумчиво сидящим у журнального столика с чешскими фужерами и красивыми бутылками, якобы характеризующими профессиональную деятельность.

Работал Стас в баре посменно. Три раза в неделю, после занятий в училище, Коробченко приезжал к нему домой писать с натуры. После каждого сеанса бармен доставал импортную бутылку. Обильно угощая Жору, назидательно поучал:

— Запомни, дикарь, святое правило: чтобы не стать хроническим алкоголиком, никогда не превращай похмелье в самостоятельную пьянку...

Жора никаких правил не соблюдал. Чем больше он пил, тем непогрешимее, увереннее себя чувствовал. Угощений Стаса ему стало не хватать. Чтобы постоянно «тонизироваться», пришлось унести на вещевой рынок дубленый полушубок, справленный мамой перед отъездом в училище. Жалко было расставаться с хорошей вещью, но Коробченко успокоил себя тем, что прилично работает на портрете бармена и купит настоящую импортную дубленку.

Совершенно неожиданно для Жоры начались неприятности в училище — дрожащая с похмелья рука никак не хотела выводить на ватмане ровных штрихов. Коробченко под предлогом болезни стал пропускать занятия. Поначалу ему сочувствовали, доставали дефицитные лекарства, которые Жора заказывал «от фонаря», но когда узнали истинную причину прогулов, решили обсудить поведение симулянта на комсомольском собрании. Для смелости Жора пришел на собрание пьяным. Ему сделали строгое предупреждение.

Коробченко «в знак протеста» ударился в такой запой, что позабыл не только о занятиях, но и о портрете своего мецената. Опомился он лишь, когда от денег, вырученных за полушубок, не осталось ни копейки. С училищем пришлось расстаться.

Постепенно продавая одежду, чтобы с горем пополам кормиться в студенческих столовых, Жора вновь принялся за портрет бармена. Через месяц работа была закончена. Почти двухметровое полотно в композиционном отношении очень сильно смахивало на известную суриковскую картину «Меншиков в Березове», а задумавшийся на нем Стас, облаченный в роскошный персидский халат, беспардонно походил на опального Александра Даниловича. Однако «худсовет» — особенно девицы с кошачьими именами — принял выполненную работу на «ура». Жора ликовал. Только радость его была недолгой — меценат оказался прижимистым. В благодарность за свое классическое изображение бармен отвалил талантливому художнику... бутылку шотландского виски. Оскорбленный до глубины души, Коробченко встретил утро следующего дня в медвытрезвителе.

Платить за вынужденные услуги специализированного учреждения Жоре, понятно, было нечем. Пришлось плюнуть на оскорбленное самолюбие и снова идти к бармену. Стас, выслушав просьбу — одолжить пятьдесят рублей, — усмехнулся:

— Дикарь, чтобы иметь отечественную валюту, надо постоянно вкалывать, а не глотать по черному спиртное. Хочешь быстро подкалымить, могу рекомендовать хорошему человеку. Запомни: в конторе осмотра вагонов на станции Омск-грузовой спросишь Толика Ерофеева. Скажешь, по моей протекции...

Толик Ерофеев оказался стильным «фитилем» — ростом под потолок. «Вкалывал» он осматривателем вагонов и даже на работе был во всем фирмовом. На причастность его к железнодорожному транспорту указывала лишь форменная фуражка с крылатой кокардой. Поигрывая молоточком на длинной рукоятке, Толик с ухмылочкой выслушал Коробченко и сухо изрек:

— Выходи сегодня в ночную смену на контейнерную площадку.

— Мне надо заработать не меньше пятидесяти рублей, — робко заикнулся Жора.

— Сработает без брака — десять четвертных получишь.

От нечего делать Жора пришел на контейнерную заранее. Сам Толик появился к одиннадцати. «Работать» начали в полночь, но допустили «брак». Застигнутые милицией с четырьмя толстыми кипами импортных джинсов, украденных

из контейнера, оба «осмотрщика» укатили с «ночной смены» в автомашине с зарешеченными окнами. В итоге вместо обещанных Толиком десяти четвертных Жора получил три года пребывания в колонии и под охраной отправился в Красноярский край. Толик, как выяснилось при судебном разбирательстве, оказался «осмотрщиком» со стажем и отбыл выполнять назначенное ему судом пятилетнее задание в места более отдаленные. К удивлению Коробченко, на протяжении всего судебного процесса Ерофеев ни словом не обмолвился о бармене Стасе. Промолчал о нем и перепуганный Жора.

О внезапной смерти матери Коробченко узнал, уже находясь в колонии, из письма Лели Кудряшкиной. Сообщение это ошеломило так, что Жора не мог найти себе места. Стараясь приглушить душевную боль физической болью, начал было накалывать на пальцах левой руки татуировку «Мама», но вспомнил школьную любовь и выколол «Леля». Нестерпимо хотелось «тонизироваться», однако в колонии не было даже запаха спиртного. Постепенно Жора «привык не пить». Обдумывая свою неудачно начавшуюся жизнь, внезапно для себя сделал вывод: виновник всех бед — бармен Стас. И Коробченко сам себе поклялся убить Стаса. Мысль о беспощадной мести сильно овладела Жорой. Увлекательный рассказ Савелия Вожегова о складе немецкого оружия под Минском еще больше разжег воображение. Коробченко «заболел» навязчивой идеей — любыми путями раздобыть пистолет.

Отбыв наказание, Жора напрямик направился в Минск. Здесь, в первую же встречу с Вожеговым, выяснилось, что оставшийся от войны склад с пистолетами — пустой треп. Взятые «на испуг» у Вожегова деньги Коробченко пропил одним махом. Оставаться в чужом городе Жоре не хотелось, а возвращаться в Сибирь было не на что. К счастью, на железнодорожном вокзале он случайно познакомился с охранником Колчиным, приехавшим из Тюмени за вездеходом. Узнав, что Жора сибиряк, Колчин сам предложил за компанию с ним махнуть в родные края.

— У меня, Демьян Леонтьич, ни копейки нет, — честно признался Коробченко.

— Ничего, Егор, — называя Жору на русский лад, махнул рукой Колчин. — Переживем. Я из дому мясной тушенкой запасся. Чая да сахара на весь путь хватит. Хлеба купим, а вода на каждой станции бесплатная.

Таких бескорыстных людей Коробченко за свою короткую жизнь еще не встречал. Из Минска отправились солнечным утром 3 июня. Под однотонный перестук колес Колчин добродушно советовал Жоре:

— Подавайся-ка, Егор, к нам в геологоразведку. Работа, без утайки скажу, нелегкая, зато государству полезная и хорошо оплачиваемая. Ленишься не будешь, приоденешься славно, захочется — собственный автомобиль приобретешь. Кум королю и брат министру станешь. В колонии, говоришь, добывал?.. Плохо начинать жизнь с колонии, да в молодости, бывает, соскальзывают с правильного пути. Потом оглядятся и по-хорошему жить начинают. Главное, Егор, чтоб стержень надежный у человека был. Когда стержня нет, тогда, брат, плохо. Сам человек тогда мучается до гроба и другим беды причиняет. Встретил на днях в Тюмени одного такого парня. Буровиком у нас работал, да запил. На вид — вылитый старик, одежка — хоть выбрось. «Здорово, друг, — говорю. — Ты еще живой?» Он трясется весь с перепою и жалобно в глаза заглядывает: «Живой, Леонтьич, да что толку. Одолжи десять копеек, на флакушку одеклона не хватает». Представляешь, Егор, до какой степени может человек допиться?.. Ты-то сам как по этому делу? Не злоупотребляешь?

— За три года в колонии ни глотка не выпил, — увильнул от прямого ответа Коробченко.

— В колонии, положим, рад бы выпить, да не дадут. Ты, Егор, о вольной жизни отвечай...

Жора торопливо отвернулся от внезапно загрохотавшего встречного поезда. Почему-то не смог он ни солгать Колчину, ни правды сказать. Колчин будто догадался о душевной раздвоенности попутчика и, когда встречный товарняк прогрохотал мимо, сменил тему разговора.

Так они и ехали, словно отец с сыном, коротая время в разговорах о жите-бытье. Не знавший отцовского внимания Коробченко уже на второй день проникся к добродушному охраннику таким уважением, что твердо решил с приездом в Тюмень устроиться на работу в геологоразведку. Так бы могло и произойти, но...

На рассвете 8 июня железнодорожный состав, в котором находилась платформа с вездеходом, прибыл на сортировочную станцию Свердловска. Прохладную утреннюю тишину нарушали хриплые радиоголоса диспетчеров да снующие по многочисленным путям маневровые тепловозы. Постукивая по буксам длинным молотком, к платформе подошел осмотрщик вагонов и на вопрос Колчина — долго ли придется стоять? — ответил, что состав подлежит расформированию, поскольку, мол, основная часть его должна уйти в южном направлении. Оставив Жору присматривать за вездеходом, Колчин пошел к маневровому начальству, чтобы разузнать, долго ли их здесь промаринуют. Вернулся он нескоро, часа

через три. С одышкой поднялся на платформу, потер ладонью левую половину груди и хмуро проговорил:

— Попсиховал малость, елки-зеленые, сердчишко затрепыхалось...

— Надолго застряли? — спросил Жора.

— Говорят, суток двое тут проторчим, а в Тюмени вездеход до зарезу нужен.

Колчин достал из нагрудного кармана гимнастерки стеклянную пробирочку, тряхнул ее над ладонью и сунул под язык крохотную белую таблетку. Посмотрев на опустевшую стекляшку, сказал:

— Лекарство, елки-зеленые, кончилось. Будь другом, Егор, сгоняй в аптеку за нитроглицерином, без него мне — труба... — И, порывшись в другом кармане, протянул Жоре рубль.

До ближайшей аптеки пришлось ехать с пересадкой, сначала на трамвае, потом на автобусе. Возвращаясь к сортировочной станции, Коробченко залпугал в незнакомом городе. Когда он наконец добрался до железной дороги, состава на прежнем месте не оказалось. Жора заметался по путям между вагонов. Больше часа он искал платформу с вездеходом и наткнулся на нее в отдаленном тупике. Взобравшись на платформу, радостно закричал:

— Демьян Леонтьич! Держи лекарство!..

Колчин, с низко опущенной головой, сидел на расстеленной брезентовой палатке, прислонившись боком к гусенице вездехода. Жора посчитал охранника спящим и принялся тормозить его за плечо, но тот вдруг безжизненно рухнул лицом вниз. Коробченко от неожиданности испуганно огляделся. Кругом не было ни души. Словно за гипнотизированный, Жора уставился на Колчина, пытаясь сообразить, куда в таких случаях надо заявлять: в «Скорую помощь» или в милицию?.. Мысль о милиции как обожгла: «Я ведь только только из колонии, паспорт даже не получил. Вдруг подумают, что это убийство?..» Взгляд неожиданно остановился на пристегнутой к поясу охранника кобуре с торчащей из нее черной рукояткой нагана. Почти неосознанно Коробченко вытащил наган и сунул его себе под рубаху, за пояс джинсов. В сознании тревожно заколотилось: «Немедленно скрываться надо, чтобы потом не лепетать перед следователем! А если мертвого охранника без нагана сегодня же обнаружат железнодорожники?.. Да и куда скроешься без денег?»

Преодолевая мучительный страх, Жора обшарил карманы охранника — набралось чуть побольше десяти рублей с мелочью. После этого завернул труп Колчина в брезент и, обливаясь холодным потом, с трудом затянул его под вездеход. Бли-

жайшим пассажирским поездом Коробченко уехал из Свердловска в Омск с твердым намерением отомстить бармену Стасу.

Подстерег он бармена во втором часу ночи, когда тот после работы, отпустив такси, направился узким переулочком к своему дому. Дрожащей рукой Жора поднял наган со взведенным курком и неуверенно проговорил:

— Ну, пала, давай рассчитаемся...

Стас с удивлением шагнул было к Жоре. Коробченко отскочил назад и уже более твердо приказал:

— Выкладывай, пала, деньги! Все выкладывай, сколько набрал сегодня за вечер с алкашей!

— Дикарь, ты в своем уме?.. — заискивающе спросил бармен, вытаскивая из кармана востительный бумажник.

— Брось кошель и поворачивайся!

Стас угодливо бросил бумажник на дорогу, развернулся и вдруг с неожиданной прытью, петляя как перепуганный заяц, кинулся наутек вдоль переулочка. Коробченко стал ловить удаляющуюся спину на мушку, но трясущаяся рука выписывала такие кренделя, что стрелять было бессмысленно. Кроме переполоха ничего бы не получилось.

В оставленном барменом бумажнике оказалось около ста рублей и один билет денежно-вещевой лотереи. С этой добычей на следующий день Коробченко появился в Новосибирске. Бесцельно бродя по большому городу, Жора вспомнил, что где-то здесь живет Леля Кудряшкина, приславшая ему письмо в колонию, и через горсправку узнал Лелин адрес. Вечером с бутылкой шампанского он заявился к Кудряшкиной в гости. Удивленная Леля встретила бывшего сослассника как родного. Стали вспоминать прошлое. Чтобы поднять свой авторитет, Жора похвалился, что сразу после колонии устроился в Тюменскую геолого-разведку и зарабатывает теперь уйму денег.

— Слушай, геолог!.. — обрадовалась Кудряшкина. — Займи пятьсот рэ на голубого песка. Давно мечтаю о приличной шапке...

Подвыпивший Коробченко хвастливо заявил: — Что занимать? Я подарю тебе песка!

Близко к полночи Жора уехал от Кудряшкиной в аэропорт Толмачево, чтобы «присмотреть лопоухого северянина с толстым кошельком». После приземления магаданского рейса он «положил глаз» на тощего мужичка с большущим рюкзаком, из которого торчали ветвистые оленины рога, но того встретил военный подполковник и увез в «Жигулях», что называется, из-под носа у Жоры. Остальные магаданцы разъехались из аэропорта в такси — никто из них не захотел взять с собой постороннего попутчика. Неудача разозлила

Жору. Чтобы ночь не пропала даром, он решил «провести опыт на таксисте».

Таксист попался на редкость неразговорчивый. Коробченко, устроившись на заднем сиденье, с трудом дождался, когда въехали в пустынный ночной город. На одной из тихих улиц Жора неслышно взвел курок и попросил остановиться. Приоткрыв дверцу, резко выхватил из-за пояса джинсов наган. Угрожающе бросил:

— Деньги...

Шофер, словно сонный, медленно развернулся. Несколько секунд он растерянно смотрел на уставившийся в него глазок наганного ствола, затем с непостижимой ловкостью схватил Жору за руку и изо всей силы дернул к себе. Выстрел прозвучал глухо, как в бочке...

После неудачного «опыта» Коробченко стал обходить стороной сотрудников милиции. Гнетущий страх отпускал его из цепких когтей лишь за бутылкой вина, и Жора усиленно начал «тонизироваться». Барменские деньги подходили к концу, когда Кудряшкина при очередной встрече спросила с подковыркой:

— Слушай, геолог, где обещанный песец?

— Что-то не шлют зарплату, — попробовал увильнуть Жора.

— Трепач, — ядовито ухмыльнулась Леля.

— Да ты чо, Лелька?! — Жору внезапно осенило. Вспомнив Митю-кукольника с соседней койки в колонии, Коробченко самым искренним образом сказал: — Если торопишься, перехвати у кого-нибудь пятьсот знаков. Верну их тебе вместе с песцом. Клянусь, гадам статья!

Кудряшкина вроде бы засомневалась, но на следующий день все-таки передала Коробченко деньги. Дальнейшее для Жоры было «делом техники и ловкости рук». Обменяв в сберкассе различные купюры на пятисотрублевую пачку новеньких десятков, он смастерил «куклу» и в первое же воскресенье блистательно надул на барачке суетливого старичка, торгующего из-под полы песцовыми шкурками. Кудряшкина, увидев заветную шкурку и возвращенные четыреста семьдесят рублей, пришла в восторг и даже чмокнула Жору в щеку. Жора воспринял духом — оказалось, что деньги можно шутя добывать и без нагана. Завоздка заключалась только в том, где разжиться на первый случай, — из одних бумажек «куклу» не смастеришь.

Утром 11 июня Коробченко зашел в Центральную сберкассу, чтобы проверить доставшийся ему от бармена лотерейный билет, — денег уже не было ни рубля. К великому удивлению Жоры, билет оказался счастливым — видимо, бармен не успел получить по нему выигрыш. Женский зонт Коробченко, конечно же, был не нужен, до зарезу

нужны были деньги. Зубоскала с молоденькой кассиршей, загоревшейся желанием приобрести выигранный зонтик, Жора услышал у соседнего окошка разговор «фирмового» мужчины с контролером и краем уха уловил, что тот собирается получить наличными несколько тысяч. День складывался настолько удачно, что Коробченко даже подумал: «На ловца и зверь бежит». Получив восемнадцать рублей за выигрыш, Жора на всякий случай выпросил у кассирши четыре банковские упаковки и «сел фирмачу на хвост». Тот спокойно набил деньгами черный «дипломат», вышел из сберкассы и подошел к стоящим у обочины белым «Жигулям». Коробченко упал духом — добыча, как в аэропорту, опять ускользала из-под носа. Когда «фирмач» сел в машину, Жора подсунулся к нему. Сказал первое пришедшее в голову:

— Товарищ, до зарезу надо в Мошково...

— Туда электрички бегают, — равнодушно ответил мужчина и включил зажигание.

— Мама при смерти, ждать некогда, — не моргнув глазом, соврал Коробченко. — Уплату сколько надо...

— Двадцать пять целковых, — сказал мужчина. — Только поедем не сразу, полчаса мне нужно на свои дела.

— Годится! — обрадовался Жора и, стараясь не смотреть на черный «дипломат», лежащий рядом с водителем, шмыгнул в машину на заднее сиденье.

Мужчина, покружив по городу, подъехал к дому, где жила Леля Кудряшкина. Остановившись, он вытащил из замка зажигания ключ, взял «дипломат» и, сказав Жоре: «Подожди», ушел в кудряшкинский подъезд. Коробченко не на шутку трухнул — не ловушка ли? «Надо сматывать-ся!» — мелькнула у него трезвая мысль, но набитый деньгами чемоданчик, словно магнит, удержал Жору в машине. Мужчина вернулся сравнительно быстро. Положил «дипломат» рядом с собою и опять принялся кружить по городу. В незнакомом для Жоры новостроящемся районе он остановился у доживающего последние дни двухэтажного домика и, как прежде, сказав: «Подожди», ушел с чемоданчиком в дом. На этот раз его не было так долго, что Коробченко уже настраивался потихоньку улизнуть, но, будто на свою беду, в самый последний момент «фирмач» все-таки появился.

— Значит, в Мошково?.. — небрежно бросив на переднее сиденье чемоданчик и усевшись за руль, спросил он.

— Угу, — неторопливо кивнул Жора.

— Деньги — на бочку.

— Сразу, что ли?.. — растерялся Коробченко. Мужчина усмехнулся:

— Ты хотел перечислением?

— Нет, ну это... еще не приехали... — Жора дрогнувшей рукой достал восемнадцать рублей. — Вот, пока — аванс. Приедем — остальное выложу.

Мужчина внимательно пересчитал деньги, сунул их в карман новеньких джинсов и вжикнул ключом зажигания. «Ну, гусь! Ну, скотина! Без зазрения совести последние рубли у меня хапнул, а у самого чемодан тысячами набит. Калымщик, кровосос...» — распалял себя Жора, пока машина кружилась по городским улицам, чтобы выехать на загородное шоссе.

Трасса к Мошково оказалась оживленной. Машины безостановочно пылили одна за другой, и Жора почти с отчаянием понял, что «играть» наганом на такой дороге — гиблое дело. Примерно на полпути Коробченко издала увидев сворачивающую вправо проселочную дорогу. Мысль стукнула внезапно.

— Сверните вон по тому проселку до первой деревни, — заискивающе попросил Жора. — Надо тетю прихватить, мамину сестру. Я заплачу, честное слово, еще десятку прибавлю...

Мужчина сбросил газ и вроде бы заколебался. Коробченко для верности мигом приврал:

— Тетя — героиня соцтруда, денег — куры не клюют. «Волга» у нее своя. Может, мы тут же расплатимся с вами и махнем до Мошково на тетиной машине.

«Фирмач» пронижно скривил губы, но все-таки съехал с шоссе на проселок. Поросшая травой дорога зашептала среди зеленых березовых рошчи. До боли памятным и родным вдруг повеяло на Жору. Точно по таким вот рошицам он совсем еще пацаненком бродил вместе с мамой. Собирал большущие-пребольшущие грузди, на солнечных травянистых пригорках обедался переспевшей лесной клубникой. От нахлынувших воспоминаний, будто тугим обручем, беспросветно-дикая тоска сдавила грудь. «Мама, прости!» — чуть было не закричал Коробченко, но вместо крика, перепугавшись своей слабости, до скрипа сжал зубы.

Поплутав между рошицами, дорога приподнялась на взгорок, с него потянулась к хмурому урочищу. Кругом — насколько видел глаз — не было ни души. «Вот тут деньги ваши — станут наши», — с ненавистью к лоценому «фирмачу» подумал Коробченко. Чувствуя охватившую все тело дрожь, тихо попросил:

— Тормозните, по нужде надо...

Мужчина остановил машину. Не оборачиваясь, усмехнулся:

— Не вздумай, не расплатившись до конца, убежать к тете.

Жора широко распахнул дверцу и вылез из машины. словно перед прыжком в омут, глубоко

вдохнул всей грудью, выхватил из-за пояса джинсов спрятанный под рубахой наган и, подражая Мите-кукольному, угрожающе процедил:

— Это ты, пала, щас на тот свет побежишь...

Мужчина повернулся к Жоре всем корпусом. Он не успел произнести ни слова. И никто никогда не узнает, о чем он подумал в последний миг своей жизни, — Коробченко выстрелил ему прямо в сердце...

Выстрел громыхнул настолько неожиданно, что даже сам Жора долго не мог сообразить, какую непоправимую трагедию сотворил. Ледяными глазами он уставился на уткнувшегося лицом в черный «дипломат» мужчину. Из шокового транса вывела застрекотавшая на опушке леса сорока. Коробченко испуганно огляделся. Боязливо, как будто опасаясь удара электрического тока, вытащил из-под головы мужчины заветный чемоданчик. Лихорадочно отщелкнул замки и ошарашенно сел на траву — вместо толстых пачек денег в чемоданчике белел сложенный вчетверо листок бумаги. Трясущимися руками Жора развернул бумажку. Почти не понимая смысла, стал читать расписку какого-то Владимира Олеговича Милосердова о получении им от Геннадия Митрофановича Зоркальцева семи тысяч рублей в уплату за какой-то мебельный гарнитур. Когда, наконец, смысл расписки дошел до сознания, Коробченко вскочил на ноги и, словно озлобившийся дикарь, иступленно принялся топтать пустой чемоданчик. Приступ ярости сменился отчаянным страхом. С трудом преодолевая лихорадочный озноб, Жора ухватил под мышки безжизненное тело мужчины, еле-еле протянул его через дверцу машины и волоком потащил в урочище...

От преднамеренного убийства Жоре достались свои же восемнадцать рублей, снятый с пальца Зоркальцева перстень, водительское удостоверение на его имя и сиротливо стоящая на проселочной дороге автомашинка «Жигули», управлять которой научился еще в школе. Вдобавок к этому в машине оказались темные очки с золотистой оправой, новенькая японская куртка и приличная шляпа. Куртку, правда, низкорослому Жоре можно было носить лишь с подогнутыми рукавами, но шляпа пришлась по голове.

Усаживаясь за руль «Жигулей», Коробченко думал только об одном: поскорее и подальше умчаться от места преступления. Через несколько минут надсадной езды он вдруг сообразил, что с окровавленным сиденьем можно «припухнуть» на первом же милиционере, и без всякой жалости загнал машину в урочище. Выбравшись из чащи, решил идти по проселочной дороге, куда она приведет. На закате солнца дорога привела Жору к указательному щиту с названием райцентра, в

котором жил Шурик Ахмеров. Раздумывая, стоит ли встречаться с Шуриком, грозившим «капитально завязать с прошлым», Жора вытащил из-за пояса натерший живот наган — в барабане осталось пять патронов. «Четыре — ментам, если станут задерживать, пятый — себе», — мрачно решил Коробченко. Выхода не было. Жора сорвал со стриженной головы пляжную кепочку и со злостью швырнул ее в кусты. В шляпе и темных очках он казался себе совсем не похожим на преступника. Хотел надеть куртку, но вечер был душным. Жора сунул наган в карман куртки, перекинул ее через плечо и зашагал дальше.

Едва переставляя ноги от усталости, Коробченко наугад брел по райцентру. Неожиданно вышел к большому деревянному мосту через речку. На танцплощадке, среди высоких тополей, во всю мощь гремела музыка, а на берегу одинокий старикашка в длинных, до колен, черных трусах окатывал водой из ведерка новенькую вишневую «Ладу».

У Коробченко от жажды пересохло горло. На подгибающихся ногах он спустился с примостовой насыпи через тальниковые кусты к воде. Пил пригоршнями, всхлипывая. Напившись, ополоснул соленое от пота лицо и, тяжело дыша, сел прямо на песок у самой воды. Сильно хотелось курить, но курева не было. Жора без всякой надежды пошарил по карманам куртки. Заметив на рукаве бурое пятно, стал оттирать его. В это время к берегу подошел с мылом и мочалкой старик, закончивший мыть «Ладу». Коробченко показало, что он где-то встречался с этим стариком, однако желание закурить пересилило мелькнувшую было осторожность.

— Дедок, не угостишь куревом? — обратился к старику Жора.

Тот вроде с удивлением прищурил глаза, подтянул сползающие с выпуклого животика трусы.

— погоди, внучек... Сейчас угощу... — И засеменял к машине..

Пятно на рукаве куртки оттиралось плохо. Жора с трудом поднялся, присел у воды на корточки и принялся тереть рукав мокрым песком. В тяжелой голове кружились страшные мысли. Что-то подозрительное вдруг почудилось в поведении старика. Коробченко тревожно оглянулся и, как ужаленный, вскочил на ноги: старик, держа в руке скрученный жгутом бельевой шнур, на цыпочках подкрадывался к нему. Лихорадочно нащупывая в кармане куртки наган, Жора понятился в кусты.

— Ты чо, дед?.. Ты чо?.. Умом тронулся?..

Старик от злости побагровел.

— Я тебе тронусь!.. Я тебя, стервец, сейчас угощу до слез! Кто всучил мне прошлым воскре-

сеньем вместо денег бумажки за песка?.. Скажешь, не ты, голодранец?! Ну-ка, паскудник, шагом марш в милицию!..

В другое время Коробченко запросто улизнул бы от старика — в одних трусах тот далеко бы не угнался. Но теперь ноги были как чугунные. «Последнюю пулю — себе!» — отупело подумал Жора и выхватил наган. При виде направленного на него оружия старик враз осекся.

— Ложись! — закричал злостью Коробченко.

Старик, будто подкошенный, ткнулся лицом в землю. С необъяснимо откуда взявшейся силой Жора втащил старика в кусты, крепко сплелал его бельевым шнуром и затолкал в раскрытый с перепугу рот скомканный носовой платок. Тряся перед обезумевшими от страха глазами наганом, угрожающе засипел сквозь зубы:

— Брякнешь ментам мои приметы — смерть! Говори, старый дурак, что скрутил тебя богатырь! Вот тут у меня картина «Три богатыря» товарища Шишкина наколото... — перепутав от волнения художников, Жора стукнул себя кулаком в грудь. — Понял, спекулянт?! Гавкнешь — под землей разыщу!

...На угнанной «Ладе» Коробченко мчал по знаковой проселочной дороге до тех пор, пока не кончился бензин. В Новосибирск он добрался глубокой ночью. У какого-то предприимчивого таксиста купил за десять рублей бутылку водки. В каком-то проходном дворе отыскал укромное местечко за вонючим мусорным ящиком. Жадными глотками, прямо из горлышка, осушил всю поллитровку и тут же «отрубился».

Оставшиеся от лотерейного билета деньги Жора пропил на следующий день в компании подгулявших не то грузчиков, не то браконьеров. Предложил было собутыльникам по дешевке бирюзовый перстень Зоркальцева, но те сами могли отдать за бутылку последнюю нательную рубаху.

Выручила Кудряшкина. Кому Леля продала перстень, Жору не интересовало. Завладев пятью сотнями, он ударился в такой бесшабашный загул, что даже позабыл о семи тысячах, отданных Зоркальцевым какому-то Милосердову. Об упущенном Коробченко вспомнил почти случайно, когда, опохмеляясь, вытаскивал из кармана джинсов последние рублевки на «Агдам» и вместе с ними вытащил расписку с фиолетовым нотариальным штампом. Жора сунулся в горсправку, но по указанному горсправкой адресу Милосердов уже не проживал. Чувствуя, что тысячи будет вырвать нелегко, Коробченко — в расчете на авось — разослал почтовые открытки друзьям из колонии и стал упорно разыскивать Владимира Олеговича. Помогла опять же Кудряшкина, которая, оказывается, знала не только самого Милосердова, но

и адрес, где тот теперь живет. Едва Леля упомянула о двухэтажном доме в новостроящемся районе Новосибирска, Жора мигом сообразил, что именно к этому домику подвозил его Зоркальцев перед смертью. По нескольку раз на дню он приходил в новостроящийся район. Застав наконец владельца семи тысяч, Коробченко был близок к заветной цели, однако в самый последний момент, когда перепуганный наганом Милосердов полез в тайник, за дверью раздался строгий голос: «Милиция. Откройте!» Приставив к виску полуобморочного официанта наган, Жора успел всего-навсего сорвать с пальца Владимира Олеговича бирюзовый перстень...

В этот же день в застекленной витрине у Железнодорожного РОВД Коробченко увидел розыскную ориентировку со своей фамилией и портретом. Раньше Жора не задумывался о ценности жизни, а тут вдруг с ужасом почувствовал, насколько жизнь ему дорога и на каком тонком волоске она повисла. Жора заметался, как обложенный флажками волчонок. Надо было срочно бежать из Новосибирска, а в кармане не осталось ни рубля. Рисковать с наганом он больше не хотел. Решил тратить патроны только на то, чтобы как можно дольше продлить свою жизнь. В помощь дружков по колонии Коробченко не верил. Хрупкая надежда теплилась у него лишь в отношении Савелия Вожегова — единственного сына обеспеченных родителей. И Жора уговорил Кудряшкину заказать с квартирного телефона разговор с Минском. Зная, что мающийся похмельной болью Тюрин просидит на главпочтамте впустую и встреча с ним ничего хорошего не сулит, Коробченко к ресторану «Садко» не пошел. В седьмом часу вечера он позвонил Кудряшкиной, чтобы узнать, на какое время междугородная пообещала дать Минск. Леля, даже не выслушав его, грубовато рубанула:

- Тебя угрозыск ищет, фраер несчастный!
  - Доищется... — многозначительно сказал Жора. — Лелька, займи на пару дней сотенку.
  - Балда, у меня трояк до полочки остался.
  - Ну хоть трояк дай. Могу перстень подарить, который ты Милосердову продавала.
  - Слушай... ты совсем чокнулся? Тот перстень, оказывается, Генки Зоркальцева. Если с ним заметут, вышка тебе.
  - Не каркай... Иду к тебе за трояком...
  - Не вздумай!
  - Чо ты психуешь? Давай встретимся где-нибудь.
  - Чтобы за компанию с тобой встать к стенке? Нет, земляк, ищи другую дурочку.
- Коробченко будто холодом обдало.

— Лелька, я погибаю... — в отчаянии проговорил он. — Придумай что-нибудь...

Кудряшкина по доброте душевной «придумала» отправить Жоре последние три рубля через соседку Анжелику Харочкину, подарив той импортную жевательную резинку.

Скрытно пробираясь обходными улицами к макулатурному ларьку, куда обещала подойти Анжелика, Коробченко украдкой бросил бирюзовый перстень в кузов проезжавшего самосвала, загруженного щебнем. Расписку Милосердова, словно спасительную соломинку, он сохранил на случай, если придется доказывать, что деньгами Зоркальцева не воспользовался, хотя прекрасно понимал — легче от этого ему не будет...

Из Новосибирска Антон Бирюков уезжал рано утром. Умытый вчерашним ливнем город омолодился. В многочисленных лужицах на подсохшем асфальте искрились солнечные блики. Было тепло и тихо. До отправления электрички оставалось около часа, и Бирюков, чтобы развеять гнетущее состояние от ночного допроса, пошел к вокзалу пешком.

У Железнодорожного РОВД хмурый сержант милиции вынимал из витрины розыскную ориентировку с фотографией Жоры Коробченко. Остановившаяся возле сержанта любопытная старушка спросила:

- Словили одного бродягу?
  - Так точно, бабушка, — ответил сержант.
  - И когда вы всех их переловите?
  - Придет время — переловим.
- Старушка вздохнула.

— Дай господь вам удачи...

Сначала на вокзале, затем в электричке, под убаюкивающим перестук колес, Бирюков всю дорогу сосредоточенно размышлял о Коробченко, так безобразно и глупо растоптавшем свою судьбу.

А через два года в газете Антон увидел фотоснимок улыбающейся девушки. Подпись под снимком гласила, что это Елена Кудряшкина — победительница областного соревнования молодых мастеров машинного доения. Бирюков долго рассматривал знакомое лицо. Потом взял ножницы, аккуратно вырезал фото из газеты и положил под стекло на рабочем столе, как память о Леле, которая не сразу, но с помощью добрых людей все-таки нашла свое место в жизни.

ХРУСТАЛЬНЫЙ ЛАК КОЛЮПАНОВЫХ

Валерий ПРОСКУРИН

Слайды В. Бабушкина

Пермского художника Степана Федоровича Колюпанова нередко называют мастером из Бажовских сказов. Думается, не только ради красного словца. Весь облик художника — крепко сбитого, с натруженными руками, густобородого — выдает в нем бывалого мастера.

В колюпановскую мастерскую не поднимаешься, как обычно к художникам, а спускаешься будто в сказочные земные недра — владения Хозяйки Медной горы. Самоцветами играют краски картин, необычных, странных. Легонько стукнешь пальцем — звенят.

По убранству мастерской трудно угадать сразу основное занятие хозяев. Стоят скульптуры, много скульптур. Значит, Колюпановы — скульпторы? Здесь причудливые вазы, блюда — может быть, они керамисты? Взгляд падает на эскизы, которые предназначены для больших поверхностей. Стало быть, они монументалисты? А еще есть чеканка, резьба по дереву... Видно, пробуют художники силы свои в разном искусном деле и чувствуют «душу» материала. Степан Федорович и загорскую игрушку ладил когда-то. Вспомнил об этом, по-доброму улыбнулся.

Не видно что-то привычных тюбиков с краской, мольбертов, у которых проводят обычно художники свой рабочий день. Что это? Печь? Да, обычная электрическая печь, из которой Степан Федорович извлекает диковины — сделанные на железе «звонкие» картины. Лет двадцать назад Степан Федорович и его жена Елена Прокопьевна нашли свой «хрустальный лак», подобный тому, каким уральские умельцы в сказе Бажова «для домашности да для веселья глазу рисовку в железо вгоняли».

В немудреной эмалированной утвари Лысьвенского металлургического завода Колюпановы разглядели неведомые возможности. «Однажды, — вспоминает художник, — мы увидели, как из матового невзрачного порошка эмаль после обжига превратилась словно в необыкновен-

ный кристалл, который вдруг засверкал, появились глубина и совершенно другой цвет. Мы захотели поработать с эмалью. Тем более, что до этого долго занимались цветными глинами и всегда любили цвет».

Они значительно увеличили размеры пластин, что позволило сделать эмаль «станковой». Потребовалось освоить новые приемы работы и даже «изобрести» инструмент. Сначала рисунок вычерчивался с помощью зубоуврачебной бормашины.

Степан Федорович раскрывает секрет своего ремесла: «Когда композиция размещена на плоскости, тут-то и сходятся границы искусства и технологии. Берется листовое железо холодного проката, наносится грунт, после чего решающая фаза — обжиг в печи. А затем наносится сама эмаль нужного, основного цвета. Прорабатывается рисунок, и снова обжиг. Не думайте, что пластина готова. Закончена работа только одним цветом. При наложении следующей краски все начинается сначала. Мы всегда знаем, какой она будет при обжиге. За нарочной, может быть, простотой и подробностью объяснения (ну-ка, сами попробуйте!) стоит неустанный многолетний труд. В «огненном» искусстве нелегко добиться совершенства, нужна подлинная мастеровитость.

Эмали всегда завораживают на выставках. Листаю страницы тетради с отзывами. В каждом — восхищение и признательность. «Вот наконец художники, рожденные «чтоб сказку сделать былью»!.. Невозможно расстаться с такой дивной красотой... Очищает душу и вселяет радость, ни с чем не сравнимую!.. Так редко приходится видеть что-нибудь свое в искусстве, что это становится праздником. Спасибо за праздник!». Охватившее многих чувство гордости за наш одаренный народ выразил поэт Е. Евтушенко: «Считаю эту выставку еще одним доказательством того, что поистине неисчерпаем «святой колодец» талантов на Руси...»

Древнее искусство эмали предстало обновленным перед любителя-

ми живописи. Колюпановы одними из первых «открыли» современную эмальерную живопись. Ведь эмаль издавна считалась прежде всего декоративным материалом. Постоянно возвращаются художники к своим заветным темам: Человек, Земля, Космос, Творчество, Революция, Война... Художники воплощают свои представления о гармонии, красоте мира и человека поразительно многопланово, часто путем переосмысления ценного опыта народного искусства — росписи, лубки, иконы... Будоражат сознание сказочными и фантастическими образами.

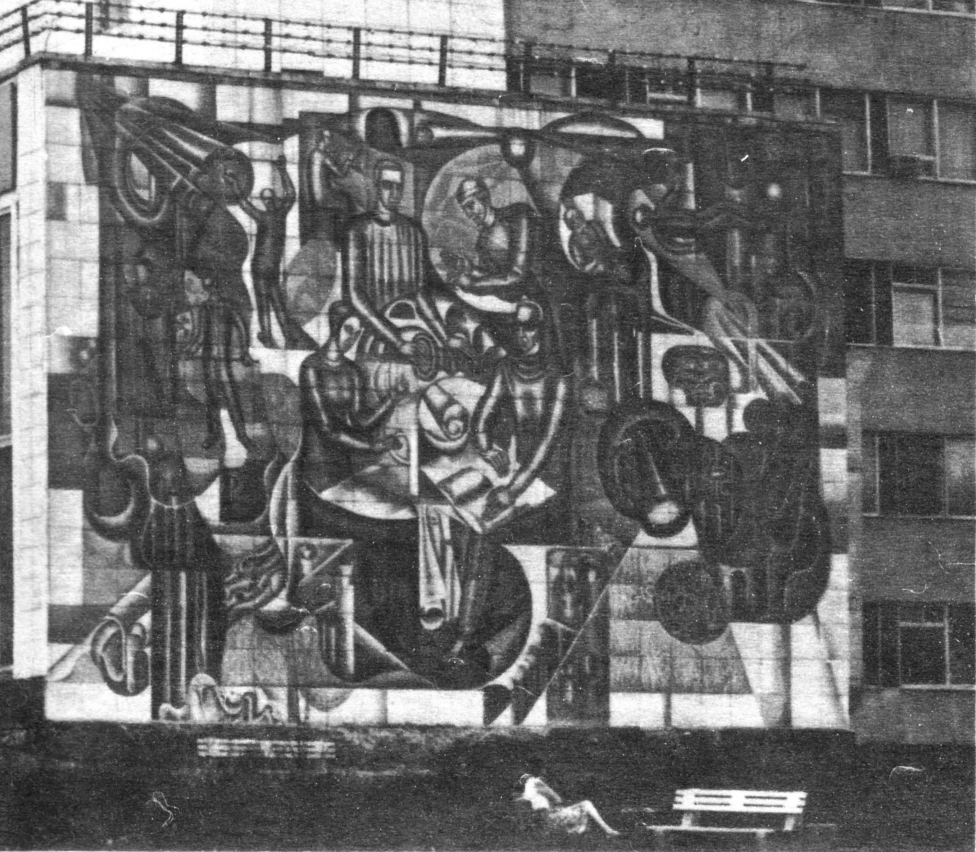
К примеру, много эмалей навеяны легендами народа коми, чудскими сказаниями... Художники размышляют о месте человека в природе, о его связи со всем живым. Очень близок художникам образ человека-олени. В других эмалях — и Кудым-Ош (человек-медведь), и люди-птицы, и многие другие дива дивные, созданные фантазией народа и бережно перенесенные в эмали Колюпановыми.

Таинственный, загадочный мир... Откроеся он тому, кто любит его, кто входит в него без корысти, с доверием. Легко свивают художники в своем творчестве нить, связывающую старину с современностью. Эмаль «Встреча миров». Изображены три космонавта, посланцы трех миров, где-то в космическом далеке. Вот так, запросто, трактуют художники проблему внеземных цивилизаций, волнующую ученых и фантастов.

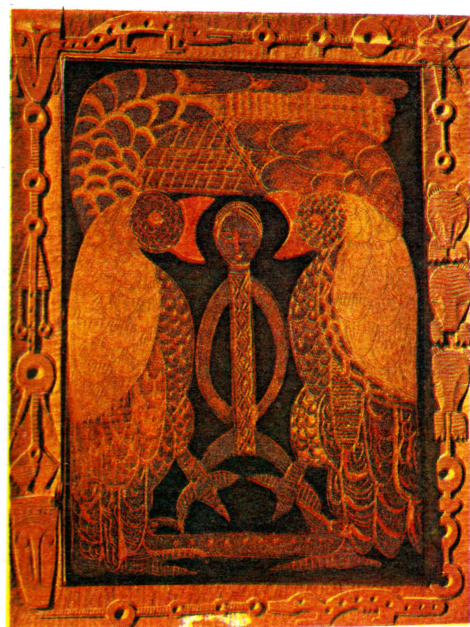
В самобытном художественном мире Колюпановых действует своеобразный закон, выраженный еще Ф. М. Достоевским: «Фантастическое должно до того соприкасаться с реальным, что вы должны почти верить ему».

Не удивительно поэтому, что любимый писатель Колюпановых — П. П. Бажов. Из его сказов они черпали темы многих своих эмалей, создавая неповторимый, поэтический лик нашего Урала, образы умельцев, принесших ему добрую славу.

Еще спорят о том, не потеряют-

Эмаль «Наука» на здании Пермского НИИУМСа

Мяндаш

ся ли особенные, «ювелирные» свойства эмали в больших монументальных работах. А панно «Наука», выполненное Коллопановыми, вот уже несколько лет украшает одно из зданий в Перми. Художники, по моему, доказали, что эмаль может и должна «выйти» на улицы и площади, «войти» в дома. А замыслы, интересные замыслы все зреют...

Души предков

«В монументальном искусстве, — утверждает Коллопанов, — эмаль очень «боекита». Она может выдерживать любой «накал» формы, любой «накал» композиции. От сказочного до революционного».

Художники оформили декоративными панно станцию Московского метро «Колхозная», много сделали для Перми. Не мог не увековечить

Stepan Fedorovich память о погибших в войне с фашизмом. Не мог, наверное, не иметь права как художник еще и потому, что он сам — участник Великой Отечественной. Его работа — мемориальная стена возле Дворца культуры имени Дзержинского в Перми.

Коллопановы всей «магической» силой своего искусства выступают против войны. Защищают человека от ужаса смерти, веря в его способность одолеть зло. Несколько антифашистских композиций они сделали в эмали. Одна из самых впечатляющих — «Майданек». Так назывался лагерь смерти. Но художники не живописуют страдания людей, волею судьбы оказавшихся в руках фашистских изуверов. Они показывают обьятые пламенем прекрасные обнаженные женские фигуры. Просто невозможно представить их горсткой праха. Эмаль звучит как предостережение.

Я видел эскиз нового варианта «Майданека», в котором, как и в прежнем, с особой остротой выражена мысль о петленности красоты. В «Майданеке», как и в других эмалях, — глубоко народное восприятие прекрасного. Не заемное, а впитанное с соками земли нашей, передаваемое из поколения в поколение. Истоки его — в детских годах художника. Родился Степан Федорович на Орловщине, в деревне Коллопаново. «В детстве, — вспоминает художник, — мне подарили медовые краски, которые хорошо ложились на стекло. Когда мать приходила вечером с работы, она видела полные окна «витражей». Учительница Любовь Евгеньевна сразу заметила мою тягу к рисованию. На уроках она мне давала задания перерисовывать цветные открытки. Это приносило огромную радость». Но дарование надо развивать, нужно найти в себе художника. Стать им. И Коллопанов учился, овладел азами искусства во Владивостоке и в Москве, в Доме народного творчества имени Н. К. Крупской (учился, кстати, заочно). До Перми работал в Благовещенске. Здесь-то и познакомился он Елену Прокопьевну, и долгие годы шли они рука об руку и в семейной жизни, и в творчестве. Расцвел, окреп их общий талант.

«Эмаль, — говорит Степан Федорович, — очень интересна, очень красива, хотя и сложна. У нее большие перспективы. Я выучил двух учеников, и меня радует, что они будут продолжать нашу работу».

Ученики эти — дети Степана Федоровича и Елены Прокопьевны, второе поколение эмальерных мастеров Коллопановых. И уже подрастает внук...

Уральский мотив

Мастер

Золотая баба

Чудь

Рождение кристаллов

КВАЗАР ШАНСОН

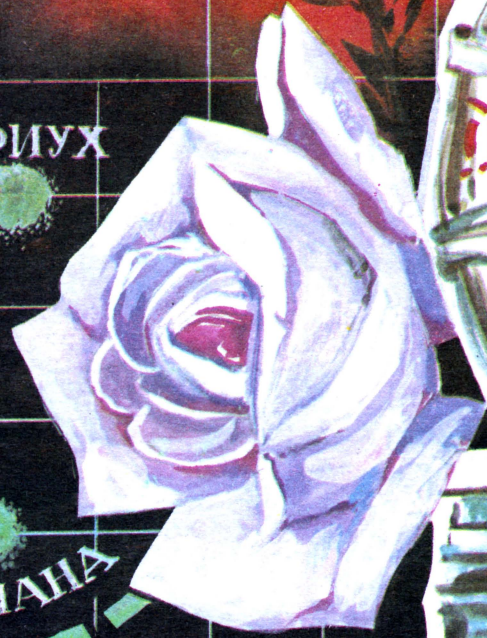
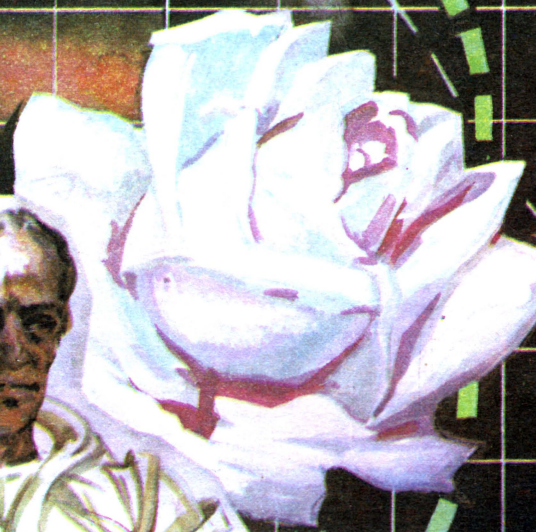
ОРЕЖН БЮРТЕ

5C 16

СИММ

ОФФИУХ

АРИАНА

Геннадий ПРАШКЕВИЧ

Рисунки О. Шапкина

КОСТРЫ МИРОВ

1.

Хенк был счастлив.

Под его ногами лежала настоящая земля. В его лицо упруго давил настоящий воздух. Терпкий запах настоящего металла, кислых почв, горячего песка жестко щекотал ноздри... Земля все еще отделена от него миллиардами световых лет?.. Неважно!.. Теперь неважно! Теперь он среди людей. Пусть их немного, пусть они все, как он, Хенк, заброшены на далекую планетку делами, пусть Симма столь же не похожа на Землю, как Крайний сектор на Внутреннюю зону,— он, Хенк, вернулся к людям!

Его так и подмывало поднять голову и взглянуть на Стену. Но голову он не поднимал. Спираль металлической травы елозили, скрипели под ногами, как часовые пружины, ржавые стебли искрились, словно щетки генераторов. Хенк мысленно прикинул, какое напряжение вырабатывают заросли там, где их корни уходят на милю в глубь кислых почв Симмы, и присвистнул. Он привык к удивительным вещам, но не отвык удивляться.

— Снимай шляпу и топай в бар,— сказала ему Шу.

— Надо говорить: нахлобучь шляпу!— засмеялся Хенк. Со своим бортовым компьютером он обращался как с человеком и нередко его поправлял.

— Я ведь никогда не видела шляп,— возразила Шу.— Я могу лишь представить их геометрию. Не больше.

— Увидишь,— пообещал Хенк.— На Земле я покажу тебе шляпу.

Это было час назад.

За шестьдесят минут Хенк успел законсервировать «Лайман альфу», прошел сквозь Преобразователя, ничего не получив, но ничего зато и не потеряв, и сдал хмурому диспетчеру данные для расчета будущего курса к Земле.

Диспетчер не скрыл недоумения:

— Из зоны протозид? Странно. Мы не ожидали гостей...

Помедлив, он все же спросил:

— Оберон?

— Человек!— возразил Хенк.— Разве не вы вели на посадку «Лайман альфу»?

— Это делают у нас автоматы...— Диспетчер, похоже, не верил Хенку.

— А Преобразователь?— счастливо рассмеялся Хенк.— Разве я изменился, пройдя сквозь его горнило?

— Нетипичная зона... Здесь мудрит даже эта штука,— диспетчер хмуро ткнул кулаком в широкую панель, украшенную мутными экранами.— В любом случае мы имеем дело с квазилюдьми.

— Не в любом!— возразил Хенк. Он имел в виду себя. Человека.

— А есть и такие,— не слушал его диспетчер,— что сразу начинают вести себя как люди. Хенк засмеялся:

— Я из таких!

Диспетчер не улыбнулся. Он привык держаться официально, положение обязывает... Весь его вид говорил: я занят, я при деле, а вот кто ты — мне пока неизвестно. Может, ты и вправду человек, тогда я найду возможность извиниться, если же ты оберон, извинения не имеют смысла...

«Что ж,— сказал себе Хенк.— На то она и нетипичная зона... У диспетчера нет особых оснований мне доверять. Они не ждали земного корабля из зоны протозид, закрытой для представителей Межзвездного сообщества... Побуду и обероном. Не так уж это много — трое земных суток... Понятию оберон много больше...»

Это было так. Термин вошел в обиход еще до выхода Хенка в космос, в год пуска сразу семи Конечных станций Вселенной, оборудованных Преобразователями. Принцип Преобразователя был, кажется, не до конца ясен даже самим авторам, ходили слухи, что Преобразователь просто заимствован у протозид. В объемистое горло Преобразователя могло войти любое разумное существо — на выходе вы всегда получали человека, точнее, квазичеловека, обла-

дающего довольно приличным словарным запасом и навыком смысловых схем, достаточным для деловых объяснений. Это сразу и навсегда избавило Конечные станции типа Симмы (Хаббл, Селевк, Оорт, Козырев, Бете, Фридман) от массы хлопот — запасы продовольствия, газов, воды, биологически активных веществ свелись к стандартным, к тому же контакт с представителями самых отчужденных звездных рас предельно упростился. Что же касается термина обертон, к нему скоро привыкли...

Планету под Конечную станцию предоставили Цветочники. Симма — самый малый маяк на краю света. Обращенная Северным полюсом к Вселенной, Южным полюсом Симма всегда смотрела прямо на Стену. За нею был только квазар Шансон — гигантский сгусток перевозбужденной магнитоплазмы, непрерывно преобразующий гравитационную энергию в свет, в радио- и в ультрафиолетовое излучение, в яростное вращение и турбулентность. Мощно пульсируя, выкинув над собой чудовищный голубой выброс, квазар Шансон одиноко пылал на фоне полного мрака. Это был истинный мрак, истинная тьма — за квазаром не лежало ничего материального. Тьма, стены тьмы... Хенк так и говорил себе — Стена... Разумеется, никакой реальной стены там не было, просто с одной стороны мерцали, сливаясь в тусклые шлейфы, мириады далеких звезд и галактик, с другой же не было ничего. Мрак. Пустота. Абсолют мрака и пустоты. Но этот мрак, эта пустота воспринимались Хенком именно как стена, и с этим своим представлением Хенк ничего не мог поделать... Стена. Почему нет?.. Он молча топал по космодрому Симмы, не поднимая глаз к небу. Впрочем, если бы он их и поднял, Стену бы он не увидел — Конечная станция занимала Северный полюс Симмы.

«Трое суток,— повторил про себя Хенк.— Трое земных суток, и мне вручат карту курса. Мне — Земля, Стеной пусть любят себя обертон...»

Слабые разряды легко покалывали ноги Хенка. Его это не раздражало. Он ступал по металлической, но траве, он ощущал чужие, но запахи. Сам воздух, поступающий не из ограниченных резервуаров, а просто извне, радовал и тревожил. Хенк радовался, Хенк знал: через час, через сутки он вернет себе навыки настоящего человека, через час, через сутки он, может быть, порадует Шу, разыскав для нее шляпу.

Он всегда называл свой бортовой компьютер этим древним женским именем — Шу. Слов нет, тахонные корабли сделали достижимыми любые, даже самые отдаленные точки Вселенной,

но без машин типа Шу это было бы невозможно. Он, Хенк, дошел до нетипичной зоны, видел Стену — благодаря Шу. Он плавал в энергетических безднах квазара, был огненным шаром, разумным огненным шаром — благодаря Шу. Он дрейфовал в звездных течениях нетипичной зоны, принимал формы, невозможные в любом другом случае, — благодаря Шу. Если он, Хенк, у первого встречного на Симме выпросит шляпу, это явится лишь данью уважения к Шу. Недоумение, даже усмешку предполагаемого первого встречного он, Хенк, снесет без усилий. Радость Шу того стоит...

Хенк был счастлив.

Шу его ждет. «Лайман альфа» готова к выходу. Данные для расчета будущего курса к Земле отправлены диспетчером в Расчетчик Преобразователя. Через трое земных суток он, Хенк, получит разрешение на выход из нетипичной зоны, а значит, явится на Землю незадолго до начала заседания редакционного совета Всеобщей энциклопедии, посвященного проблеме протозид. Неважно, что по часам Симмы заседание это закончилось несколько столетий назад, курс «Лайман альфы» будет вычислен по той кривой пространства-времени, что в любом случае приведет Хенка к точно назначенному времени, ни минутой раньше, ни минутой позже. Самая грубая ошибка никогда еще не превышала десятых долей секунды. Для сотрудников Всеобщей энциклопедии все будет выглядеть так, будто он, Хенк, отсутствовал два с половиной месяца и вот вернулся с необходимыми дополнениями к одному из самых сложных отделов Всеобщей энциклопедии — отделу протозид. Основная статья этого отдела принадлежала пока что ему же, Хенку, — обширные компиляции, составленные по мифам и наблюдениям Цветочников, Арианцев, океана Бюрге, тех многих звездных рас, что когда-либо соприкасались с протозидами. Увлекательные, обширные, но компиляции... Были ли они верны, соответствовали ли действительности? Можно ли, изучая отчужденную расу, опираться на мифологию и наблюдения рас не менее отчужденных? То, что протозиды никогда не заглядывали во Внутреннюю зону Вселенной, то, что они упорно не хотели замечать своих звездных соседей, — все это, по мнению Хенка, не давало оснований относить протозид к цивилизациям абсолютно неконтактным. Цивилизация — понятие вообще довольно туманное, его не так-то легко определить или истолковать, тем более что путь развития звездных рас мало где был достаточно схож, а истолкователи понятий сами живут внутри определенных цивилизаций, что, конечно же, не может не

вносить в их суждения ту или иную долю предвзятости. Туп, как протозид. Темен, как протозид. Жесток, как протозид. Он, Хенк, никогда не соглашался с подобными формулировками, но мифы Цветочников, Арианцев, океана Бюрге были битком набиты подобными перлами.

Протозиды... Они же — первичники. Они же — истребители звезд... Время от времени собираясь в гигантские скопления (а масса каждого отдельного протозида вполне соответствовала массам таких планет, как Земля или Симма), протозиды пытались прорваться из нетипичной зоны к какой-либо одинокой звезде. Им было все равно, обитаемы ли те системы, в которые они входили так неожиданно: мифология Арианцев, Цветочников, океана Бюрге сохранила память примерно о пяти подобных прорывах, после которых и Цветочникам, и Арианцам слишком многое приходилось начинать почти сначала. Падая на звезду, протозиды доводили ее до взрыва, гибли сами, но вместе с ними в море раскаленной плазмы, заливающей Крайний сектор, гибли солнца, планеты, населенные станции, радиобуи и, разумеется, разумные существа. Являлось ли все это осмысленными ударами по соседям, не объявленной, но все же войной с ними?.. Никто не мог на это ответить, ибо протозиды ни с кем не входили в контакт.

Но сейчас Хенк был счастлив. Кое-какую информацию, и весьма немаловажную для многих членов Межзвездного сообщества, они с Шу собрали.

Он машинально провел ладонью по лбу, буд-то снимая невидимую паутину. Широкий шрам, вертикально опускающийся к переносице, был привычен для него, как морщина. Еще один шрам, только шире, страшнее, прятался на плече, под рубашкой, зазубренным острием уходя к левой лопатке. От этого левое плечо Хенка казалось чуть опущенным. Впрочем, он давно не помнил об этом, привык. А сейчас его вообще занимала другая мысль: «Найдется ли на Симме шляпа?..»

2.

Хенк был счастлив.

Трое суток — это не просто карантин. Трое суток — это прекрасная возможность вернуть навыки землянина. Не так-то просто после нескольких лет одиночества дружески похлопать по плечу первого встречного, а Хенку этого хотелось... Впрочем, то, что за стойкой бара торчал длинный жилистый усач с объемистым миксером в руках, а перед ним на высоком табуре-

те откровенно скучал низкорослый, но плечистый человек в желтой майке звездного перегонщика, вовсе еще не означало, что они были людьми. Обероны — это вернее, хотя в штате Конечной станции, несомненно, должны были состоять и земляне. Законы Вселенского Свода требовали стандарта, такой стандарт принесли Преобразователи: если ты похлопал по плечу широкоплечего перегонщика в желтой майке, не стоило всерьез думать, что ты и впрямь похлопал по плечу именно человека, а не китообразное, к примеру, существо с Тау или аморфное разумное облачко с Пентаксы...

Бармен и человек в желтой майке звездного перегонщика обернулись к Хенку одновременно. Будь он пылевым облаком, распростершимся на полнеба, ему не составило бы труда держать в поле обзора сразу обоих, но сейчас Хенк был человек, — ему пришлось кивнуть дважды, неловко поворачивая тяжелую голову сперва к одному, потом к другому.

— Титучай?

Пьянящий, но безалкогольный напиток всегда был к месту, но, спрашивая, бармен не улыбнулся — подозревал в Хенке оберона, не любил оберонов или вообще не был общительным. Хенк усмехнулся: такие парни, как этот бармен, ему всегда нравились. Как правило, это дельные парни. Спроси такого о шляпе, он не удивится и не пойдет трепать по всей Симме о каком-то чокнутом со звезд, разыскивающим не принадлежащую ему шляпу... Взяв это на заметку, Хенк повернулся к перегонщику.

Но и перегонщик не выглядел приветливо. Выдвинув вперед широкие и плоские губы (щучьи отметил про себя Хенк), он хмуро прищурился, будто испытывал к Хенку не столько интерес, сколько массу подозрений.

— Титучай! — подтвердил Хенк. — Три титучая! Сразу всем! Это за мое возвращение!

— А счет? — недоброжелательно поинтересовался бармен.

Хенк назвал бортовой номер своего корабля, автоматически являвшийся номером его счета. Счет на Симме имел отнюдь не формальное значение. В сущности, Конечная станция принадлежала Цветочникам, и расходы Хенка сейчас оплачивала Земля, причем чистой информацией. Стакан титучая, выпитый Хенком, вполне мог быть оплачен именно его, Хенка, статьей. О тех же протозидах, например... Хенка эта мысль развеселила, он улыбнулся бармену, потом щучьегубому.

— С возвращением! — Бармен нехотя поднял крошечную рюмку.

— Возьми посудину пообъемнее, — посовето-

вал Хенк.— Не похоже, что вам приходится пить часто.

Бармен хмыкнул:

— Кому как... У меня сегодня это третья!

— Вы что, открыли регулярную линию?

— До этого еще не дошло,— вмешался в разговор щучьегубый и ухмыльнулся:— Вторую бармен пил за меня, а первую за патрульных. Симма прямо набита разумниками, не протолкнешься!

Хенк не стал спрашивать, что делают на Симме сотрудники звездного Патруля. Он не полез с расспросами и к щучьегубому. Ему вполне хватало собственных мыслей, о том же, к примеру, возвращении... Он с удовольствием смотрел сквозь прозрачную стену бара. Там, за невидимым колпаком силовой защиты, слабый ветерок лениво курчавил металлические заросли, гонял спиральную ржавую стружку, высекал из кустов шлейфы искр. Две-три вечерние звезды прокололи дикое пепельное небо Симмы. Бармен время от времени перекрывал собой их свет, и Хенк перебрался на другой табурет, ближе к щучьегубому. Перегонщик незамедлительно воспринял это как сигнал к сближению.

— Сегодня и завтра,— сообщил он,— в Аквариуме оберон с Оффиуха.

Хенк кивнул. Ему нравилась эта новая манера обращаться ко всем на ты, но сам он к этому еще не привык.

— Секреты пластики! — вспомнил он.— Я слышал об оффиухцах.

— Это следует видеть! — Щучьегубый переглянулся с барменом.— Ни на Земле, ни на Протиионе такого не увидишь. Оффиухцы вроде протозид, их ничем не заманишь во Внутреннюю зону.

— Нашел с кем сравнивать! — возмутился бармен.— Протозиды!.. — Он презрительно, даже брезгливо поджал губы: — Протозиды убивают, оффиухцы радуют.

Он плеснул в свою крошечную рюмку несколько капель титучая и вслух выругался.

Хенк усмехнулся. За время его отсутствия ничего не изменилось. Да и вряд ли могло измениться: ненависть Арианцев, Цветочников, океана Бюрге к истребителям звезд не могла расцвечиваться сама собой. Он опять усмехнулся. Он чувствовал себя гонцом, несущим добрую весть. Завтра утром он разберется в заметках, набросанных для него Шу, и даже, может быть, в том же Аквариуме познакомит сотрудников станции с некоторыми из выводов...

Он поманил к себе бармена:

— Через Симму, наверно, прошло немало людей?

— С Земли? — не понял бармен.— Это ты имеешь в виду?

— Неважно откуда. Главное, лю де й.

— Были... Конечно, были...

— Ваши склады, наверно, завалены самыми разными вещами, а?

— Да уж наверно! Мы ничего не выбрасываем... Тебя что-то интересует?

— Да,— кивнул Хенк.

— Твой счет надежен. Говори. Если эта штука сыщется, она твоя!

И Хенк сказал:

— Шляпа...

Он ничего не добавил к просьбе. Он вовсе не хотел объяснять, зачем ему понадобилась шляпа. Но объяснять и не пришлось: бармен и щучьегубый хорошо видели шрам, вовсе не украшающий Хенка. Другим, уже более мягким голосом бармен спросил:

— Где тебя так?

Он понял просьбу Хенка по-своему, решил, что шляпа нужна по самой простой причине — прикрыть шрам. А голос бармена, решил Хенк, подобрел потому, что до него, наконец, дошло: Хенк — человек. Оберон, пройдя сквозь Преобразователь, никогда не получит ни морщинки, ни бородавки, ни тем более шрама. Эти чисто индивидуальные отметины, как правило, присутствуют лишь человеку. Квазилюди всегда гармоничны, их лица, их кожа всегда чисты.

— Где тебя так? — переспросил бармен.

— Не помню... — отмахнулся Хенк.

— Немудрено! Такой удар может вышибить из памяти даже собственное имя...

— Ну нет! — засмеялся Хенк.— Свое имя я помню. Оно не очень-то сложное, не такое, например, как у Цветочников, но мне нравится.— И подмигнул бармену: — Хенк!

— Люке! — ответил бармен.— Зови меня Люке. Это не имя, но мне так нравится.

— А я Ханс,— представился перегонщик.— По-настоящему Ханс. Без всяких этих оберонских штук.

Хенк кивнул. Хенк был растроган. Он подумал: «Шу повезло. Шу получит шляпу...»

3.

Хенк долго не мог уснуть.

Сперва ему помешал диспетчер.

— Хенк,— попросил он по внутреннему Информу,— нам надо передвинуть твою «Лайман альфу», она мешает почтовикам.

— Проще простого,— ответил Хенк.— Свяжитесь с Шу, она все сделает.

— Шу? — удивился диспетчер. — Она человек? Ты не зарегистрировал спутника?..

— Шу — бортовой компьютер, — терпеливо объяснил Хенк. — Но для меня она больше, чем человек. Долгое время она была для меня всем человечеством...

Хенк долго не мог уснуть.

В детстве его мучило мерцание звезд. Однажды он видел болид. В юности он открыл комету. Ее хвост растянулся на полнеба, он был просто светлый, но в ночных снах всегда виделся ему цветным. Хенка с детства удручала необходимость прятаться под покров атмосферы. Он широко открывал глаза, будто это могло помочь ему проникнуть в даль, скрывающую мириады галактик. Он любил думать, что его дом не ограничен пределами Солнечной системы. В принципе это было так — окончив школу Поисковиков, он вышел во Внутреннюю зону. Но никогда дальше. Дальше ходил только его брат Роули, звездный разведчик.

По материалам Роули Хенк написал книгу. Книга, посвященная нетипичной зоне, сразу привлекла внимание специалистов. Бывшего пилота, а теперь космоисторика и космопалеофитолога Хенка пригласили в редакцию Всеобщей энциклопедии. Десять лет, проведенных в редакции, составили Хенку имя. Лучший знаток первичников... Что ж, разумная, но таинственная, замкнутая только на себя жизнь заполнила даже сны Хенка. Иногда он видел сны, в которых не мог признаться и близким друзьям, только Роули... Зато из семи специалистов, выразивших согласие взять на себя дальний поиск, предпочтение было отдано именно ему, Хенку. Крупный специалист, пилот с опытом — кому, как не ему, идти в нетипичную зону?.. Хенк подозревал, что какую-то роль в решении сыграла гибель его брата Роули, но это второе дело... Подразумевалось, что наблюдения Хенка внесут ясность в один из самых сложных отделов Всеобщей энциклопедии, не только дополнят, но и перестроят этот отдел, все еще вносящий сумятицу в строго расчисленное здание звездной истории.

Параллельно с занятиями Хенк читал в Высшей школе курс космической палеофитологии. Этот курс определялся названием «Века и растения», но студенты из встреч с Хенком выносили не просто понятие об эволюции растительных и квазирастительных земных и звездных форм, — Хенк не уставал указывать на расхождения, оказавшиеся роковыми для иных, теперь уже не существующих цивилизаций, на те опасные ситуации, в которых разум, взрываясь, начинает строить вторую природу в отрыве от своих естественных, predeterminedенных происхожде-

нием корней. Хенк любил приводить слова брата: «Прежде чем вмешиваться в природу — пойми ее!»

У Хенка было место, где он всегда чувствовал себя особенно хорошо. Свайный домик стоял на берегу крошечного лесного озера, за озером, как рыжие облака, пылали осенние лиственницы, не закрывая собой далекого Енисея. Еще дальше поднимались горы, даже в самые жаркие дни вызываясь поблескивающие ледяными вершинами... Хенк водил студентов по саду, обращал их внимание на тот или иной куст, на тот или иной иногда слабый, но всегда ощутимый аромат; он, Хенк, разбил на Енисее самый северный сад роз, в котором белые шары древних, как история, Блан Дубль де Кубер и благородные Галлики росли прямо на земляных грядах, а желтые и светлые дамасские розы, пережившие Римскую империю и последующие двадцать пять веков, оставались столь же упругими и свежими, как во времена Цезаря... Хенк гордился зеленоватыми чайными, аромат которых и впрямь напоминал крепкий чайный букет, карамзиновыми Дюк де Монпасье, огненно-алыми Амулетами. Он любил свои редкие бархатистые, с розовым ободком, Кримсон Глори, бледно-желтые Луны и высокие бутоны Мистрис Арон Уор, всегда влажные, в капельках светлой росы, — не верилось, что это розы, не звезды, и Хенк всегда поднимал глаза горе, ему нравились, что цветы и звезды так схожи.

Иногда он водил гостей к низкому пластиковому забору, отделявшему его сад от территории северной птицефермы. Но здесь, у грядки, над которыми золотились древние Мадам Жюль Граверо, желтели буйные Маман Коше и лучились сквозь плотную кожистую листву блестящие, словно бы покрытые восковым налетом, алые пернецианские, — прогулки, как правило, заканчивались. В самый глухой уголок сада Хенк предпочитал приходиться один.

Под пластиковым забором, привитая на простой шиповник, белела самая обычная на вид парковая роза. Но она была единственной, над которой Хенк работал почти пятнадцать лет. Он не резал и не формировал ее куст, он просто помогал розе развиваться и разве лишь осенью снимал с веток листья, чтобы не привлекать к кусту внимания прожорливых северных мышей. Он берег розу не от холодов, он берег ее от жесткого северного солнца. Отзываясь на раннее весеннее тепло, верхняя часть куста, привитого к шиповнику, торопливо шла в рост, тогда как корневая система еще спала, — Хенк укрывал розу от солнца. Со всем остальным куст справлялся сам.

Хенк хотел, чтобы эта роза всегда оставалась живой, чистой и ярко-белой. Ни разу за пятнадцать лет он не увидел на ее цветах ни крапинки, ни ободка, роза была, как свежий снег, Хенк с удовольствием выкашивал вокруг траву, даря розе покой. Он сидел вечерами рядом с розой, а когда, случалось, шел дождь, когда слезились темные окна, капли тяжко били в рамы парников, а листва карликовых берез обвисала страшно и сыро, он, Хенк, без плаща мчался в сад — не повредил ли ливень его белую, как снег, красавицу?..

Нет, роза не была безымянной, Хенк давно дал ей имя.

Роули!

Он назвал розу именем своего брата, звездного разведчика Роули, погибшего в районе катастрофического взрыва 5С 16 — космического объекта, долго вызывавшего недоумение астрофизиков... Хенк не уставал верить, что рано или поздно слухи о смерти Роули будут опровергнуты, как это, пусть редко, но все же случалось. Он не уставал верить, что пока его роза остается белой, как снег, звездный разведчик Роули жив, звездный разведчик Роули помнит о нем — о Хенке...

4.

Он долго не мог уснуть.

Туп, как протозид... Темен, как протозид... Жесток, как протозид...

Он вспомнил брезгливость на лице бармена Люке, вспомнил мгновенно похолодевший взгляд Ханса... Туп, темен, жесток... Так могли говорить Арианцы, Цветочки, так мог говорить океан Бюрге; почему так говорили земляне? Разве он, Хенк, не разрушит это слишком несправедливое представление?

Он протянул руку, нащупал на полке коробку с кристаллами памяти. В комнате было темно, но сейчас он не нуждался в свете. Крошечный проектор включился сам от тепла ладони. «Маршрут», «Маяки», «Точки отсчета», «Физика нетипичной зоны»... Счетчик стрекотал, как кузнечик, — Хенк искал кристалл «Протозиды». Он помнил: он сам бросил этот кристалл в коробку. Но кристалла в коробке не было!

Включив внешний Инфор, Хенк попросил связь с Шу и обрадовался, услышав код вызова.

— Как у тебя? — спросил он, не скрывая радости.

— Нормально, — ответила Шу своим непостижимым голосом. — Рассчитываю будущий курс.

— Но этим занят Расчетчик Преобразователя!

— Я, конечно, не знала... — Он понял, что Шу обиделась.

— Не надо, — попросил он. — Я вовсе не хочу ссоры.

Тогда Шу спросила:

— Как у тебя?

Хенк вздохнул. Перед ним все еще стояли лица Люке и Ханса...

— Шу, — спросил он, — почему они так не любят протозид?

— Протозиды вне сообщества, Хенк.

— Истребители звезд... — протянул Хенк. — Ты об этом?

— Не только. Они — древние, они — очень древние, Хенк. Как человек относится к тем, кто его старше, к мокрицам, змеям, членистоногим?.. Протозиды еще древнее, Хенк. Они очень древние!

Он кивнул. Он хотел бы уснуть, но понимал, что все равно не уснет. Он обрадовался, когда Шу спросила:

— Ты хотел спросить только это?

— Нет, — сказал Хенк. И пояснил: он забыл на борту кристалл «Протозиды».

— Ты его не забыл, Хенк...

— Как? Я мог его потерять? Это невероятно!

— Ты не потерял его, Хенк.

— Но где же этот кристалл?

— Я сама изъяла его из твоей коробки.

Хенк помолчал. Он верил Шу, но не всегда понимал ее решения.

— Зачем ты это сделала?

— Запись «Протозиды» подлежит просмотру лишь на Земле.

— С чего ты это взяла?!

Шу не ответила. Он не стал переспрашивать, он знал: Шу никогда не совершает ошибок.

— Я все объясню на борту «Лайман альфы», Хенк.

Еще минуту он смотрел на отключившийся экран. Он был удивлен, он был сбит с толку, ко всему этому примешивалась неясная, но вполне ощутимая тревога...

5.

Разбудил его стук в дверь.

Он не сразу понял — почему молчит Шу, кто может стучать на борту «Лайман альфы»? Лишь включив свет, вспомнил: это станция Симма, он гость станции Симма. Не поднимаясь, ткнул в переключатель внутреннего Инфора, увидел на экране незнакомые лица.

«Они просят разрешения войти», — просигналил Инфор.

— Кто они? — Хенку не хотелось вставать.

«Они все объяснят сами».

— Им придется ждать, я еще не принял душ.

— У нас мало времени, — сказал один из тех, кого Хенк видел на экране.

— Разве мои вопросы транслируются?

— Ты забыл отключить внешний Инфор.

— Извините, — сказал Хенк. — Входите и Располагайтесь. Я вас не задержу.

Они вошли в комнату и остановились у окна, будто их интересовал не Хенк, а ржавый пейзаж утренней Симмы. Хенк запоздало предложил:

— Садитесь. — И вышел к ним, как был, в халате.

— Извини, — сказал один из вошедших. Его пронзительные голубые глаза уставились прямо на Хенка. Слишком широко поставленные, они не могли не портить его широкое, мужественное лицо, тем не менее, он вызывал больше симпатии, чем его спутник — печальный красавчик, чуть тускловатый на вид, ни на секунду не оторвавшийся от окна. На легких голубых куртках своих ранних визитеров Хенк сразу увидел белый круг с молнией и звездой — официальный знак звездного Патруля.

— И так?..

Хенк сел, и кресло под ним скрипнуло уверенно и солидно.

Гости не сели.

— Приятель, — сказал голубоглазый, — мы хотим, чтобы ты нам помог.

Хенк пожал плечами.

— Инспектор звездного Патруля Петр Челышев, — голубоглазый протянул Хенку жетон.

Хенк не потянулся за жетоном. Он знал, пальцы его просто пройдут сквозь листок фольги, как сквозь пустоту. Такой жетон является индивидуальным, он материален только в руках владельца. Хенк видел круг, молнию, звезду, это его удовлетворило.

— База Водолея? — спросил Хенк.

Петр Челышев кивнул.

— Хархад, — представился печальный красавчик, не отводя глаз от окна. Ударение в имени он сделал на первом слове.

— Хенк... Просто Хенк... — Он не знал, что к этому добавить. — Я очень давно не видел землян.

— Сколько лет ты отсутствовал?

— По среднекосмическому — около четырехсот... Триста семьдесят, так точнее... — Отрешенность Хархада, не отрывающегося от окна, раздражала Хенка: — Что вы там видите?

— Почтовая ракета... — Хархад обеспокоенно повернулся к Челышеву: — Это ничего не меняет, Петр?

— Как? Она пришла вовремя?!

Теперь они смотрели в окно все трое. На центральной полосе космодрома перед толпой суесящихся роботов медленно, бесшумно, как изображение на сырой фотобумаге, проявился темный корпус приземистой тахионной ракеты. Она напоминала корабль Хенка, но была короче и не несла над собой броневого рога, в каком размещались мозг Шу и Преобразователь.

— Что там делают роботы? — спросил Хенк.

— Готовятся к выгрузке почты.

— Не похоже. У них в руках духовые трубы.

— Оркестр! — фыркнул Челышев. — Почтовая ракета, Хенк, как правило, запаздывает, но эта пришла вовремя. Совершенно небывалое дело!

— Она с Земли? — удивился Хенк.

— Нет. С базы Цветочников. Мы держим почтовую связь с Землей через Цветочников. Обходится дороже, чем хотелось бы, но значительно надежнее прямых передач. К сожалению, у Цветочников, как и у Арианцев, — Челышев покосился на Хархада, — свое чувство времени, сутки-двое для них не опоздание... — Челышев наклонился к экрану Инфора: — Это сегодняшняя?

Ответил диспетчер:

— Не могу тебя обрадовать, Петр.

— Но сейчас семь ноль-ноль!

— Это в черашняя ракета, Петр.

Челышев отключил Инфор, повернулся к Хенку, и они рассмеялись. Рассмеялся и Хархад, чем сразу расположил к себе Хенка.

— Чем я могу помочь?

— Выведешь «Лайман альфу» на рассчитанную нами орбиту. Расстояние не более сорока световых лет, для твоего корабля это разминка. — Челышев остро глянул на Хенка. — Сможешь?

— Не хотел загружать Шу, но... если дело важное...

— Шу? — перебил Челышев. — Кто это?

— Мой бортовой компьютер. Я зову его этим именем... Моя цель?

— Обязательно хочешь знать?

— Это что, тайна?

Челышев и Хархад переглянулись.

— Боюсь, Хенк, наша цель тебе не понравится, — медленно сказал Челышев. — Ты слишком долго отсутствовал и не знаешь положения, создавшегося в Крайнем секторе... То, что я тебе передаю как просьбу, на самом деле — приказ.

Приказы звездного Патруля не обсуждаются. Это Хенк знал. За спиной звездного Патруля стоит, как правило, целая цивилизация, если не две и не три. Но Хенк не любил слепых приказов, он переспросил:

— Цель?

— Одиночный протозид, Хенк,—медленно ответил Петр Челышев.—Всего лишь одиночный протозид.

— Вы хотите войти с ним в контакт?

— Нет, Хенк. Кому, как не тебе, знать: протозиды неконтактны.—Челышев неожиданно улыбнулся: — Мы не собираемся входить в контакт с протозидом. Мы собираемся его уничтожить. Мы — Охотники.

6.

Хенк знал об Охотниках. Весьма высококвалифицированные специалисты. Их готовили в специальной закрытой школе... Он, Хенк, ни разу не встречался с Охотниками, но много слышал о них. Слышал, например, об Охотниках с системы Гинапс. Они потеряли треть сотрудников, но сумели предотвратить столкновение двух воинственных подрас Гинапса, найдя приемлемые для них условия переговоров.

Чем же мог помешать землянам одиночный гравитационный организм, равнодушно дрейфующий в разреженном пространстве нетипичной зоны? Хенк не мог не верить Петру Челышеву и его коллеге. Оба являлись сотрудниками звездного Патруля и, конечно, получили приказ с Земли. Каждый такой приказ, как правило, обсуждается всеми заинтересованными звездными расами, и если дело доходит до его исполнения, он наверняка обсужден и исследован стопроцентно, а значит, должен быть выполнен. Он, Хенк, обязан верить Охотникам, но все в нем протестовало. Истребители звезд?.. Возможно... Но сейчас в районе квазара Шансон дрейфовал лишь одиночный организм. Нанеси они вред протозиду, это сразу станет известно всей их многочисленной расе, ибо каждый одиночный протозид часть единого коллективного организма...

Хенк механически следовал за Охотниками. Он не видел смысла в предстоящей Охоте, но должен был выполнять приказ. Он — землянин! Огромный корпус «Лайман альфы» столбом

возвышался над космодромом; щелкнули замки, шипя выдвинулся дежурный пандус.

— Привет, Шу! — сказал Хенк, проверяя шлюзы. — Как у тебя?

— Работаю над расчетом.

Охотники невольно задрали головы: голос Шу шел сверху.

— Переключись на бортовую аппаратуру, — хмуро приказал Хенк. — Через двадцать минут стартуем.

— Курс — Земля? — голос Шу изменился. — Ты получил разрешение?

— Нет... — сказал Хенк. — Нет... — И прежде чем бросить карту курса в щель Расчетчика, взглянул на Чельшева.

Чельшев медленно покачал головой:

— Ничего не могу сделать, Хенк. Мы прибыли на Симму за сутки до твоего появления. Приказ есть приказ, нас не всегда знакомят с подробностями. Мы ожидали новостей с сегодняшней почтовой ракетой, но ты видел — она еще не пришла... Ничего не могу утверждать определенно, однако в нашем секторе что-то

случилось. Мы не знаем, в чем вина этого одиночного протозида, лично мне нет до него дела. Но у нас есть приказ — уничтожить его. Другими словами: Межзвездное сообщество посчитало присутствие этого протозида в нашем секторе потенциально опасным. Может быть, крайне опасным. Возможно, к нашему возвращению на Симму придут необходимые пояснения. Но они могут и не придти, Хенк. Мы всего лишь исполнители.

Хенк усмехнулся. Он сидел у дальнего конца «Лайман альфа» стартовала, ослепив космодром Симмы мгновенной, тут же рассеявшейся вспышкой. Они шли в открытом пространстве, и на правом экране, почти не сдерживаемое светочувствительными, яростно разметалось пламя квазара Шансон...

Прошло семь минут, и гравилораторы засекли протозида. Еще через десять минут Хенк увидел его на экране — крошечная запятая, действительно крошечная, чуть побольше его корабля, но с массой, приближающейся к массе нормальной планеты. «Лайман альфа» вполне могла

совершить посадку на тело протозиды. Крошечная запятая, такая невинная на фоне редких звезд...

Хенк знал: протозид их видит. Это означало, что корабль Хенка видят сейчас все протозиды, все до одного, где бы они ни находились. Разве руки Хенка не знали бы об опасности, попади в капкан его ноги?

— Один протозид не опасен,— сказал Хенк. И уточнил:— Ни для кого не опасен. Мы совершаем ошибку... Кто дал нам право отнимать жизнь у другого, не родственного нам существа?

— Межзвездное сообщество,— сухо ответил Челышев.— Оно существует не первый год, и я никогда не слышал о его ошибках.

Тяжелое молчание залило штурманскую обсерваторию «Лайман альфы».

Случайные звезды, входя в поле обзора, слепили глаза,— Хенк тут же стирал их разрядчиком. Теперь уже на всех экранах отчетливо определилась массивная запятая протозиды. Протозид плыл в пространстве, одинокий, как Космос. С невольной завистью Хенк ощутил, как жгут эту темную запятую бешеные лучи квазара, как мощно всасывает в себя каждую случайную пылинку этот разумный, но замкнутый на себе организм. Кто они — протозиды? Чего они хотят? Что манит их к звездам? Почему он, Хенк, землянин, не может думать о них, как о чужих?.. У Хенка закружилась голова, колющая боль ударила под лопатку. Он пытался вспомнить, он почти вспомнил... Что?.. Он чуть не вскрикнул — боль, острая, режущая боль заставила его вжаться в кресло.

Ладно... Он вспомнит...

Хенк искал выход. Хенк не хотел беды протозиду. Он верил, что и протозид никому не хочет беды. То, что он идет к квазару Шансон, не означает угрозы... Хенк не хотел, чтобы этот протозид был убит, он искал возможность передать свою мысль протозиду.

— Пристегнитесь,— приказал он Челышеву и Хархаду, пересаживаясь в кресло дистанционно-го Преобразователя. И постучал пальцем по микрофону.

— Я готова,— не сразу, но откликнулась Шу. Казалось, она чувствовала состояние Хенка. Или ее смущали гости? Это были первые гости на борту «Лайман альфы»... Хенк старался не думать об этом. Он тронул ногой педаль дальности, и протозид сразу приблизился, занял собой почти весь экран.

— Три градуса... Четыре градуса... Пять градусов... — размеренно отсчитывала Шу.

Хенк развел сферу охвата, и силуэт прото-

зида полностью вошел в круг, вычерченный локаторами Преобразователя. Координатная сеть туго оплела массивную запятую — осталось нажать на рычаг разрядника.

Хенк медлил.

Была надежда: протозид поймет, протозид сместит себя в иное пространство. Он это мог... Но протозид оставался немым и ко всему равнодушным. Он видел «Лайман альфу», но не испытывал к ней никакого интереса.

— Почему ты тянешь? — не выдержал Петр Челышев.— Почему генераторы не переключены на гравитационную пушку?

— На борту «Лайман альфы» нет пушек...

— Вообще? — удивился Челышев.

Хенк усмехнулся. Он вовремя вспомнил древнее слово. Он произнес его вслух:

— Я не пират. Мне не нужны пушки.

— Как же ты собираешься воздействовать?..

— Для хода на досветовых скоростях «Лайман альфа» оборудована противометеорной защитой.

— Ты говоришь не очень уверенно...

— Мне не по душе ваш приказ.

— Приказ Земли! — упрямо поправил Челышев.

— Пусть так, но мне он не по душе.

Хенк солгал Челышеву и Хархаду.

На борту «Лайман альфы» не было гравитационных пушек, но не было на ее борту и противометеорной защиты. На «Лайман альфе» стоял Преобразователь. Не стандартная машина Конечных станций, умеющая Ярианца или обитателя Гинапса одеть в квазичеловеческую плоть, а мощный прибор, рассчитанный на любую форму. Хенк радовался, что не успел зарегистрировать Преобразователь. Сейчас это было ему на руку. Он нашел выход.

— Пора! — требовал Челышев.

И Хенк понял — пора, и нажал на рычаг разрядника.

Они не отрывали глаз от экрана.

Но ничего не произошло.

Протозид, темный и равнодушный, висел в тугой координатной сети и, казалось, так ничего и не почувствовал. Но так лишь казалось. Хенк знал, что пусть на долю секунды, на крошечную, ничтожную долю секунды, но даже этот ничего не чувствующий организм содрогнулся от боли и ужаса разрушения, и эти боль и ужас разрушения («преобразования» — поправил себя Хенк) на ту же долю секунды испытал каждый другой протозид, как бы далеко он от них ни находился.

«Они знают, что это сделал я», — ужаснулся Хенк.

Протозид исчез.

На его месте, разматываясь, как смерч, вверх и вниз от «Лайман альфы» расплывалась гигантская пылевая туча, черный шлейф, перекрывший мерцание редких звезд, траурный свиток, развернутый его, Хенка, руками.

— Дельная работа! — одобрил Челышев. — Протозид развалился на атомы.

— Что дальше? — сухо спросил Хенк.

— Дальше — Симма, — с облегчением вздохнул Челышев. — У тебя есть еще двое суток, Хенк. Посети Аквариум, посмотри оффиухца, заходи к нам. В наших комнатах все, как на Земле. Когда работа закончена, нам ничто не должно напоминать о ней.

— Я бы тоже не хотел о ней помнить...

— Ну, ну, Хенк. Мы делаем общее и нужное дело. погоди, ты еще сам захочешь пожать нам руки.

Хенк не ответил.

Он выключил экраны и передал управление Шу. Уже час он не слышал от нее ни слова. Шу, конечно, могла сердиться, но только она сейчас понимала — он обвел Охотников вокруг пальца. Они не догадывались о Преобразователе, они считали, что протозид разнесен на атомы. Это и было так, только каждый атом пылевой тучи, в которую превратился протозид, и сейчас был строго ориентирован. Со стороны протозид выглядел мертвой, нейтральной тучей, бессмысленным облаком, заставшим собой звезды, но это было не так, это было живое облако. Медлительное и бесформенное, оно продолжало осознавать себя протозидом, и Хенк верил, что рано или поздно сумеет вернуть его в первоначальный вид.

Настроение Хенка медленно улучшалось.

Он выполнил приказ Земли, он был землянин. Но он не уничтожил протозид, ибо чтит Свод, созданный для всех рас.

7.

«Все! — сказал себе Хенк, подставляя плечи под тугие струи воды. — Больше я никому не открою, больше я никуда и ни с кем не пойду!... — Инфор он предусмотрительно выключил. — Я слишком давно покинул Землю, чтобы сразу реагировать на ее приказы. Протозид распылен — это ошибка. О случившемся должны знать все».

Он вспомнил Роули. Полунасмешливо, но допуская в душе такую возможность, Роули строил планы всекосмической связи. По доброму согласию и доброй воле протозиды рассредотачи-

вались по всем секторам Вселенной, тогда связь Северного полюса Вселенной с Южным превращалась в самый обычный разговор, какой мог вести два рядом сидящих человека. Ты задаешь свой вопрос протозиду, дрейфующему в районе Конечной станции, и в тот же момент вопрос этот становится известен протозиду, заброшенному в созвездие Геркулеса. «Незачем гонять из конца в конец почтовые ракеты, забрасывать пространство радиобуями, платить Цветочникам только за то, что разведчику Роули вдруг захотелось поговорить с братом, — смеялся Роули. — Найди способ общения с протозидами, и Вселенский Разум получит еще одну возможность дальнейшего развития...»

— Шу, — потребовал Хенк, включив внешний Инфор. — Мне необходимы записи, объединенные в кристалле «Протозиды».

— Записи «Протозиды» подлежат просмотру лишь на Земле.

Ответ Шу прозвучал категорично, в высшей степени категорично. Хенк не стал спорить. Ладно. Пусть так... Впереди только сутки... Не отключая связи, он молча мерил шагами свою комнату; экран Инфора мутно светился, по нему пробегали светлые и темные полосы, бесконечно таяли, вновь возникая, смутные вспышки, — собственно, это и было лицо Шу...

— Сегодня в Аквариуме оберон с Оффиуха. — Шу ничего никогда не забывала.

— Советуешь сходить?

Хенк вздохнул. Он часто ощущал некую зависимость от своего собственного компьютера. Иногда это его раздражало. Но стоило ему проанализировать свои чувства, вывод всегда был один: он, Хенк, вовсе не противился этой зависимости.

8.

В Аквариуме Хенк занял отдельную ложу — ему не хотелось никому мешать. Но почти сразу в соседней ложе, отделенной от него практически прозрачной перегородкой, появилась целая семья — две женщины, трое мужчин и два юных отпрыска с длинными желтоватыми, как спелые тыквы, лицами. По унылым взглядам и слишком уж гармоничным очертаниям Хенк сразу признал Арианцев. Потомки одной из самых агрессивных в прошлом рас, те никогда не скрывали своего отвращения к Преобразователю — подарку Цветочников.

Никого больше Хенк не видел. Это обрадовало его. Уже спокойнее он подумал про завтра. Завтра он стартует к Земле, на Земле мож-

но поднять шум — рассеянному в пыль прото-зиду вернуть его облик.

Он вновь, в который уже раз, поймал себя на том, что думает о протозиде, как о близком для себя существе. Между тем, как бы ни были взаимно дружелюбны те или иные цивилизации, представители их далеко не всегда могли разорвать завесу невольного отчуждения. Элемент чуждого, иного незримо витал над людьми и квазилюдьми.

Ладно... Хенк мысленно представил примерную карту курса. До 5С 16 он дойдет на тахионной тяге — на самую большую часть пути падает самое малое время; он увидел перед собой чудовищно длинную цепочку звезд, свернувшуюся, как легендарный змей, — созвездие Гидры. Это уже Внутренняя зона, но именно там, на одной из планет звезды Альфард, ему придется потерять почти три земных месяца — карантин, первичная обработка материалов...

Яркий свет вспыхнул в центре Аквариума.

Этот свет вздувался, рос над темным полом Аквариума, как гигантский пузырь; это и был пузырь — силового поля. Минуты через две он занял все пространство Аквариума, и алые, без перепадов, тона медленно перешли в оранжевые. Желтый, белый, наконец ослепительно голубой — в сознании Хенка зазвучал цветовой звездный гимн Рессела-Кнута, давно вошедший в опознавательную окраску кораблей Межзвездного сообщества.

И этот свет становился все нежней, он рас-слаивался, в нем, не смешиваясь, проплыли фиолетовые оттенки, зеленые мерные вспышки — бесконечный, как мир, рассвет над океаном Бюрга, а может быть, над неведомой Хенку планетой оффиухца...

Хенк невольно привстал, от восторга ему хотелось зависнуть в воздухе, прямо над креслом, но он тут же одернул себя: Арианцы явно обращали на него внимание. Похоже, он им не понравился, как не понравился бы перегонщику Хансу оквазичеловеченный протозид, появившись он неожиданно в баре...

А в силовом пузыре, заполненном нежным светом, уже металась смутная тень, которая не могла быть только тенью; это, несомненно, было живое существо, и, мельком обернувшись, Хенк увидел, что просветлели даже лица Арианцев. Тень, скользившая в глубине аквариума, напомнила, могла напомнить Арианцам что-то свое, пусть временно, но утерянное при переходе в квазичеловеческое тело.

Хенк замер.

На мгновение, как Арианцев, его захватила острая, пронзительная тоска. Он опять был гран-

диозным облаком, звездный ветер гнал его бесформенное тело в сторону от квазара Шансон, к Стене, во мрак, во тьму — в ничто, звездный ветер рвал из него миллионы атомов, но он, счастливое пылевое облако Хенк, тут же восполнял потерю за счет инертной межзвездной пыли...

Оффиухец распался на широкий линейный спектр. Это не был просто спектр. Хенк не один час провел над камерой спектрографа, видел линии спектров в самых разнообразных сочетаниях, но сейчас перед ним мерцал, ширился живой спектр, сейчас он видел перед собой живое.

Хенк восхищался оффиухцем. Он никогда не бывал на планете оффиухца, плохо представлял, где она и какая, но знал, верил — она не из худших, как вообще не бывает в Космосе худших или лучших планет.

Хенк был втянут в игру оффиухца, он обо всем забыл, он завис над креслом, как сделал бы это в долгой и интересной беседе с Шу.

Испуганное восклицание заставило его очнуться.

Арианцы!

Хенк сразу опустился в кресло. Он и завис-то над ним на какую-то секунду, но завис, забылся, и Арианцы ошеломленно смотрели уже не на оффиухца, а на него — Хенка.

Испугались!

Хенк молча проводил взглядом торопливо удаляющуюся семейку.

Испугались... Чего они испугались?

Сам он злился — на себя самого.

Он дикарь. Он по уши набит звездными привычками. На взгляд со стороны эти привычки, наверное, не так уж невинны.

Он встал. Из игры он вышел. Оффиухец его уже не интересовал. Хенк хотел одного — на Землю!

9.

И вторая ночь на Симме оказалась для Хенка не легкой. Но все же он поспал и утром в диспетчерскую явился отдохнувшим. «Челышеву легче, — думал он. — Челышев силен уверенностью. Каждый его шаг — это шаг Земли. Таким, как Челышев, я могу быть наедине с Шу или... на Земле! Там, где своими поступками я управляю сам...»

Диспетчер ни на секунду не оторвал глаз от экрана, на котором стремительно сменяли друг друга нескончаемые ряды цифр, но Челышев, увидев Хенка, сразу поднял голову. В его голу-

бых глазах читалось откровенное недоумение.

— Я пришел за картой,— сообщил Хенк.

Диспетчер незамедлительно прошелся пальцами по пульту. Дверь диспетчерской распахнулась, через порог тяжело шагнул коренастый робот, выполненный в типичной для Симмы квази-человеческой манере. Мощные плечи робота увенчивала сферическая антенна, что еще более очеловечивало его. «Универсал,— оценил робота Хенк.—Таких можно использовать в любом качестве—от мусорщика до личного секретаря...»

Забыв о Хенке, забыв о роботе, диспетчер и Челышев вновь, как зачарованные, устали в ряд цифр, несущиеся по экрану Расчетчика. Они стремительно сменяли друг друга, теряли знаки, взаимно уничтожались, являлись опять — бесконечная бессмысленная пляска, неожиданно закончившаяся нулем.

Просто нулем!

Хенк невольно удивился: как мог оказаться равным нулю столь громоздкий ряд цифр?

Он сказал это вслух.

— Нас это тоже интересует,— раздраженно ответил диспетчер.— Однажды я слышал о чем-то подобном, но никогда не думал, что столкнусь с таким сам... Повторить, Петр?

— Сколько можно! — Челышев хмуро отвернулся от экрана. Теперь он старался не смотреть на Хенка, упорно отводил от него глаза.— Впрочем... Повтори!

— Это имеет отношение к моей карте курса? — нетерпеливо спросил Хенк. И предупредил: — Чем быстрее я уйду с Симмы, тем приятнее останутся мои воспоминания о ней.

— Имеет! — жестко отрезал Челышев.

Цифры неслись по экрану, как цветные мелкие гребешки по бесконечной поверхности океана Бюрге. «Челышева можно понять,— подумал Хенк.— Понятно и раздражение диспетчера. Я ухожу, они остаются на Симме...» На секунду ему стало холодно: через час между ним и встретившимися на его пути людьми лягут миллиарды световых лет. Такие цифры не оставляют надежд на новую встречу. Стартовать к Земле для Симмы — как умереть. И наоборот: через какой-то час Челышев перестанет существовать для Хенка... Он медленно потер лоб, отгоняя эти мысли. «Надо успеть забежать в бар, ведь Люке обещал шляпу...»

— Ну? — нетерпеливо переспросил он.— Что там?..

Хенк смотрел на взбесившиеся цифры, но Челышев понял его по-своему:

— Ты о почте?

— Пусть будет почта. Она опять опоздала?

Челышев настороженно приподнял светлые брови:

— Тебя, конечно, интересует тот протозид?

— Надо говорить: одиночный... — вызывающе поправил Челышева Хенк.

— Не так уж он одинок, как ты думаешь. — Да?

Челышев усмехнулся. В его усмешке не было ничего угрожающего, но Хенку сразу стало не по себе. Впрочем, должное Челышеву он отдал — Петр Челышев умел быть кратким. Протозид, которого они приняли за одиночного, был лишь одним из многих и многих, движущихся к квазару Шансон. По сообщениям Арианцев, именно так начинались вторжения протозидов к звездам, избранным ими для уничтожения. Из сонных, ничем не интересующихся существ протозиды на глазах превращались в мифических истребителей.

— Эти данные подтверждены?

— Разумеется.

— Что же они означают? — Хенк все еще не хотел понимать.

— Далеко не то, чего хотелось бы тебе, Хенк.

Челышев замолчал. Он не смотрел на Хенка и не хотел помочь ему. Он хотел, чтобы Хенк догадался сам.

Хенк догадался.

Даже одиночный протозид имел массу, вполне сравнимую с массой трех таких планет, как Симма; масса многих и многих протозидов соответствовала массам целых галактик. Подойди хотя бы часть протозидов к квазару Шансон, это немедленно вызвало бы чудовищный взрыв, в огне которого мог утонуть весь Крайний сектор. Цветочки, Арианцы, океан Бюрге — они уже сейчас должны были думать о спасении. Древние мифы обитателей нетипичной зоны, круто замешанные на ненависти к протозидам, мгновенно предстали перед Хенком в совершенно ином свете.

— Но и это не все, Хенк,— медленно добавил Челышев.— Протозиды обитают не только в нашем секторе...

«...и мгновенная связь для них не проблема! — мысленно закончил фразу Челышева.— Никто не может сказать: только ли квазар Шансон предназначен протозидами к уничтожению? Они могут взорвать пять, десять, сто подобных квазаров, они могут выжечь невероятные пространства, это сразу лишит Межзвездное сообщество многих и многих разумных миров!»

Хенк понял и ужаснулся.

Ужаснулся не тому, что сразу, пусть пока всего лишь мысленно, принес в жертву будущее

му и Арианцев, и Цветочников, и океан Бюрге; он ужаснулся собственной мелочности — обида на Шу... спор с Челышевым... непонимание приказов Земли... Он, Хенк, не хотел катастроф, ему хотелось помочь Челышеву.

— Если опасность понята правильно, — медленно сказал он, — можно искать контрмеры.

— Мы ищем...

— И это, конечно, уничтожение протозид?! — беспомощность Хенка сменилась внезапной яростью.

— Если мы допустим протозид к квазару, нам некого и нечего будет спасать. Несколько биосуток — вот все отпущенное нам время. За эти несколько суток мы должны лишить протозид критической массы... Такая жертва оправдана.

Диспетчер, казалось, не слушавший Челышева, согласно кивнул.

— И мы будем уничтожать протозид поодиночке? Вызовем сюда тахионный флот Цветочников и Арианцев, ударим по протозидам из гравитационных пушек? Будем отсекаать и уничтожать жизненно необходимые органы единого коллективного организма? И найдем силу в течение последующих миллионов лет благополучно существовать рядом с нами же искалеченной расой? Не слишком ли велика жертва, Петр?

— Почему ты так горячишься? — раздраженно прервал Хенка диспетчер. — Ты видишь иной выход? Более гуманный? Более эффективный?

— Пока нет, — Хенк покачал головой. — Но такой выход должен быть. И мы обязаны его искать. Протозиды — другие, но они разумны. Как разумная раса, они равны любой другой. Так записано в Своде. Это наша вина, что мы до сих пор не нашли пути к их сознанию!

— А они? — взорвался Челышев. — Они искали такой путь? Искали контакта хотя бы со своими соседями? Вся их история — история гибнущих в огне миров. Земляне, Цветочники, Арианцы, океан Бюрге — мы все пытались войти в контакт с протозидами. Мы поставляли им межзвездную пыль, посылали звездных разведчиков... Ты сам, Хенк, явился из района, занятого протозидами, но что ты можешь сказать о них? Чем ты можешь помочь тем же Арианцам? И почему протозиды должны быть нам ближе, чем подставленные ими под удар Арианцы?

— Вы можете связать меня с Землей?

— Конечно, Хенк. Но мы не видим в этом смысла.

— Могу узнать, почему?

Челышев молча кивнул на экран Расчетчика. Сумасшедшая пляска цифр погасла, на экране вновь четко вырисовывался нуль. Один-един-

ственный нуль. Как одиночный протозид на фоне Стены. Нуль, и ничего больше.

— Что это означает?

Ответил Челышев:

— Это означает, Хенк, что переданные тобой данные не позволяют нам рассчитать твой последующий курс к Земле. Курс, рассчитанный по твоим данным, не может привести тебя ни к Земле, ни к какой-нибудь другой населенной планете, входящей в Межзвездное сообщество.

Хенк все еще не понимал.

Диспетчер, вздохнув, отключил Расчетчик. Широко расставив локти, он почти лег на стол и, снизу глядя на Хенка, сухо пояснил:

— Путь к Земле, Хенк, мы рассчитываем только для землян и для членов Межзвездного сообщества. Все остальные, как правило, проходят специальный контроль на границах Внутренней зоны.

— Только для землян? — возмутился Хенк. — Получается, что я не землянин?! Кто же я, по-вашему? Может, протозид?

— Вот для того мы и собрались, Хенк... Согласись, ответ, какой бы он ни был, важен не только для тебя. Мы, Хенк, тоже полны любопытства.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ.

«ФАНТАСТИКА — ЛИШЬ ПРОДОЛЖЕНИЕ...»

Беспокойный двадцатый век! Сколько проблем из разряда абсолютно прежде не предсказуемых, тех, что «и не снились нашим мудрецам», принес он обитателям планеты! Дальта, Церо, Талцетл, Гооройя, Обра, Эффа, «Голубая», «Третья»... — разное именовали Землю в своих книгах фантасты прошлого и разное рисовали ее будущее, но в одном подосознательно были долгое время убеждены все: в исключительной надежности нашего мира, в изначально словно бы заданном на многие века запасе прочности условий, благоприятных для рода человеческого. Разве что перед космической катастрофой могло человечество оказаться бессильным — однако и тут в книгах фантастов обычно обнаруживалась некая счастливая, гм, найденная лазейка...

Двадцатый век поразивал немало идиллий.

Обнаружилось, скажем, что отнюдь не автоматически только на благо человеку срабатывает свои чудеса ее величество Наука. И что, к примеру, всеобщая сытость — еще не самое главное условие для достижения всеобщего счастья. И что едва ли имеет смысл (речь-то у нас — о фантастике!) надеяться на скорую встречу с инопланетянами: возможно, в обозримом космосе Земля — и впрямь единственная колыбель, возраставшая Разум? Да и стоит ли уповать на немедленную и эффективную помощь гипотетических этих братьев во всех наших земных делах? Во-первых, неизвестно, как ими решена дилемма «вмешиваться — не вмешиваться»; а во-вторых, так ли уверены мы сами, что нам эта помощь необходима позарез и, главное, полезна?.. И еще многое обнаружилось, вплоть до буквально обескураживающего: сколь же, оказывается, она хрупка и мала на поверку — родная наша планета,

наш общий дом, космическая наша жемчужина! Какой там запас прочности, когда и сама она давно нуждается в бережном к себе отношении, в восстановлении изрядно поутраченного многообразия природных форм, в нашей, своих детей, активной защите — от нас же! В защите, в восстановительных работах, а вовсе не в безудержной гонке вооружений, мощью своей уже и сейчас способных обеспечить ей печальную участь Фазтона...

Многое изменилось в мире — многое изменилось и в фантастике. Давно ли виделось в ней развлекательное, сродни детективу, чтение — и только? А сегодня? Что ищем в ней, чем она привлекает для нас — сегодня? Не тем ли, что, говоря словами В. Шефнера, «фантастика — лишь продолжение того, что мы являем зовем»?

Во всяком случае, именно об этом — о связях фантастики с жизнью, об отражении в ее, фантастики, зеркалах насущнейших проблем современности — чаще всего не забывали упомянуть наши читатели, отвечая на прошлогоднюю викторину с ее заданием написать отзыв об одной из НФ новинок 1982—1983 гг.

Публикуем подборку этих отзывов. Предвидя возможные упреки в пристрастии к положительным оценкам, заметим следующее. В почте отдела есть, разумеется, и критические отзывы о новинках. Однако — при практически полном равнодушии литературной критики к будничным, текущим заботам отечественной фантастики — мы и впрямь видим сейчас первоочередную свою задачу в том, чтобы привлечь внимание читателей к произведениям, которые того, на наш взгляд, заслуживают.

В читателе, остается. Мы помним превосходный анализ поведения группы детей, оторванной от цивилизации и творческой расправы над теми, кто чем-либо выделяется, — в «Повелителе мух» У. Голдинга. Но, может быть, человек как вид продолжает эволюционировать, и для грядущего не страшны рецидивы прошлого?

Хочется в это верить. Ибо мир, описанный В. Генкиным и А. Кацуры, так ярок, так пронзительно радостен, что мы, хотя и увидели только небольшую его часть, перелистываем последнюю страницу повести с чувством благодарности ее авторам, верящим в торжество гуманных начал человечества. Не знаю, как другие, а я хотел бы пройти обучение в подобной школе.

В. БОРИСОВ
(Абакан)

А. Житинский. От первого лица.
Повести. [Л., Лениздат, 1982].

Само название книги подсказывает особенность повествовательной манеры автора: каждая повесть, за исключением «Лестницы», написана от лица главного героя. Это позволяет глубже взглянуть в его внутренний мир, понять, чем он живет, к чему стремится, каковы его идеалы. В то же время мы чувствуем себя участниками происходящего — так близки становятся нам герои ленинградского писателя. Они доверительно делятся с нами своими мыслями, поверяют свои ошибки и промахи, делая это частенько в ироничной форме, подтрунивая и над окружающими, и над собою.

Герои Житинского надолго остаются в памяти. Все они попадают в необычные ситуации, заставляющие и их, и нас, читателей, вслед за ними взглянуть на окружающее по-другому, задуматься над смыслом жизни. Фантастика помогает здесь решению многих нравственных проблем. Тихон Первозванский из «бессловесной твари» превращается в человека, способного совершать поступки. Сньюс, слишком легко относящийся к своему дару (считать другим), начинает понимать, что не все так просто в жизни, что человек ответствен за себя, за свои по-

В. Генкин, А. Кацура. Лекарство для Люс. Повесть. [Сборник «НФ», вып. 25. М., «Знание», 1983].

Как-то в «Литературной газете» мне попалась статья об эксперименте в одной из московских школ. В старших классах в качестве преподавателей по всем без исключения предметам выступали сами школьники. Взрослые учителя, конечно, присутствовали на уроках, но... в роли учеников, причем разрабатывали одну из моделей: озорника, всезнайки-эрудита, равнодушного, медлительного и т. д. Таким образом в этой школе решалась проблема предварительного отбора среди тех школьников, которые собирались в будущем стать учителями. Обучение и игра...

Я вспомнил об этой статье, прочитав повесть В. Генкина и А. Кацуры. Вообще-то фантасты и раньше ратовали за то, чтобы шире использовать игры при обучении, доста-

точно вспомнить хотя бы Аньюдинский интернат в повести Стругацких «Полдень, XXII век». Но в «Лекарстве для Люс» весь процесс обучения заменен играми! Играют — во все: в средневековую историю и лечебницу, в поэтический салон, в индейцев, даже в Большой Совет планеты!.. Взрослые земляне грядущего доверили детям целую планету и не связывают их излишней опекой. И дети оправдывают это доверие.

Правда, дети остаются детьми. Не торопясь помочь попавшему в их мир нашему современнику, они невольно причиняют ему боль, не замечая своей жестокости. Впрочем, кончается все хорошо: путешественнику во времени вручается лекарство для больной дочери, сам он благополучно возвращается в свой тревожный XX век.

Но каверзный вопрос — а сумеют ли дети распорядиться сами собой, пусть и в далеком будущем? — вопрос этот, занозой сидя-

ступки, должен приносить пользу. К такому же выводу приходит и герой «Лестницы», в прошлом попусту прожигавший жизнь: нужно, чтобы в тебе кто-то нуждался, чтобы ты был причастен к судьбам других и мог отвечать не только за себя...

С. ЗЫРЯНОВ
(В. Уфалей Челябинской обл.)

В. Михайлов. Тогда придите, и рассудим. Роман. (Рига, «Лиесма», 1983).

В этом романе подкупают искренний гуманизм, оптимизм и гражданская позиция автора. Писатель забрасывает в далекое будущее интернациональный интервременный экипаж и заставляет его действовать в экстремальных условиях. Насколько достойно ведут себя эти представители человечества в сложившейся ситуации? Не надо забывать: у каждого из них родной эпохой сформированы свои собственные убеждения... Симпатии автора выражены однозначно — человек всегда должен оставаться человеком, если он вообще человек. Особенно ярко это проявляется в последней части романа, где герои возвращаются на Землю. Никто из них не ищет спокойной жизни, каждый выбирает то время, в котором сможет бороться за высшие идеалы человечества с максимальной эффективностью. Не случайно и главный герой романа возвращается в наше время: в его тревогах чувствуется то беспокойство за судьбы человека и человечества, которым живет и сам автор.

Резким контрастом на этом фоне выглядят представители сверхцивилизации, эдакие неумолимые и беспристрастные вершители судеб, почти всемогущие. Их действия подчинены неумолимой логике, в которой нет дела до отдельных судеб: решаются проблемы десятков разумных миров сразу! Однако разве может быть разум так равнодушен? Отношение автора к этому вопросу однозначно, что подчеркнуто в названии романа. Думаем, что и у читателей не возникнет двух мнений: человечество в состоянии решить свои проблемы самостоятельно, без чьей-либо помощи...

В. ЗАБИРКО, А. СМИРНОВ
(Донецк)

В. Пирожников. На пажитях небесных. Повесть. («Знание — сила», 1983, № 1—4).

Действие повести разворачивается в довольно далеком будущем в поясе астероидов. Повествование ведется от лица комиссара ООН, расследующего деятельность «мыльных клубов»: создаваемые ими по заказам клиентов ситуации иногда заканчиваются катастрофами... Одновременно читатель узнает о ведущихся в поясе астероидов работах по аутотрофному синтезу белков, открывающему для человечества дорогу ко всеобщему изобилию, а также об использовании компьютеров для моделирования событий, абсолютно неотличимых от реальности. Тем самым перед человечеством возникает опасная возможность: скатиться в пучину полной материальной и духовной обеспеченности и на-

всегда — или надолго — остановиться в своем развитии.

Как видно, автор ставит перед читателями целый ряд философских, морально-этических и социально-психологических проблем. В повести они не решены — да и вряд ли имеют однозначное решение. Но повесть тем именно и ценна, что заставляет задуматься над очень важными в наш век вопросами. Вместе с тем сюжет ее — напряженный, динамичный, детективного характера, благодаря ему повесть читается буквально на одном дыхании...

Д. МУХОРТОВ
9-й кл. (Загорск Московской обл.)

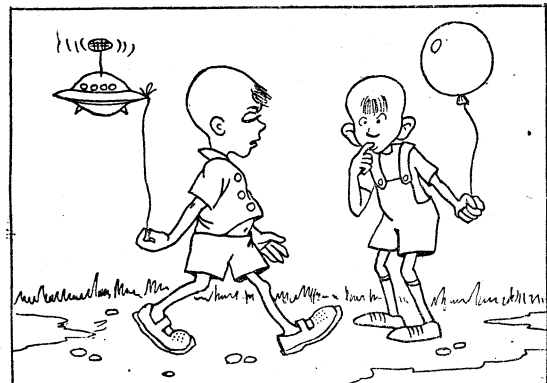
А. Шалимов. Стена. Повесть. (Сборник «Белый камень Эрдени». Л., Лениздат, 1982).

...Арсеналы перенасыщены, нервы на пределе: вдруг и в самом деле нечаянно, абсолютно случайно какой-то самолет уронит какую-то «очень сильную» бомбу?

Читателя НФ уже не поразит описанием последствий ядерной катастрофы, но каждый новый вариант трагедии вызывает неослабевающий интерес. У Шалимова версия далеко не самая жуткая. Каким-то «избранным» удастся уцелеть в испепеляющем огне. Искалеченные морально и физически, они почти потеряли память, лишь у некоторых осталось желание понять, осмыслить происшедшее.

Борода, главный герой повести, решает пройти через выжженную пустыню, во что бы то ни стало узнать, что же там — в конце дороги длиною в три ночи?

КОЕ-ЧТО О ЛЕТАЮЩИХ ТАРЕЛКАХ

Дух искания и борьбы не покидает человека, пока он жив. Борода искал, боролся — и нашел... стену. Стену, оградившую прекрасный благоустроенный мир от сожженных гор. Страшен, невоспринимаем этот мир, лишенный чувств, делающих людей людьми. Ничего нет в этом сияющем мире — ни сострадания, ни любви к ближнему и дальнему, ни милосердия, ни даже любопытства. Сгорела страна в атомном огне — отгородимся от радиоактивной пустыни, нас-то ведь не задело! Мало того, детям своим будем лгать, лишь бы они остались в неведении: «Люди там не жили... там раньше были горы, а в них жили медведи и волки. Когда случился взрыв, все сгорело... Только, может, не все... Некоторые остались... Поэтому далеко ходить туда нельзя». Нельзя — и все тут!

Ну, а близко сходить можно: за апельсинами. Благо для застенного мира, что роща — апельсиновая, а не яблонева! Ведь среди яблок может оказаться плод познания Добра и Зла...

А кому и зачем нужно обществу, в котором нельзя идти далеко?

А. КРАВЦОВ
(Актюбинск)

В. Шефнер. Лачуга должника.
Истории полуверьные, маловероятные и совсем невероятные. [Л., Лениздат, 1983].

В. Шефнера без труда узнаешь по резко индивидуальной манере письма: его прозу отличают простота, раскованность и, вместе с тем, поэтическая точность языка. Органи-

чно входят в повествование ирония и юмор, причем как и в жизни, эпизоды веселые часто переплетаются с печальными — даже в очень смешной истории о человеке, мечтавшем вывести «четырёхногую курицу».

Герои Шефнера — самое существенное приобретение писателя. И чаще всего он говорит об одном и том же человеке, которого очень любит и частицей которого обязательно является сам. Шефнер может быть и беспощадным сатириком, описывая, например, таких, как Вавик («путешественник в мир прекрасного»... с подозрительной трубой по чужим окнам!) или «высокоодаренный» Виктор, который даже родителям пишет не письма, а «заявы». Однако главный герой Шефнера не таков. На первый взгляд, он довольно странен. У него крайне разнообразная лексика, в которой забавно сочетаются просторечия коммуналки и подворотен с канцеляризмом и научными терминами. Иногда этот герой посвящает себя поэзии, но, в отличие от стихов Шефнера-поэта, способен при этом вызвать только улыбку. И еще этот герой добр и бескорыстен, часто — до наивности. Именно ею люди с непробиваемым «здравым смыслом» склонны объяснять благородные поступки, которых никогда не совершили бы сами...

Перед нами типичный Иванушка-дурачок в современной своей ипостаси, простодушный и доверчивый. Человек, у которого нет иммунитета к чуду. Согласно законам жанра, чудеса у Шефнера связаны с космическими пришельцами либо с великими изобретениями. Но все это — «не всерьез». Всерьез — только отношение героев к событиям.

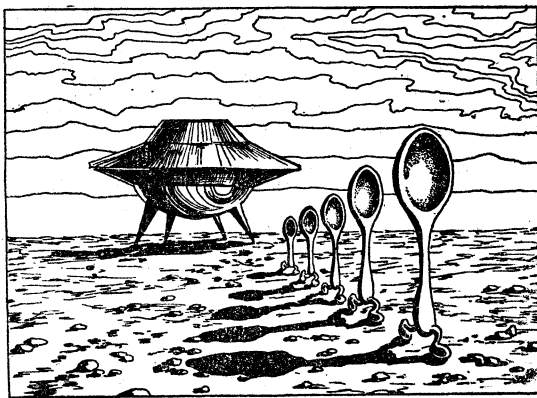
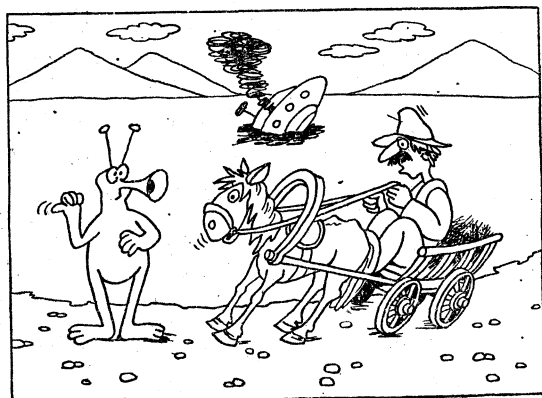
В книгах Шефнера не единожды появляется имя... Вадима Шефнера. Некий шутовский эпатаж с изрядной долей самоиронии? Да, но не только. Писателя волнует вопрос далеко не шуточный: как оценят потомки произведения наших современников, с каким мериллом подойдут к ним? А более общо — для чего стоит писать? И стоит ли писать, чтобы некий составитель «Антологии поэтов XX века» мучился над неразрешимым: был ли В. Шефнер «Челювином» (Человеком, пьющим вино)? Это — лишь один из грустных парадоксов Шефнера.

Способен ли к творчеству человек, у которого в запасе миллион лет жизни, почти бессмертия? Над этим — тоже непросто — вопросом размышляет писатель в романе «Лачуга должника».

А что делать, когда все задуманное свершилось: открытие сделано, главная книга написана, мечта, лелеемая с детства, сбылась? Почему-то мало кто из писателей сейчас задумывается над этим краеугольным камнем всякого творчества, да и не только творчества. «Ну, вот и все... Вообще все... Моя работа кончена», — говорит изобретатель аквалада. Эта «нелелая грусть» охватывает и читателя, когда перевернута последняя страница любой повести Шефнера.

Книги его — умные и ироничные, серьезные и насмешливые — не оставляют равнодушным, заставляют радоваться и печалиться, а главное — задумываться над самыми важными вопросами нашей жизни.

Р. АРБИТМАН
(Саратов)

Рисунки Андрея Конюхова (Нефтекамск Башкирской АССР)

СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

● В Харьковскую область, в школу села Польное, часто приходят книги с Урала. Их посылает сельским следопытам шофер Нижнетагильского металлургического комбината В. К. Меркулин, сын связиста К. К. Меркулина, погибшего на Харьковщине в 1942 году. Рядом хранятся в школьном музее материалы об отце-солдате и сувенирные книги — подарки уральца, сына фронтовика.

● «Братство, скрепленное кровью» — так называется музей московской школы № 80, рассказывающий о совместной борьбе советских и чехословацких патриотов против фашистских захватчиков. 140 000 советских воинов отдали свои жизни за свободу чехов и словаков. В музее хранятся редкие фотографии, строки боевых донесений, фронтовые реликвии.

● Спортивную медаль, полученную на международном турнире штангистов в 1984 году, отдал на хранение музею Малоритской средней школы № 1 (Брестская область) бывший выпускник школы, чемпион московской Олимпиады Леонид Тараненко.

● Домашний музей на улице Пушкинской в городе Устинове посещает много людей. Хозяин его Г. М. Кутузов собрал свыше пятисот экспонатов, все они — предметы быта удмуртской деревни: изделия из лыка, бересты, цветные полотенца, пояса, самовары...

● В поселке Низы Сумской области когда-то было имение помещика М. Д. Кондратьева, у которого несколько лет подряд гости-

летом П. И. Чайковский. Здесь им были созданы опера «Черевички», Вторая и Третья симфонии. Бывший помещичий особняк сейчас занимает школа, а в комнате, где жил композитор, размещен музей П. И. Чайковского.

● Геологическая коллекция школы № 16 города Каменска-Уральского насчитывает более тысячи экспонатов: уральские породы и минералы, собранные учащимися, керн с одиннадцатикилометровой глубины с Кольской сверхглубокой скважины, галька с острова Беринга — подарок камчатских туристов и другие образцы.

● Три стенда в музее школы села Винниково под Курском посвящены звезде русской эстрады певице Надежде Васильевне Плевацкой, родившейся в этом селе, в семье крестьянина. Русские песни, с которыми певица выступала в концертах конца прошлого и начала этого века, вызывали восхищение многих великих людей.

● Во Фрунзе, в школе № 50, действует школа юных летчиков, организованная по инициативе бывшего фронтовика П. И. Глухверхова. Занятия в школе ведут специалисты-авиаторы.

● Подростковый интернациональный клуб «Искра» при Таицком Доме культуры в Гатчине существует тринадцатый год. Клуб ведет активную переписку со школьниками Польши, Болгарии, ГДР, Венгрии. Руководит им инструктор по работе с детьми и подростками, выпускник музыкального училища Игорь Зеленов.

Храним — значит

Фронтальная память

В книге командира Дебальцевской 346-й стрелковой дивизии, генерал-майора в отставке Д. И. Станкевского, выпущенной Средне-Уральским книжным издательством под названием «Уроки мужества», среди фотографий героев-фронтовиков есть портрет бесстрашного разведчика, комсорга дивизии Сергея Борисова...

Сергей Андреевич Борисов, слесарь-ремонтник по специальности, живет в городе Запорожье. Его дом по улице Верещагина знают и фронтовики-ветераны, и школьники. Сразу после войны Сергей Андреевич стал собирать материалы об однополчанах. За тридцать с лишним лет столько накопилось документов и реликвий, что пришлось хозяину отвести для них флигель...

В этом домашнем музее много интересного: целая библиотечка книг о разведчиках, остатки карабина под номером 131684, принадлежавшего фронтовому другу С. А. Борисова Ивану Авдееву, снарядные гильзы: в одной из них хранится земля, присланная жителями села Красная Поляна Ворошиловградской области, где воевал ветеран, в других — священная земля Сталинграда, Севастополя...

Сергей Андреевич Борисов вместе со следопытами ходатайствует об увековечении памяти бойцов дивизии.

Завод — вчера и сегодня

Сысерть на Урале издавна была горнозаводским районом. Нелегко приходилось рабочим фабрик и мастерских при царизме, до сих пор ходят в народе старые песни про их каторжный труд. В этих песнях поется не только про взрослых рабочих, но и про заводских ребятишек тоже:

Как двенадцать лет мальчишке,
он колодочки надел,
в сию пестрядь обрядился,
на шаровочку поспел...
Этак года два проробил,
на урода стал похож,
ясны глазки призатухли,
а работай, хошь не хошь...

Так поется в песне «Цапля». Изображение цапли было на клейме дореволюционных сысертских заводов. Железный брусок с таким клеймом хранится в музее завода Уралгидромаш.

Здесь можно увидеть модели крупных и маленьких насосов, выпускаемые главным сысертским предприятием в наши дни. Много подарков от чехословацких друзей, посланцев городов-побратимов, которые часто бывают на Уралгидромаше.

Почти две тысячи экспонатов заводского музея собраны за многие годы ветераном предприятия Борисом Алексеевичем Вахрамеевым, четверть века работавшим главным конструктором Уралгидромаша.

ПОМНИМ, ЛЮБИМ, ЗНАЕМ

СЛЕДОПЫТСКИЙ
ТЕЛЕГРАФ

Слава старых зодчих

Изба, амбар, церковь, мосты — что только не строили наши предки... Крепко работали плотники, искусно плели узоры резчики по дереву, была своя слава у печников, кровельщиков... Очень много памятников старого зодчества сохранилось на пермской земле. Вот уже несколько лет их привозят, собирают в одно место — в деревню Хохловка. Здесь, на полуострове, хорошо просматриваемом с того и другого берега Камы, сооружается архитектурно-этнографический музей. Постройки возводит Пермская специализированная научно-реставрационная мастерская.

Почти семь десятков памятников старинной деревянной архитектуры размещаются здесь со временем — по образу и подобию уникального музея деревянного зодчества в Архангельской области.

Комплекс музея в Хохловке дополнится хранилищами для нескольких тысяч экспонатов, собранных сотрудниками Пермского краеведческого музея во время экспедиций по области, киосками для продажи сувениров, кафе и т. д.

Уже сейчас Хохловка стала местом паломничества. Сюда приезжают студенты, школьники, экскурсии с предприятий, на моторных лодках добираются туристы, чтобы посмотреть на мастерство наших предков.

Не так много сохранилось старинных фотографии, запечатлевших сцены труда. Еще меньше снимков, на которых можно было бы увидеть подростков. А они тоже трудились — на углежжении, в кузницах, на подвозке руды к домнам... На всяких работах.

Не до учебы было ребятам. Тяжел был их труд — отнимал здоровье, укорачивал детство. Однако, когда видишь на фотографии этих безусых работников, трудно представить, чтобы они в дальнейшей своей жизни могли тунейдствовать, искать легких заработков. Вот такие парнишки, возмужав, проявили классовую непреклонность в Октябре и повернули жизнь к социальной справедливости...

Флаг над школой

Яков АНДРЕЕВ

«Радик Юркин встал и, глядя в окно, звонким голосом, каким он отвечал урок в классе, сказал:

— Я родился в городе Краснодоне в тысяча девятьсот двадцать восьмом году. Учился в школе имени Горького...— На этом и кончилась биография Радика Юркина, но он и сам чувствовал, что этого мало, и менее уверенно добавил: — А как немцы пришли, теперь уже не учусь...

Все опять помолчали.

— Общественных обязанностей не нес? — спросил Ваня Земнухов.

— Не нес, — с глубоким мальчишеским вздохом сказал Радик Юркин.

— Задачи комсомола знаешь? — снова спросил Ваня, уставившись в стол сквозь роговые очки.

— Задача комсомола — бить немецко-фашистских захватчиков, пока не останется ни одного, — очень четко сказал Радик Юркин...»

Давным-давно, еще в школе, читал я наизусть этот отрывок из романа Александра Фадеева «Молодая гвардия». В то время все мальчишки и девчонки с нашей улицы играли «в молодоговардейцев» и заворуженно смотрели фильм Сергея Герасимова о юных героях Краснодона. Все это невольно всплывало в памяти, когда я шел на встречу с Юркиными. Они уже многие годы живут на Урале, в Свердловске. Живут скромно, незаметно, ничем не напоминая о себе, и далеко не все их знакомые знают, что они — брат и сестра самого юного краснодонского подпольщика, сражавшегося с фашистами в боевой пятерке Сергея Тюленина.

...Прямые уральские сосны стоят над могилой мамы Радика Юркина. Незадолго до своей смерти Мария Константиновна приехала из Крас-

нодона на Урал к своим детям. Похоронена в Свердловске на Широко-реченском кладбище. В 1942 году под Сталинградом пал смертью героя в бою с фашистскими захватчиками отец Радика — Петр Данилович Юркин. Он сражался с врагом в дивизионе гвардейских минометов. Похоронен в братской могиле на берегу Волги.

Лилия Петровна Юркина — сестра Радика — приехала на Урал в середине шестидесятых годов. До этого училась в Донецком политехническом институте, закончила аспирантуру, защитила диссертацию кандидата технических наук. Теперь она руководит лабораторией в одном из уральских научно-исследовательских химических институтов. Брат — Евгений Петрович — самый младший в семье. После окончания Первого Московского государственного медицинского института приехал на Урал вслед за сестрой, работает хи-

рургом в железнодорожной больнице.

...И вот мы сидим за столом в просторной гостинице и рассматриваем старые, пожелтевшие от времени фотографии. С портрета, что висит на стене, смотрит на нас человек в военном кителе с офицерскими погонами на плечах. Если внимательно присмотреться к этому человеку, можно узнать в нем вихрастого мальчугана с фотокарточки 1943 года. Это и есть Радик Петрович Юркин — их старший брат. В семье его звали просто Радик...

— Много, конечно, забылось, — рассказывает Лилия Петровна. — Мне ведь в то время всего лет семь было, но некоторые эпизоды как сейчас вижу. Помню, во время оккупации Краснодона мы часто переезжали с места на место. Отец наш до войны был партийным работником, а фашисты особенно преследовали семьи коммунистов. Мы кочевали по городским окраинам, прятались у знакомых. Приходилось жить и в землянках, немцы каждые два месяца составляли списки для германского рабства. Как только попадали под перепись, в тот же день мать грузила наш скарб на тачку и — на новое место. Так вот и спасались...

Радика мы в то время видели редко. Появлялся он всегда неожиданно, с кем-нибудь из своих друзей, чаще всего со Степой Сафоновым. Переночуют у нас и опять на несколько дней пропадут. Мама знала, что Радик в подпольной организации, но вопросами его особенно не донимала, да и бесполезно было что-либо спрашивать — все равно ничего не сказал бы.

В конце октября Радика приняли в комсомол — об этом мы позже узнали. А накануне праздника 7 ноября вечером они собрались у нас.

Время было очень тревожное, в городе шли облавы. Приходили по одному — Сережа Тюлений, Леня Ладышев, Степа Сафонов... В тот вечер, как сейчас помню, шел сильный холодный дождь, ребята приходили продрогшие, промокшие до нитки. Мама сушила им одежду. Просидели они до самой ночи и ушли...

Из воспоминаний Радика Юркина:

«Наконец в долгожданную ночь, накануне праздника, мы отправились выполнять задание...

Вот и школа имени Ворошилова. В здание мы вошли через черный ход. Поднялись на площадку верхнего этажа, откуда узенькая лесенка вела к тяжелой, кованной железом двери чердака. Сережа Тюлений первым поднялся по шаткой скрипучей лесенке. За ним с гранатами наготове мы. Осмотрелись и сразу же принялись за работу. Степа и Сережа по скреплениям крыши и проволоке влезли на самую крышу. Леня Ладышев встал у слухового окна, всматриваясь и прислушиваясь... Я прикрепил полотнище знамени к трубе...»

— Вернулись они рано утром — только начало светать. Пришли радостные, возбужденные... И мама сразу повеселела. «Пора вставать, — говорит нам, — сегодня праздник у нас!»

Еще один эпизод. Однажды поздно вечером, как всегда неожиданно, пришли Радик, Степа Сафонов, Валя Борц и Леня Ладышев. Притащили с собой какие-то мешки. Развязали тесемки, стали выкладывать содержимое. В мешках оказалось новое немецкое обмундирование, теплые вещи. Из одного мешка ребята достали несколько металлических шкатулок, в них — золотые зубы и кольца...

Из воспоминаний Радика Юркина:

«Мы одну за другой разгромили немецкие машины — сначала с почтой и рождественскими подарками, затем с обмундированием и теплыми вещами. Вскоре Степа Сафонов,

Володя Куликов, Валя Борц, Сережа Тюлений, Сеня Остапенко и я разгромили немецкую машину с офицерскими сундуками, в которых были шинели, сапоги и маскировочные халаты.

Смело проведенные диверсии всполошили полицию...»

— Мама не на шутку разволновалась. Дело в том, что если у кого-то из краснодонцев фашисты находили какую-нибудь немецкую вещь — расстреливали на месте. Ребята уговорили маму оставить мешки на ночь, а рано утром — чуть стало светать — перетасили их в шурф неподалеку от нашей мазанки, где мы тогда жили. Там, в шурфе, и спрятали свои трофеи...

Хорошо помню Сережу Тюления. Ходил он в телогрейке, в шапке-ушанке, одно ее ухо торчит, другое загнуто. Часто бывал у нас, играл с нами — очень любил малышей. Был он веселым, общительным и отчаянным парнем. Со старшим братом, при всем несходстве характеров, они крепко дружили. В «Молодую гвардию» Радика приняли по рекомендации Сергея...

— Радик наш, — вступает в разговор Евгений Петрович, — был человеком мягким, покладистым, мечтательным, но когда требовалось, всегда проявлял решимость и строгость. Душа у него была щедрая. Помню, приедет в отпуск — это уже после войны — столько подарков нам навезет!.. Еще — очень любил он рисовать, рисовал хорошо, и чаще всего цветы...

В живых он, можно сказать, чудом остался. Когда фашисты напали на след «Молодой гвардии» и в городе начались аресты, штаб молодогогвардейцев принял решение небольшими группами пробиваться к своим — фронт был уже совсем рядом. Радик ушел вместе со своим неразлучным другом Степой Сафоновым. На пути к фронту они убили двух полицаяв и двух офицеров немецкой жандармерии. Потом Степа погиб, а Радика схватили и посадили в сарай, где было много наших. С одним из арестованных они вы-

ломали две доски в крыше сарая и ночью бежали. В Краснодар Радик вернулся 14 февраля 1943 года с танкистами армии Лелюшенко.

Немало интересного рассказали они в тот день о своем старшем брате.

После освобождения Краснодона от фашистов Радик Юркин был зачислен в истребительный отряд, вылавливая недобитых полицаяв и фрицев. В сентябре 1943 года Указом Президиума Верховного Совета СССР пятнадцатилетний молодогогвардеец за мужество и героизм, проявленные в борьбе с захватчиками, был награжден орденом Красной Звезды и медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени. Все это время он упорно просился на фронт, но Центральный Комитет комсомола направил Радика на учебу в военно-морское авиационное училище. Однако самый юный молодогогвардеец еще успел повоевать; в шестнадцать лет летчик военно-морской авиации, младший лейтенант Радий Юркин сражался с японцами на Дальнем Востоке. В одном из воздушных боев он был тяжело ранен, самолет упал в море. Радика спасли рыбаки.

После войны он работал инструктором в военно-воздушных училищах, передавал свой боевой опыт молодым летчикам. В 1957 году по состоянию здоровья демобилизовался из армии. Вернулся в родной Краснодар, трудился механиком на автопредприятии.

Он очень любил молодежь и тянулся к ней всей душой, всю свою жизнь, несмотря на тяжелый недуг, оставался молодым человеком — молодогогвардейцем. Был делегатом XI съезда ВЛКСМ, участником нескольких Всемирных фестивалей молодежи и студентов.

Умер Радий Петрович 16 июля 1975 года. Ему еще не было и 48 лет. К его могиле часто приходят юные краснодонцы, возлагают живые цветы... А вдали над школой имени Ворошилова, как всегда, полыхает на ветру красный флаг...

Офицерская доблесть

Александр АБРАМОВ

Фото В. Каушанова

В годы войны летчик Спартак Маковский 218 раз вылетал на боевые задания, провел 79 воздушных боев, сбил лично 23 фашистских самолета, два — в группе и пять уничтожил на земле. А 8 мая 43-го таранил вражеский истребитель.

Когда Спартак уходил в армию, отец, Иосиф Иванович, вручил ему как напутствие свою биографию. К ней была приписка:

«Дорогой сын мой Спартак! Даю тебе свою краткую биографию, которая будет тебе заветом на всю жизнь для преданности партии Ленина. Твой отец Маковский».

С отцовской биографией Спартак прошел через всю войну, хранил долгие годы. Теперь этот документ стал экспонатом запорожского музея.

Иосиф Иванович Маковский был родом из бедной крестьянской семьи. В годы революции храбро сражался в рядах Красной гвардии, партизан. С 1919 года находился на партийной и советской работе. Избирался делегатом Восьмого Всероссийского съезда Советов. Видел и слушал В. И. Ленина. Был комиссаром отряда особого назначения, укреплял Советскую власть в Сибири, боролся с контрреволюцией.

В семейном архиве Маковских бережно хранится все, что напоминает о жизненном и боевом пути отца.

Вот один из таких документов. «История о болезни, причиненной белым террором».

Предъявитель сего т. Маковский Иосиф Иванович, будучи начальником Крестьянско-Рабочего Штаба повстанческой Красной Армии, в 1918 году 26 августа руководил с товарищами восстанием в Славогородском и Павлодарском уездах, и повстанцы захватили в свои руки вышеуказанные два уезда. Это восстание было жесточайше подавлено отрядами Анненкова и Красильникова — главными карателями Сибирской учредилки. Тов. Маковский был пойман последним после двухмесячного преследования и заключен в павлодарскую уездную тюрьму 7 ноября 1918 года. Обвиняясь за во-

оруженное восстание и свержение белого правительства по ст. 100, 102, 108, за что последний просидел 13 месяцев в той же тюрьме и был зверски приколот отступающим Дутовско-колчаковским отрядом 27 ноября 1919 года штыками палачей в числе 35 жертв партийных и советских работников.

Тов. Маковский пролежал в трупах до прихода советских войск. 29 ноября 1919 года был извлечен из трупов 26-й советской дивизией 5-й армии и привезен из тюрьмы в павлодарскую уездную больницу со следующими штыковыми ранениями: пять ран в грудь, из которых четыре с поражением легких (выход воздуха), одна рана в живот... шесть в спину и бока, не считая ранений в ноги и руки. Приведен был в сознание... Температура повысилась до 39 градусов. Пролежал в больнице до 28 декабря 1919 года. Благодаря здоровой натуре выздоровел...

Что удостоверяется подписями и приложением советской и партийной печати».

...К началу 1944 года фашистская авиация заметно выдохлась. Истребители авиаполка, в котором воевал Маковский, стали чаще ходить на штурмовку вражеских аэродромов.

На правом берегу Днепра, между Никополем и Каховкой, воздушная разведка обнаружила новые авиабазы противника.

3 января 1944 года две штурмовые группы истребителей 3-го авиакорпуса нанесли удар по немецким аэродромам. Ведущим первой группы был командир корпуса генерал Е. Я. Савицкий, во главе второй шел старший лейтенант Маковский.

На подходе к цели зенитки противника открыли сильный заградительный огонь.

— Мы пробились через завесу разрывов, — вспоминает Спартак Иосифович — Я и мой ведомый Виктор Кузнецов сумели сделать по три захода, поджечь три самолета на стоянках. В это время мой товарищи вели воздушный бой и сбили четыре «мессера». Посмотрев

на часы, я подал команду: «Виктор, уходи от огня. Береги боеприпасы. На обратном маршруте будем штурмовать переправу».

Сбоку под крылом промелькнула станция Апостолово. В это время Спартак заметил, что за хвостом теряющей высоту машины Кузнецова тянется светло-голубоватая сверкающая полоса. На дым не похожа. Маковский запросил напарника, но тот не ответил. «Значит, вышла из строя радиостанция», — решил он. На всякий случай еще раз передал: «Виктор, садись в плавни, там должны быть наши партизаны».

Самолет Кузнецова продолжал снижаться. Немного приблизившись к нему, Маковский, наконец, увидел, что светлый след — это не что иное, как вытекающий из пробитого бака бензин...

Кузнецов посадил самолет между двух дорог, по которым двинулись немецкие колонны. Единственная возможность спасти Виктора — приземлиться и взять его на борт. Маковский сознавал, на какой риск идет. Любая неожиданность при посадке или взлете — попади колесо в рытвину или насоча на валун, или заглохнет мотор... Да мало ли какая случайность могла подстергать летчика. Тогда погибнут оба — и он, и Кузнецов. Но Маковский без колебаний направил машину на посадку. Ему было видно, как по истребителю Кузнецова заплесали язычки пламени. А со стороны дороги уже приближались немцы.

Почти у самой земли Маковский вдруг заметил, что поле пересекает линия связи. Он инстинктивно рванул ручку на себя и сделал повторный заход.

Приземлившись и откинув колпак кабины, Спартак крикнул подбежавшему Кузнецову:

— Не мешкай, немцы бегут. Левую ногу в кабину, правую на крыло, голову под козырек... Держись крепче за поручни прицела. Быстрее, быстрее! Иду на взлет!..

Советский истребитель пронесся чуть ли не над головами гитлеровцев, они разбежались в стороны, но, спохватившись, пустили в ход автоматы.

Этот фронтовой эпизод не из-

С. Н. Маковский, 1942 г.

Герой Советского Союза
С. Н. Маковский

глядился из памяти спасенного В. Г. Кузнецова. Вот что он вспоминает:

«Спартак Маковский — это человек, который в тяжелую минуту, рискуя своей жизнью, вырвал меня из лап фашистов... Вы, наверное, представляете себе истребитель «Як», в кабину которого только-только втискивается один летчик, а тут мы должны были поместиться вдвоем. Я был в таком положении, что почти полностью лишился Спартака обзора, и, конечно, затруднял управление самолетом. И лишь его высокое мастерство и твердая воля помогли ему... Как только машина оторвалась от земли, ко мне пришла уверенность, что мы благополучно долетим до своего аэродрома... Я с трудом удерживался на самолете: ведь большая часть моего тела была за бортом и встречный поток воздуха так и вытягивал меня из кабины.

Наконец машина коснулась земли. Я с трудом вытащил из-под козырька кабины голову, оглянулся и увидел бегущих к нам боевых товарищей. В тот момент, когда меня снимали с самолета и укладывали на носилки (нога так онемела, что я не мог встать), я выразил Спартаку чувство горячей благодарности и назвал его своим вторым отцом.

Уже через несколько дней мы опять вместе с ним продолжали боевую работу. И, будучи ведомым Маковского, я не раз выручал его

в трудную минуту воздушного боя...»

Так случилось, что в тот час, когда Маковский приземлился со спасенным Кузнецовым, на аэродроме находился командир авиакорпуса генерал Е. Я. Савицкий. Он приказал выстроить весь личный состав, подозвал к себе Спартака Маковского и, обняв его, громко сказал:

— Ваш подвиг не забудется. Я преклоняюсь перед вашей храбростью и приказываю представить вас к высшей награде Родины — званию Героя Советского Союза.

О подвиге Спартака Маковского сообщила «Правда» 5 января 1944 года в оперативной сводке Совинформбюро.

В тот же день в полку появился «Боевой листок» с приветствием герою и четверостишием известного поэта:

У летчиков наших такая порука,
Такое заветное правило есть:
Врага уничтожить —

большая заслуга,
Но друга спасти —
это высшая честь.

А спустя много лет дважды Герой Советского Союза маршал авиации Евгений Яковлевич Савицкий писал в газете «Советская авиация» о С. И. Маковском:

«...Это был талантливый летчик. И не просто летчик, а командир, организатор боя. Ему поручались

наиболее ответственные и сложные задания. Нередко бывало, что я возглавлял общую группу, а он был ведущим одной из подгрупп. Неоднократно бывал моим ведомым. Три или четыре вражеских самолета я сбил именно тогда, когда вылетал в паре с Маковским.

Припоминаю эпизод, когда он спас своего товарища. В тот день... вылетели две группы наших истребителей. Одну возглавлял я, другую — Маковский. При возвращении с задания горючее у меня было на исходе, и я приземлился на аэродроме того полка, в котором служил Маковский. Вижу, люди чем-то обеспокоены. Оказалось, что все еще не вернулся Маковский и его ведомый, высказывались предположения, что они сбиты. А через несколько минут на подходе к аэродрому увидели самолет...

Незабываемая картина: летчики, механики, мотористы качают, а затем на руках несут своего боевого товарища. В этом проявилось их восхищение доблестью офицера Маковского».

...В конце сентября 1945 года майор Спартак Маковский, получив краткосрочный отпуск, приехал домой в Запорожье. В это же время должен был возвратиться из командировки отец Спартака — Иосиф Иванович, который по поручению обкома партии находился в районе по оказанию помощи в проведении уборки урожая.

Но Спартаку не довелось встретиться с отцом. Иосиф Иванович Маковский был злодейски убит бандитами, бывшими пособниками оккупантов.

Спартак Иосифович Маковский — достойный преемник дела, которому служил его отец.

Золотая Звезда Героя Советского Союза, орден Ленина, три ордена Красного Знамени, ордена Отечественной войны 1-й степени, Александра Невского, Красной Звезды, многие медали — так отмечены заслуги перед Родиной Маковского сына.

В послевоенное время он несколько лет возглавлял досафровский авиационно-спортивный клуб имени А. К. Серова в Свердловске. В те годы этот клуб стал одним из лучших в стране. Сейчас С. И. Маковский на пенсии. А в мирном небе летают сотни его питомцев.

СИГНАЛЫ СЕРДЦА

Два репортажа о проблемах кардиологии,
которые решают алма-атинские и свердловские ученые

Юрий ЛИПАТНИКОВ

Научные знания о человеческом сердце обновляются ныне быстро. В Москве построен кардиологический центр. Это целый город Сердца. Гудят многолюдные столичные конференции и симпозиумы, там звучит многозвучная речь. Ученые спешат обмениваться сведениями о поиске тайн миокарда. Медицинские термины — не красивые метафоры, они не чаруют слух, но зато помогают понять сигналы сердца. Куда оно летит? Современный человек, попавший в плотную творческую атмосферу, кажется, раскален от напряжения. Вот почему рабочий гул медицинских симпозиумов — тревожный. Врачи хотят, чтобы каждый из нас имел крылатое сердце, а не вяло работающий насос. Печальный парадокс: именно деятельные люди гибнут все более молодыми. Их спасают кардиохирурги, реаниматоры. Но, увы, не всех! Куда летит человеческое сердце? К доброте завтрашнего дня. И дорого платит за свой порыв. И не желает малой кровью приближать счастье. Ведь малой кровью — значит, не торопиться. Но как может не торопиться тот, кто четче других видит светлые горизонты?..

Наш первый рассказ — об ученых-медиках Алма-Аты. О тех, кто отбросил мысль о том, что техника отдаляет врача от больного, а врач, увлекаясь машинной диагностикой, видит болезнь, а не человека. Мы в гостях у исследователей, которые вершат технизацию медицины. Она необратима. Устройства, аппараты, приборы, инструменты все очевиднее делают медицину областью точного знания. Медицина из искусства врачевания превращается в строгую науку. И смелее вторгается в недуги, еще вчера считавшиеся неизлечимыми. Она спасает безнадежных. Разумеется, в этой новой борьбе есть потери. Увы, мы, немедики, порой воспринимаем это как слабость медицины. Зараженные успехами космической техники, ядерной физики, мы начинаем думать, что и наука о человеке должна быть уже всемогущей. Но будем помнить, что вывести на орбиту здоровья больное сердце не менее сложно, чем спутник послать в околоземное пространство.

Время подтвердило: в Казахстане образец технизированной медицины показывает институт клинической и экспериментальной хирургии имени А. Н. Сызганова. Здесь многие годы в повседневные медицинские труды вовлекаются математический анализ и моделирование процессов, электроника и физические методы исследований. Здесь врачи-исследователи добрались с помощью датчиков до глубоководных слоев информации. Никакая память уже не в силах объять ее. Это делает ЭВМ. Она ускоряет лечение и эксперимент.

...Это действительно было поразительное зрелище. Мне рассказывали о нем очевидцы. В одном из павильонов ВДНХ в Алма-Ате институтские исследователи демонстрировали однажды нечто необычное. Мигом ученых окружала толпа. Было чудо. На стуле сидел человек, от его рук тянулись два проводочка. Так снимается кардиограмма. И верно: рядом работал кардиограф и другие приборы. А на столе лежало человеческое сердце... Разумеется, рукотворное. Но оно билось, как живое.

В точном согласии с сердцем демонстратора. Вот человек поднялся и сделал несколько приседаний. Понятно, у него должен участиться пульс. И он участился, потому что и сердце на столе также стало активнее. Значит, здесь сердце сердцу весть подает, одно другим управляет?

Посетители выставки в Алма-Ате видели биокардио-массажер. Что он может? Он заменяет руку врача. Когда во время операции случается остановка сердца, его надо запустить. Счет в такой ситуации идет на секунды. Допустим, электрический разряд не оживил миокард. Хирург начинает прямой массаж сердца. Долго ли он может это делать, когда локти подняты, положение рук неудобное? А нужна точность движений, не повредить бы сердце усталыми пальцами, теряющими координацию...

Другой случай. У больного — обширный инфаркт, остановка сердца. Попытки оживить сердце ничего не дают. Врач идет на прямой массаж. Но, как мы поняли, его он не сможет делать несколько часов.

В том и в другом случае поможет массажер. Сердце помещают в массажную камеру, повторяющую форму миокарда, и она начинает делать систолу и диастолу четко и неумолимо. Можно задавать любой ритм сокращений. Как только появится биение сердца, как только будет на кардиограмме схвачен зубец «Р», показывающий активность органа, ему можно помогать все меньше и меньше, в конце концов и совсем выпустить его на волю из массажной камеры. В принципе биокардиомассажер, разработанный кандидатом медицинских наук Тимофеем Арсентьевичем Поповым, может работать вместо рук врача полсутки.

Где еще полезен биокардиомассажер? Он может поддерживать биение донорского сердца. Эта ситуация настолько нова, что тут следует кое-что пояснить, чтобы снять сомнения. Нет, речь идет не о том, что человека еще можно спасти, а на его сердце уже претендует другой. Человек жив, пока работает мозг, а если он погиб? Вот тогда ниточку его жизни (сердце) можно связать с другой обрывающейся ниточкой (погибло сердце, но мозг жив!). Так, умирая, один человек продляет жизнь другому. Таких операций еще не делают в алма-атинском институте, но предпосылки для них готовятся.

Итак, биокардиомассажер обеспечивает синхронный прямой механический массаж сердца при его остановке. Позвольте, скажет искушенный в медицине читатель, вы забыли АИК — аппарат искусственного кровообращения. Пора сказать и о нем. За рубежом реаниматоры спрашивают у родственников: по карману ли им продолжение борьбы за жизнь больного? Если кошелек в порядке, можно поддерживать искусственное кровообращение еще несколько часов. У нас врачи в критических ситуациях не оглядываются на экономические последствия своих действий. Они просто делают все возможное. И все же есть он, рубеж времени. Наступает момент, когда и АИК отключают. Когда же? Есть объективный критерий смерти. Не станем погружаться в его подробности. Немеди-

кам в них трудно вникать. Но то, что сегодня последний рубец, завтра станет пройденной чертой, и жизнь человека будет продолжена. В этой борьбе примет участие в ближайшем будущем биокардиомаasseur, созданный алмаатинцем Тимофеем Арсентьевичем Поповым.

Не сразу сориентировались, в каком из зданий Свердловской областной больницы находится лаборатория биофизики, потерял какое-то время, и пришлось поторопиться, чтобы не опоздать на встречу с исследователями. Взбежал по лестнице, и когда вошел в лабораторию, то пульс участился так, что почувствовалось сердце...

А мне Юрий Леонидович Проценко, кандидат медицинских наук, уже показывает то, с чего начинается тонкий биофизический опыт. Это — сердце... Неподвижное, оно лежит в розовом растворе. Проценко тронул его пинцетом:

— Видите эту маленькую мышцу? Она отвечает за работу сердечного клапана. Природа словно бы специально выделила ее для наших экспериментов. Впрочем, эту ее доступность для наблюдений заметили первыми не мы, а еще биологи прошлого века. Она нужна нам и потому, что состоит из параллельных волокон, то есть силы ее одного направления, не надо вычислять равнодействующую...

Нагнувшись к чаше, я вдруг увидел: да эта крохотная мышца безжизненного кроличьего сердца жива, сокращается! Поистине жизнь борется со смертью до самой последней возможности. Как бесстрашна эта трепетная ниточка!

— Вот за жизнестойкость мы и чтим папиллярную мышцу, — улыбается Проценко. — Она работает в эксперименте 8—10 часов. Кстати: кто-то подсчитал, что сердце среднестатистического человека за его жизнь перекачивает столько крови, что его можно было бы заполнить полторы тысячи железнодорожных цистерн. Постоянство работы и выносливость — вот главные признаки сердца.

Эксперимент начинается. Кусочек папиллярной мышцы длиной всего-то три миллиметра помещают в ванночку с физиологическим раствором. Не станем входить в дальнейшие подробности, лишь скажем, что электростимуляция заставляет частицу кроличьего сердца сокращаться, а с помощью особого приспособления исследователи могут ее растягивать. Для чего? Чтобы изучить зависимость силы мышцы от ее длины. Ведь сила сокращения сердца напрямую связана с его растяжением. А растягивает сердце кровь. Чем ее в нем больше, тем оно энергичнее старается вытолкнуть кровь. Вы, очевидно, уже догадались: трехмиллиметровый мускул ведет себя как целое сердце. Если бы это было совсем не так, то эксперимент превратился бы в удовлетворение любознательности за государственный счет.

Итак, сила сокращения мышцы зависит от ее длины.

— Растягиваю на пятьсот микрон, — говорит старший инженер Феликс Бляхман.

— Идет нормально! — откликается Проценко, следя за работой самопишущего аппарата. Ход эксперимента, естественно, записывается для дальнейшей обработки информации.

— Феликс, дай еще пятьсот.

— Тянет хорошо, — констатирует Проценко увеличение силы сокращения мышцы на ее растягивание. И просит добавить еще 500 микрон. Но тут же отменяет третье распоряжение. Мышце трудно.

Такое впечатление: работают механики, испытывают образец какого-то материала на разрыв... Здесь, в лаборатории биофизики, действительно изучается механика — механика сердца.

Нет, не потому, что свердловские исследователи создают искусственный миокард. В научной прессе недавно появилось сообщение-прогноз: если все ученые США будут в течение пятидесяти лет работать только над созданием рукотворного миокарда, лишь тогда они, возможно, достигнут цели. А как же сенсационные вживления синтетических насосов, разве это что-то иное? Да, это попытки поставить на какое-то время гибнущему больному сердце-протез. Да, он продляет жизнь человеку, но не человечеству... В том смысле, что лишь искусственное сердце, равноценное природному, может в больших масштабах помочь людям. А в нашем веке конструируют миокарды, которые могут только временно заменить живое сердце, на несколько месяцев. Это, очевидно, будет достигнуто в ближайшие годы.

Мы коснулись одного параметра работы сердца: как зависит сила сокращения от растяжения сердечной мышцы. А еще сила сокращения связана с частотой сердцебиения. А еще... Можно назвать десяток (только выделенных ныне наукой) важных характеристик работы сердца. Да к тому же они взаимозависимы! Сердце непрерывно меняет режим работы. Оно реагирует даже на то, с какой интенсивностью человек мыслит. Хотя и при этом находится в состоянии покоя. Сердце окутано беспокойной атмосферой переменчивых желаний. Ему нет покоя — движение, движение. Как же его можно сделать чутким и трепетным из бесчувственной синтетики или резины? Кроме всего прочего, пока ни один материал не выдерживает миллионов сокращений, искусственные сердца при испытаниях ломаются. И все же их безостановочно совершенствуют. Они спасут больных, сердце которых утратило способность сокращаться... И все же свердловские биофизики имеют прямое отношение к созданию в нашей стране искусственного сердца, полностью вживляемого в организм, работающего не месяцы, а годы. По договору с научно-исследовательским институтом трансплантологии и искусственных органов (он находится в Москве) они выполняют научную работу, смысл ее: поиск кода саморегуляции сердца.

Поэтому свердловские ученые изучают, что происходит в сердечной мышце.

— Остановка! — вдруг слышу голос Феликса.

И через две-три минуты голос Юрия Проценко:

— Поехали дальше.

Оказывается, и малая часть сердца обладает памятью. Исследователи сейчас регистрируют, как мышца после паузы восстанавливает прежний режим работы. Еще одно подтверждение того, что сердечная мышца устроена безмерно сложно, «отлита» природой из материала, имеющего память. Вот куда уходят проблемы саморегуляции сердца, в сложные вещи...

На экране осциллографа медленно плывет зеленая искорка. Бок о бок с осциллографом — портативный телевизор. Звук, конечно, выключен. На экране «Юности» мелькают кадры документального фильма. Кажется, и телевизор «озабочен» тем же: как управлять работой сердца, как избежать угрозы инфарктов, стенокардий? Вот по санаторному парку катит велосипедистка. Толстяк пытается подтянуться на турнике. Мужчина под аплодисменты женщин выжимает гири. Человек бежит на месте, лента тренажера уходит из-под его ног...

Прошу Юрия и Феликса глянуть на телевизионный экран. Мол, какая жизнь режиссер! Соединила же: вы думаете о сердце, а там, по телевизору, — про то же самое. Подняли на мгновение головы, понятиливо хмыкнули и снова склонились, как шахматисты, над лентой, по которой перья самописцев ведут линию графика — линию жизни.

ДВА ВЫСТРЕЛА В ЛЕСНОМ

Вячеслав ШОРИКОВ

Среди славных имен декабристов нет Константина Пахомовича Чернова. Но можно не сомневаться: на Сенатской площади он непременно стоял бы в каре восставших, если бы...

Это произошло в Петербурге, 10 сентября 1825 года в шесть часов утра за Выборгской заставой в Лесном. Двое юных, чуть более двадцати лет, гвардейских офицеров сошлись к барьеру. Поединок оказался на редкость трагичным: оба были смертельно ранены...

Много недель подробности роковой дуэли смаковались в гостинных обеих столиц.

«Мы, секунданты, нижеподписавшиеся, условились:

1. Стреляться на барьере, дистанция восемь шагов, с расходом по пяти.

2. Дуэль кончается первой раной при четном выстреле, в противном случае, если раненый сохранит заряд, то имеет право стрелять, хотя лежащий, если же того делать будет не в силах, то поединок полагается вовсе и навсегда прекращенным.

3. Вспышка не в счет, равно осечка. Секунданты обязаны в таком случае оправить кремь и подсыпать пороху.

4. Тот, кто сохранил последний выстрел, имеет право подойти сам и позвать противника к означенному барьеру.

Полковник Герман,
подпоручик Рылеев,
ротмистр Реад,
подпоручик Шипов».

На редкость жестокими были условия дуэли. Только фатальное везение могло подарить жизнь участнику подобного поединка. С расстояния в восемь шагов не то что из пистолета, простым камнем промахнуться практически невозможно. Да и стрелялись-то не чиновники пробирной палаты, а офицеры лучших гвардейских полков!..

Среди фамилий секундантов — Рылеев. Нет, это не однофамилец, это сам Кондратий Федорович Рылеев, руководитель Северного общества, талантливый поэт. Его участие в дуэли не случайно: Кондратий Федорович был двоюродным братом поручика Чернова и не мог оставаться сторонним наблюдателем.

Итак, что же развело двух молодых гвардейских офицеров с пистолетами в руках на расстоянии восьми шагов ранним утром 10 сентября 1825 года?

Лето 1824 года. В имении генерал-майорши Аграфены Ивановны Черновой гостит молодой офицер из Санкт-Петербурга. Владимир Дмитриевич Новосильцев не просто офицер лейб-гвардии гусарского полка, он — флигель-адъютант, то есть офицер, состоящий при особе государя

для исполнения его поручений, если короче — адъютант самого монарха! Владимир Дмитриевич не просто дворянин, он — сын племянницы графа Орлова, знаменитого царедворца Екатерины Великой. Иными словами, Новосильцев принадлежал к аристократии самого высокого порядка.

В эти дни и происходит встреча богатого и знатного гусара с юной дочерью обедневшей помещицы.

Можно лишь догадываться, насколько прекрасна была Екатерина Пахомовна Чернова, если уже через несколько дней знакомства Новосильцев предлагает девушке руку и сердце.

Теперь трудно судить о серьезности намерений красавца гусара, но, тем не менее, он в эти дни позволяет себе пойти на заведомую неправду: Владимир Дмитриевич объявляет матери и прибывшему отцу невесты, что имеет на женитьбу полное согласие своих родителей.

Как было принято в таких случаях, состоялось домашнее обручение и назначена свадьба.

По всему видно, что флигель-адъютант задумал жениться без согласия высокородной маменьки, поскольку заранее был уверен — никакого родительского благословения не будет.

В самый последний момент жениху все же не хватило духу, и он пишет матери о предстоящей свадьбе.

Племянница графа Орлова, как и следовало ожидать, с порога отвергает затею сына связать судьбу с девушкой, не равной ему по богатству и знатности. Она приказывает сыну прекратить с невестой и ее родителями всякие отношения. Блестящий гусар совершает очередной поступок, который не делает ему чести, — срочно уезжает в Москву, обещая вернуться через три недели. Предлог — болезнь отца.

Скандалное сватовство не прошло незамеченным в свете. Сергей Чернов пишет брату Константину: «Желательно, чтобы Новосильцев был наш зять, но ежели сего нельзя, то надо делать, чтобы он умер холостым, хотя сие прелестное создание заслуживает и лучшей участи...»

Константин Чернов, поручик лейб-гвардии Семеновского полка, родной брат Екатерины Пахомовны, вступает за честь сестры. Он спешно едет в Москву и вызывает Новосильцева на поединок. Константин Чернов не ищет скорой расправы. Достаточно было флигель-адъютанту при весьма почтенных свидетелях заявить, что его намерение жениться остается в силе, как брат невесты тут же приносит искренние извинения.

Казалось бы — инцидент исчерпан.

Но разве ж свет позволит, чтобы костер, который удалось раздуть, погас? Не слишком ли это скучный конец?

Похоже, в дело вмешивается сам государь...

В марте 1825 года Сергей Чернов писал брату: «Государь сердит за что-то на Владимира Дмитриевича и

не принял его, когда сей пришел являться...» Понятно, по каким соображениям Сергей Чернов прямо не указывает на причину недовольствия монарха своим адъютантом. Об отношении же государя к подобным бракам можно судить только однозначно. Достаточно вспомнить общеизвестные факты. Родной брат Александра I великий князь Константин Павлович в свое время доставил немало хлопот царскому дому женитьбой на полячке. За сей не достойный члена императорской фамилии поступок в 1822 году, причем тайно, великий князь «добровольно» подписал отказ от права наследовать престол...

По Петербургу грязным ручейком растекается подленький слухок, будто флигель-адъютант Новосильцев женится на Черновой из трусости, и слухок этот вкладывается в уста... поручика Чернова...

Вызов на поединок не заставил себя долго ждать. Поручик Чернов оставил такую предсмертную записку:

«Бог волен в жизни, но дело чести, на которое теперь отправляюсь, по всей вероятности, обещает мне смерть, и потому прошу господ секунданта объявить всем родным и людям благоразмыслившим, которых мнением дорожил я, что предлог теперешней дуэли нашей существовал только в клевете, злоязычии и в воображении Новосильцева. Я никогда не говорил перед отъездом в Москву, что собираюсь принудить его к женитьбе на моей сестре. Никогда не говорил я, что к этому принудили его по приезде, и торжественно объявляю это словом офицера. Мог ли я желать себе зятя, которого бы можно было по пистолету вести под венец?!

...Стреляюсь на три шага, как за дело семейственное, ибо, зная братьев моих, хочу кончить собой на нем, на этом оскорбителе моего семейства, который для пустых толков еще пустейших людей преступил все законы чести, общества и человечества. Пусть паду я, но пусть падет и он, в пример жалким гордецам, и чтобы золото и знатный род не насмеялись над невинностью и благородством души...»

Утром 10 сентября 1825 года, за девяносто четыре дня до восстания на Сенатской площади, в Лесном на смертный поединок сошлись извечные враги — знатность и благородство, богатство и бедность, гордость и скромность...

Только восемь шагов отделяли две молодые жизни от смерти. И смерть не промахнулась.

Через две недели скорбная кавалькада золоченых карет проводила тело флигель-адъютанта Новосильцева в Москву, в родовый склеп. Графиня Орлова за огромные деньги приобрела в Лесном обширный участок и по проекту знаменитого архитектора Шарлемана вблизи места дуэли построила церковь святого Владимира и мужскую богадельню для увечных воинов.

Сейчас на месте дуэли остались две каменных плиты округлой формы — точки, с которых были сделаны роковые выстрелы.

27 сентября состоялись похороны Константина Паховича Чернова. В бесконечной пешей процессии к Смоленскому кладбищу, ничем не выделяясь, шли Рылеев, Оболенский, А. Бестужев, Кюхельбекер, А. Якубович, П. Каховский. До бессмертия им оставалось пройти путь длиной в два с небольшим месяца...

«Я УМИРАЮ ЗА ИДЕЮ...»

Иван ПЛОТНИКОВ

Среди документов о колчаковской контрразведке в Центральном государственном архиве Октябрьской революции есть две фотографии. Они были сделаны колчаковскими тюремщиками перед расстрелом заключенных.

Выяснилось, что на снимках — Александра Яковлевна Михеева и Иван Борисович Борисов (Цветков).

Иван Борисов выглядит угрюмым — истязания и пытки наложили отпечаток на его облик. Но лицо у него привлекательное. Видно, что это решительный человек с волевым, целеустремленным характером. Чувствуется большая внутренняя сила.

Особенно поражает фотокарточка Шуры Михеевой. Удивительно милое лицо молодой девушки. Взгляд ее чист, чуть застенчив, но бесстрашен и смел. Что ее ждет расстрел — она не могла не знать в ту минуту, когда ее фотографировали. Но какой нежный облик, какой одухотворенный взор. Перед смертью она написала: «Я умираю за идею, рада и совершенно спокойно жду своей смерти».

Кто они были, Шура Михеева и Иван Борисов? Как оказались они на уральской земле, а потом — в колчаковском плену?

На немногие вопросы нашлись ответы. Остались их посмертные записки. Остались упоминания о них в исторических изданиях и документах в архиве, где называются их имена. Вот и все. Но и то немногое, что удалось узнать об этих людях, надо знать.

Александра Михеева была питерской большевичкой. Партийная организация рекомендовала ее для работы в тылу белых. В январе 1919 года Центральный Комитет партии направил ее в распоряжение Урало-Сибирского ЦК РКП(б). Размещалось оно в Уфе. Видимо, здесь ей и дали задание перейти линию фронта.

Иван Борисов был квалифицированным рабочим. Сохранился документ, выданный И. Цветкову (это его партийный псевдоним) о том, что он «служил в акционерном обществе соединенных кабельных заводов с 20 июля 1910 по 27 сентября 1917 года».

Борисов, видимо, вел революционную работу на Урале с 1917 года. 2 декабря 1918 года Уралобком партии, находясь в Перми, рекомендовал «Ивана Борисова для работы по организации партийных ячеек в тылу противника». В Уфе ему было дано основное задание — вести работу «на Западно-Уральской железной дороге».

Можно предположить, что с начала декабря 1918 года до января 1919 года Борисов мог побывать по заданию Военно-полевого контроля 3-й армии в тылу белогвардейцев, выполнить задание, вернуться на советскую территорию и прибыть в Уфу.

С Шурой Михеевой он связан был одним заданием. Раньше, скорее всего, они не были знакомы. Да и в Уфе, наверное, тоже не виделись из соображений конспирации.

В тылу работало большевистское подполье. Подпольный комитет был прочно связан с ЦК партии. Именно в качестве связных и направлены были Шура Михеева и Иван Борисов.

Борисову бюро поручило передать подпольному комитету 200 тысяч рублей.

1 февраля 1919 года Борисов был переброшен через линию фронта вместе со своей женой Марией Афанасьевной. Переправился он через село Никольское (восточнее Уфы), благополучно прибыл на явку в Аша-Балашовский завод. Там он сказал товарищам, что следом за ним идет коммунист К. М. Тумаков и просил местных подпольщиков помочь ему добраться до Златоуста, а потом — до Челябинска. Но, опасаясь провокации, они решили подождать прибытия Тумакова. Иван жила два дня в одном из куреней в окрестностях поселка. Он был со своей Манжосей, как называл свою жену.

Тумаков едва не погиб, но прибыл на явку. После его прибытия Борисов отправился в Златоуст.

«Петроградская девица-курьер», как Шура Михеева названа в одном из документов, через несколько дней после отъезда Борисова из Уфы была переброшена через линию фронта в том же районе.

К концу января 1919 года колчаковцы усилили охрану в прифронтовой полосе. Повсюду были расставлены контрольные посты. Хватали всякого, кто вызывал подозрение. Контрразведка рыскала повсюду. Поэтому подпольщики тщательно готовились не только к переходу фронта, но и к работе в условиях диктатуры Колчака, которую Ленин называл «хуже царской».

Как, под видом кого продвигались Иван и Шура — это неизвестно. Они оказались во вражеском тылу, в Челябинске. Здесь они встретились. И здесь были схвачены колчаковцами.

Обратимся к документам.

Отношение начальника контрразведки, в нем требование: «Выдать предъявителю сего фельдфебелю И. Волкову содержащихся под стражей с 27 сего февраля арестованных Ивана Борисовича Цветкова и Александру Яковлевну Михееву для допроса. Отношение это написано в омскую тюрьму. Но арест все же произошел в Челябинске. Это подтверждается тем, что с омскими властями вел переписку относительно Борисова штаб Западной белогвардейской армии. А он находился в Челябинске.

Свидетельствует омский подпольщик П. Г. Крикин. Он рассказывает о Ф. А. Садке (Ситникове). Этот Садке по поручению бюро приехал из Москвы в Уфу с крупной суммой денег. Он оказался авантюристом. А после того как его арестовали — предателем. Крикин вспоминает, что в Челябинске он выдал группу партийных работников, включая двух женщин.

В Центральной военной колчаковской контрразведке был сфотографирован мандат, выданный Сиббюро Борису-Цветкову, написанный на куске холста. Копия эта потребовалась «для приложения к делу о Садке, Борисове и др.».

Копия допроса 15 марта 1919 года была направлена в омскую тюрьму. Контрразведка штаба Западной армии допрашивала Садке в Челябинске.

Итак, провал произошел в Челябинске. Предательство. И две выданные Садке женщины — безусловно, Михеева и Цветкова.

Фриц Садке — инженер, австро-венгерский военнопленный. Он дал колчаковцам обширные сведения о деятельности Сиббюро ЦК, о его работниках, о путях переправы подпольщиков за линию фронта. В ноябре 1919 года с помощью подпольщиков он был арестован, осужден и расстрелян.

Больше трех месяцев томились в омской тюрьме Александра Михеева и Иван Борисов. В это время в Омске произошел ряд крупных провалов. В застенки были брошены многие коммунисты. Дело Борисова и Михеевой подключили к делу подпольного комитета. Они были «особо опасные преступники».

Контрразведка, как видно из протоколов, пыталась

получить от них сведения о Сиббюро, о путях переправы, узнать адреса, явки. Следователи контрразведки были изощрены в допросах и пытках. А начальник контрразведки даже обещал выпустить Шуру на свободу, если она будет откровенной. Но и это, и угрозы, и избияния — все было бесполезным. Допросы ничего не добавили к тому, что уже удалось вызнать колчаковцам.

Вот здесь-то и были сделаны эти снимки — последние свидетельства их жизни.

Жена Ивана, Мария, жила в Омске. Ее отпустили, видимо, поняв, что имеют дело не с коммунисткой, а просто с женой подпольщика. Она приходила к нему на свидания, передавала записки, передачи. У Шуры не было близких в Омске.

Оба они, конечно, знали, что им, посланцам бюро ЦК, надеяться не на что. Смерть неминуема. Но оставались спокойными до конца.

Те из Шуриных сокамерниц, кто остался жив, вспоминают:

«Шура Михеева — невысокая, худенькая, по характеру у нее сильный, она держалась очень ровно, чувствовалась большая выдержка — ведь она знала, что ее ожидает расстрел».

«У Шуры мы не видели ни слез, ни раскаяния, — вспоминает Эмма Одынь. — Она производила впечатление сильного человека. Такой она ушла от нас и, уверена, такой встретила смерть».

«Самое лучшее впечатление и дорогую память оставила мне Шура Михеева, — вспоминает Зоя Венцкевич-Личети, комиссар Интеротряда. — Шура, сама на пороге смерти, находила в себе силы утешать подруг по камере. Старалась отвлечь Зофию от мрачных мыслей. Мужу Зофии, Карю Личети, командиру Интеротряда, тоже грозил расстрел. Шура не знала, что вместе с ним она встретит смерть. Но когда ее, Агнию Свищеву и Любовь Голицову повели на суд, она сняла кольцо с руки. «Прими на память», — сказала она Зофии».

Военно-полевой суд состоялся 31 мая 1919 года. Было привлечено к суду 16 коммунистов.

Мужественно держались они на суде. В сообщении о суде колчаковцы пишут, что обвиняемые «держатся вызывающе, не признают за собой никакой вины и даже предрекают неминуемую гибель всех темных сил реакции».

Ответы Шуры кратки, сдержанны, полны достоинства. Гордо звучали на суде ее слова:

— Приехала в Омск добровольно. Виновной себя не признаю. Я — член Российской Коммунистической партии большевиков».

11 человек были приговорены к расстрелу. Ночью 3 июня 1919 года были расстреляны Шура Михеева и Иван Борисов.

В женскую камеру пришла записка:

«...Не унывайте и не жалейте меня. Я умираю за идею, рада и совершенно спокойно жду своей смерти. Будьте и вы бодры и не падайте духом. Вещи разделите между собой. Александр».

Прочтальное письмо Ивана Борисова к жене и к товарищам:

«Дорогая Мантоса! Ты не очень печалься... Ведь ты хорошо знаешь, что не один я погибаю. Крепись и надейся. Целую тебя и благословляю...»

Также прощайте все товарищи, кто меня знает, тот может быть, помнит мои труды. Но это неважно. Я обращаюсь со своими предсмертными словами к вам: мужайтесь, не падайте духом. И делайте свое великое дело... Я верю в мощь пролетариата и с этой верой иду под вражескую пулю».

Олений рог и «Золотая баба»

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

Передо мной — «золотая баба»...

О ней сказывали еще русские летописцы, ею в прошлом интересовались иностранцы и о ней продолжают спорить исследователи и краеведы. А ее... никто не видел. По письменным свидетельствам можно проследить путь легендарного идола северных «инородцев» — из пермского Предуралья почти к берегам моря Студеного, на Ямал, на Тазовский полуостров. Занятно выглядела эта «злата баба». Один из любопытствующих иностранцев, посол австрийского императора Максимилиана барон С. фон Герберштейн, собеседник многих бывалых русских первопроходцев, писал еще в шестнадцатом веке:

«Этот идол... есть статуя в виде некоей старухи, которая держит в утробе сына, и будто там уже опять виден ребенок, про которого говорят, что он ее внук».

Уральский писатель Константин Носилов в конце прошлого века в верховьях Конды напал на следы «серебряной бабы», которую якобы хранил вогул из Ямнель-Паулы в самых верховьях таежной реки. По описанию старика-манси Саввы, копия выглядела несколько иначе:

«Голая баба и только. Сидит. Нос есть, глаза, губы, все есть, все сделано, как быть бабе...»

— Большая?

— Нет, маленькая, но тяжелая такая, литая, по «золотой бабе» ее и лили в старое время. Положили ту в песок с глиной. Закопали. Растопили серебра ковш и вылили. И так обделали. Вот она и живет».

Та «золотая баба», которую я разглядываю, — овальная бляха, она умещается на ладони. Низ бляхи обломан. Но изображение во многом совпадает с герберштейновским: в чреве высокоголовой женщины виден ребенок. Две личины, которые также можно принять за изображение младенцев на руках «бабы», или — если точнее — на ее плечах. Цвет бляхи — землистый, с прозеленью, которая указывает на материал, из которого она сделана, — это бронза. Вид у бляхи, конечно,

непрезентабельный, скорее всего, это литейный брак, потому что бляха внутри не обработана, а шнуровой орнамент по овалу едва просматривается. Но у археологов есть любопытное заключение: такое необработанное литье предназначалось в жертву божеству, а не шло в качестве наряда, украшения или для обмена. Изготавливалось этих блях-баб явно немало, но почему-то они не попадались на глаза исследователям, видимо, очень надежно прятали их манси и ханты в ритуальных местах.

Как же этот бронзовый обломок попал в Салехардский окружной краеведческий музей? В песчаной осыпи около городской бани нашел эту уникальную вещицу салехардский врач Борис Иванович Василенко. Не будем торопиться с выводами о случайности находки — в музее хранятся еще несколько десятков древних вещей, переданных любознательным доктором.

Археология — не дело дилетантов; «открытый лист» на право ведения раскопок получают только специалисты. Такого «листа» у Василенко нет, да он и не ведет раскопок. Но северные древности в таких вот осыпях, в выдувах на захоронениях лежат неммым укором археологам. За последние десять лет на Ямальском Севере побывало лишь два археолога; находки их были сенсационны, но, конечно, за короткое лето многого они сделать не смогли. Если исключить Мангазейскую историко-археологическую экспедицию, то раньше археологи бывали здесь еще реже. А у северного края богатая, насчитывающая уже шесть тысячелетий история. Та же бронзовая бляха по некоторым признакам явно относится к так называемой усть-полуйской культуре, и ей не меньше тысячи лет.

— Считается, — поясняет Борис Иванович, — что «золотая баба» проделала длинную дорогу из Китая или Тибета. Но случайно ли, что здешние селькупы почитают Ильнда-Коту, прародительницу, «старуху жизни»? Покровительница чума,

«добрая старуха», у ненцев — Мяд-Пухоця, а ханты поклоняются своей прародительнице, тоже «бабе», «старухе» — Вут-Ими. У фактории Лабаровой (почти на берегу Карского моря) находится «шибко священная гора» здешних тундровиков, которая так и называется — гора Бабушка. О чем все это может свидетельствовать? Конечно, не о том, что культ «золотой старухи» привнесен в мировоззрение северных народов, а о том, что корни этих ныне северных народов — южные.

Как известно, в науке о происхождении самодийцев Западной Сибири главенствует алтае-саянская гипотеза. Современные этнографы, лингвисты, археологи, чтобы эта версия превратилась в научную аксиому, ищут новые факты. Совершенно неожиданно подтверждение этой гипотезы обнаружил доктор Василенко. Занимаясь изучением медицины ненцев, в которой большую роль играли прижигание, иглоукальвание и пальцевое сдавливание (тюнарпава, янгабава, ныбкабава), проведя необходимые параллели, он пришел к выводу, что ямальский шаман лечил единоплеменников так же, как своих земляков — китайский лекарь. «Сравнение точек, используемых для прижигания ненцами, с точками чжень-цзю-терапии показало, что в большинстве случаев как сами точки, так и показания к их применению совпадают». Цитата взята из статьи Б. И. Василенко «Иглоукальвание и прижигание в народной медицине». И еще один вывод из той же статьи: «Прижигание и иглоукальвание, применяемое ненцами, на наш взгляд, имеют южное происхождение». Этнографам еще предстоит взять на вооружение этот весомый аргумент тюменского врача.

Человек скромный, Борис Иванович тем не менее без обиняков заявляет:

— Иглоукальвание у ненцев открыл я и своим приоритетом поступать не хочу...

В 1967 году тогда еще недавний выпускник Одесского медицинского

института, с дипломом по специальности «санитарно-гигиенична справа», появился в Салехарде. Определели санитарного врача в передвижной медицинский отряд, которому Борис Иванович отдал десять лет жизни. Перемещался отряд от рыбацкого стана к стойбищу оленеводов, от охотничьей заимки к полярной фактории. Пациентами молодого доктора были аборигены этих суровых мест — ненцы, ханты, селькупы.

У них властвует строгая целесообразность; в любом, даже мелком факте проявляются ум, смекалка. Ханты и ненцы делают для грудных детей дневные колыбельки. Но они — разные. Хантыйский младенец сидит в своей люльке, грудной ненец — лежит. Почему? И тот, и другой народ — много кочуют, но ханты в основном — рыбаки, ненцы — оленеводы, охотники. Хант ездит на обласке, ребенку неудобно лежать на дне лодки: может попасть вода, с весел капает, поэтому и люлька сидячая. А ненец передвигается на нарте, на эту повозку сидячую колыбельку приспособить трудно. Так характер передвижения создавал, отшлифовывал предметы.

Или — почему ненцы избегают лекарственных трав? Все их народные средства — животного происхождения: медвежья желчь, песцовый жир, олений рог, олений желудок. Если не знать условий жизни оленеводов, можно в этом факте увидеть «примитивность», бедность средств народной медицины. Но кочевники, на лето перегоняя свой стада от гнуса к продуваемым берегам студеных морей, уходили от весны и возвращались в зиму: у них практически не было условий для сбора лекарственных трав, да они и не испытывали потребности в дикоросах, потому что оленина, которую они употребляли в пищу, богата микроэлементами.

Как тонко делается операция при снежной слепоте! Для этого высушивают личинку подкожного овода, получают своеобразный ершик и этой щеточкой с зазубринами царапают край века, делая необходимое кровопускание. К рубленой ране прикладывают кусок легкого свежазбитого олененка, и это лучше чем патентованная гемостатическая губка. А как остроумен прием медвежьей желчи, которую даже мужественный человек проглотит с нескрываемым отвращением: желчь предварительно замораживают, глотать ее уже не горько, она хорошо всасывается и отлично помогает при заболеваниях желудка.

И, наверное, совершенно есте-

ственно, что он стал собирать те предметы национального обихода, которые свидетельствовали о духовной культуре «диких племен». Конечно, Борис Иванович находился в предпочтительном положении: ведь вся гундра за десять лет узнала «арка лекарь» Василенко. Ему рассказывали то, что никогда бы не рассказали другому гостю; ему дарили вещи, которые у северных народов не принято дарить, его водили на священные места — эти своеобразные музеи северной культуры.

В рижский музей истории медицины имени П. Я. Страдыня Борис Иванович передал деревянный рог с порохом, зуб медведя, кость мамонта, умывальник, набор игл для акупунктуры, шаманские амулеты. Все это досталось ему от добровольных тундровых помощников. О чем, например, свидетельствует не особо приметная, но древняя ложечка, которую ему подарили в чуме на берегу далекой тундровой реки Юрибей? Специалисты применяют такие ложечки для микродозировок лекарств. Не случайно же уникальный предмет попал в тундру? Ложечка — свидетельница того, что на протяжении столетий в тундре существовала своя медицинская культура и традиции.

Почему-то крепко врезалась в память одна, наверное, не особо примечательная встреча на берегах речки Полуды. У костра Борис Иванович застал своего знакомого рыбака ханта Якова Николаевича Климова. Занимался рыбак, вполне сознательный и культурный, не вполне обычным делом: беседовал с иттармой. Делали в старину, да и сейчас делают ханты этикие грубоватые куклы — изображение родового предка.

— Кто это? — поинтересовался Борис Иванович.

— Бабушка это.

— Ну и что вдвоем тут делаете?

— Чай пили, разговор говорили.

— Интересно, о чем же?

— На бригадире бабушке жаловался. Ругался сегодня бригадир не правильно. Сильно ругался, не правильно. Бабушке решил пожаловаться. Понимает бабушка.

Улыбнулся в темноте доктор детским речам взрослого человека. А уезжая, задумался: стоило ли улыбаться? Не снимает ли эта беседа с иттармой стресс одиночества, боль обиженного человека? Стоит ли все огульно причислять к предрассудкам и пережиткам, глубоко не проникнув в духовный мир северного человека?

Год назад Борис Иванович Василенко, человек, credo которого — «на Севере жить можно и нужно», — простился с Ямалом. Северу отдано немало — полтора десятка лет, он работал бы здесь и дальше, но обстоятельства сложились так, что надо было выбирать: его пригласили заведовать музеем истории здравоохранения Тюменской области. Увлечение стало профессией.

Борис Иванович водит меня по тесноватым комнаткам, аккуратно заставленным экспонатами, рассказывает о самых выдающихся, делится планами:

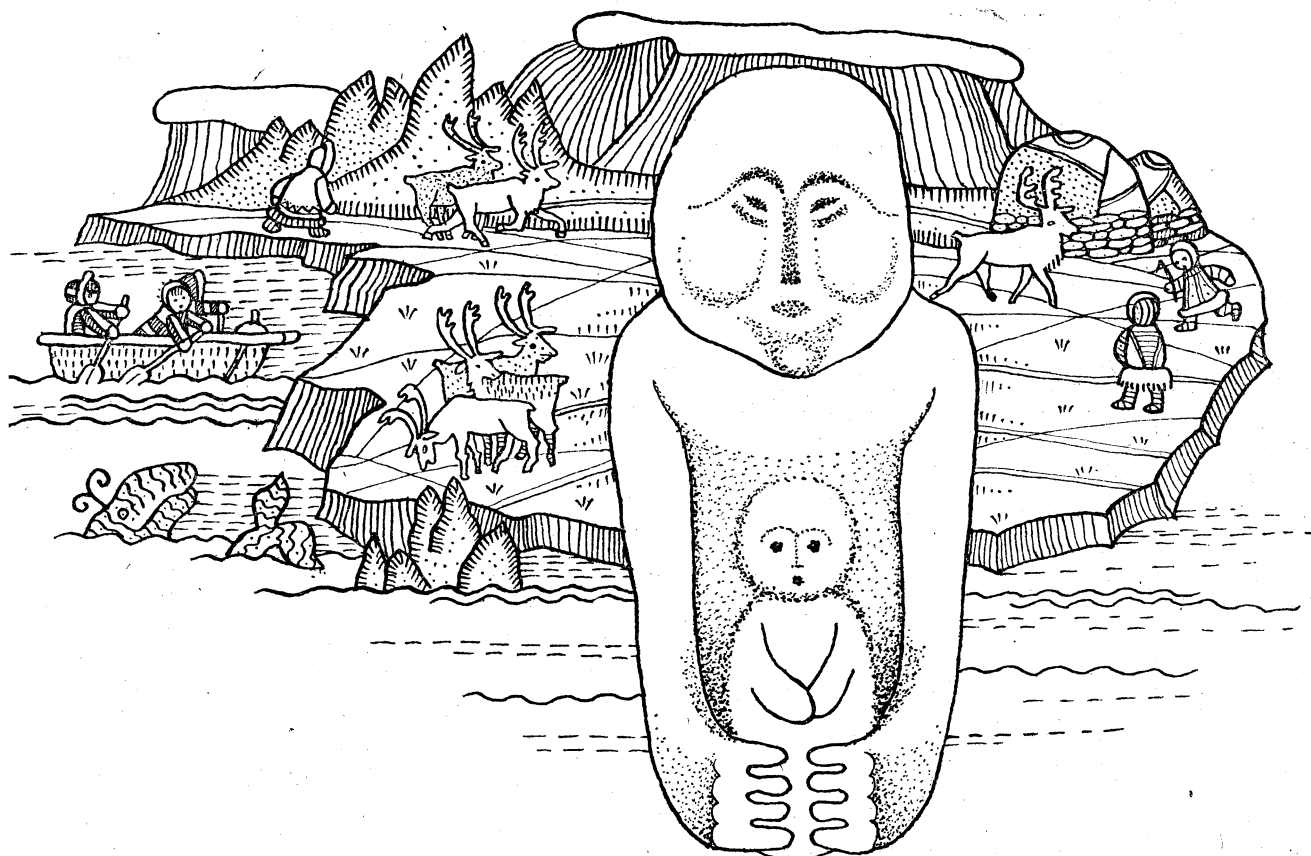
— Вот этот коридор мы перделаем под зал малых народов Севера. Очень скудно представлены у нас Среднее Приобье и Ямал. А это ведь две трети области. Пока все экспонаты — это то, что я сюда передал еще десять лет назад. Надо организовывать систематические экспедиции.

Вторая причина, которая повлияла на смену климата, — Борис Иванович перешел на второй курс заочной аспирантуры, работает над диссертацией «Народная медицина ненцев и современное здравоохранение». Читаю письмо его научного руководителя, ведущего историка медицины, члена-корреспондента АМН СССР Бориса Дмитриевича Петрова: «У Вас очень опасное положение: заманчивая тема и огромные материалы Вас окружают... В сущности все время мы находимся в сфере докторской диссертации, что очень опасно».

— Чего ж опасного? — удивляюсь я.

— Предостерегает Борис Дмитриевич, чтобы я копал глубже, а не разбрасывался. Трудновато на середине пятого десятка кандидатские писать.

...Так уж получилось, что Борис Иванович принимал участие всего в двух археологических экспедициях. Первую в принципе только наблюдал. Но ее следовало посмотреть — это была знаменитая Мангазейская экспедиция под руководством профессора Михаила Ивановича Белова. Профессор, заметив интерес доктора, позволил ему под своим присмотром промывать песок с места разрушившихся крепостных стен, делать обмеры на воеводском посаде, давал другие «студенческие» задания. Сегодня в салехардском музее можно полюбоваться отличной панорамой Мангазеи, которая не особо отличается от той, что выставлена в Ленинградском музее Арктики и Антарктики, и сделана профессиональным художником. Салехардскую Мангазею готовил Борис

Иванович с помощниками, на эту работу у него ушло больше года.

Вторую экспедицию Василенко организовал сам: сагитировал научных сотрудников окружного музея, вызвал профессионала из Томского государственного музея Фридриха Меца. Давно не давала покоя бухта Находка на западном берегу Обской губы у Нового Порта. Знакомые пенцы уже давно говорили ему, что в этих местах можно найти много интересного. В тридцатых годах какой-то пастух нашел на здешней сопке какой-то необыкновенный кинжал, о котором и по сегодня по тундре ходит слава. Из этих же мест в музей передали бляху-птицу с четырьмя руками.

Но экспедиция начиналась неудачно. Два дня поисков прошли впустую — никакого намека на древности и присутствие древнего человека. Только рыбалка в здешних местах была славная — щуки попадались знатные. На удивление томскому археологу, Борис Иванович время от времени выбрасывал полуметровых щук обратно в воду.

— Что ты делаешь? — неподдельно ужасался Меч.

— Дедушку прикармливаю.

— Кто это?

— Да это наш человек, — уклончиво отвечал Василенко.

— Прожорлив больно, — жалел улов экономный археолог.

— Зато удачу принесет.

К исходу третьего дня, после долгого, но неудачного пешего маршрута (музейные археологи, найдя, уже залезли в спальники) Борис Иванович обратился к своему спутнику Василию Самбурову:

— Протока мне спать не дает. Может, пройдемся?

Он повел ничего не понимающего спутника на приметный бугор. Сквозь дернину на яру виднелись голубоватые, фиолетовые пятна очажных ям. Весь бугор был буквально усыпан маленькими кремневыми отщепами-микролитами.

Они примчались в свой лагерь с криком:

— Нашли!

Меч недоверчиво высунулся из спальника, но, увидев возбужденные лица, быстро выскочил из теплого мешка, оделся и, ни слова не говоря, побежал на протоку.

Вернулся он поздно и сказал авторитетно:

— Копать не будем, на таком

памятнике надо ставить стационарные работы...

— Какие там места! — вспоминает Борис Иванович. — На другом берегу бухты — настоящий оазис, для этих мест поразительный: ольшаник густой, я там орлов видел, зайцев, лоси бродят. Древний человек явно оба берега бухты заселял. Но Меца нынче опять в другую сторону отправили. Слушай, — предлагает он мне, — поехали с нами. Набираю группу, шесть человек нужно. На двух резиновых лодках с моторами, сделаем круиз поморскими дорогами через полуостров Ямал: бухта Находка — озеро Ярро-Юрибей — Байдарацкая губа — Байдарата — Щучья — Обь. Вот такое «колечко». Ведь мангазейский народ много волоков через полуостров звал, на этих волоках, наверное, кое-что да осталось, ждет нас. Трудно, конечно, организовать, а как хочется проехать!

...Увлечение собирателя Василенко стало его профессией, но увлеченность от этого не пропала...

«Начало» писателя Олега Куваева надо искать в геологе Олге Куваеве... Именно профессия привела Олега Михайловича на воспетый им и столь любимый Север, предоставила ему «под перо» богатый жизненный материал, свела с людьми, которых талант писателя превратил в литературных героев.

Эти заметки об Олге Куваеве — не литературоведческого характера; они рассказывают о человеке, много работавшем, ездившем, исходившем Север вдоль и поперек — не праздно, а с полной отдачей сил, ума, знаний, щедро растроченных душевных качеств. «Надо писать о рабочем классе... Чтобы во главе угла был все-таки рабочий и работа, а не пурга, которая говорит «у-у»...» Подтверждением этого кредо О. Куваева стал знаменитый роман «Территория», рассказы, повести — все творчество писателя-северянина.

Очерк «По земле чаучу и кавралинов», который мы предлагаем нашим читателям, — первая литературная работа Олега Куваева, он широко не публиковался. Это — наброски, путевые записки, наблюдения, занесенные в блокнот молодым геологом. Но это и было НАЧАЛОМ...

ВСЕМУ БЫВАЕТ НАЧАЛО...

Владимир КУРБАТОВ

С низкого широкого перевала дорога полого спускается в долинку Шаманьего ручья. Водой ручей скуден и невелик, пять-шесть километров от истоков до устья.

Пятьдесят лет назад ручей пользовался славой не по размерам, нехорошей славой.

На стыке весны и лета он вбирал в себя воду всех снегов со склонов окружающих его трех сопок, и недели две грохотал поток мутной воды, страшный даже с виду. Оленные люди со стадами старались пройти через эту долинку до таяния снегов. Идти сюда было нужно: летом полуостров хорошо продувался ветрами, и они спасали оленей от гнуса и овода; пастбища славились йодистыми, подсолненными морем травами; в начале лета, в самое голодное время, ходко шла рыба, выручая малооленных.

Ради всего этого приходилось мириться с частыми и внезапно врывающимися в долину дикой силы ветрами, «южаками», особенно страшными зимой. Перед перевалом накапливались огромные воздушные массы. В какой-то критический момент они одолевали сопки и падали на долину Шаманьего ручья. Случалось, «южаки» шуга сбивали людей с ног, а то и сносили в море. Свои яранги люди прятали от ветра за крутыми склонами сопки, а оленям приходилось ложиться.

На первый взгляд казалось непонятным, чего ради один из предков шаманьей семьи облюбовал здесь место, не столь уж было оно завидным. А был тот первый из поселившихся здесь умным или хитрым, умел выгадывать для себя пользу из всего — это точно. «Когда будет пурга?» — «Сейчас узнаем у духов, но сначала их нужно задобрить!» «Не нужно жаркого лета?» — «Договоримся, если подарки духам побогаче будут». «Много рыбы хочешь?» — «Будет, если каждую третью принесешь духам». Последний из здешних шаманов был средненьким по могуществу, но с некоторыми келе* явно

на короткой ноге. Во всяком случае, о «южаках», погоде на лето и ходе рыбы сведения они давали точные, будто была у шамана собственная метеостанция под боком. Да и то ведь — за два-три поколения и без духов все узнать можно.

Одно только не сумел предсказать шаман — о том, что в начале 30-х годов за ручьем на Певекской косе обоснуется вначале советская фактория, а вслед за ней — культбаза, придет новая власть. Попробовал шаман вредить «чужакам» — пригрозил новенький американский винчестер. Но ему быстро и основательно прищемили хвост.

А ручей так и остался Шаманьим. Когда у его устья появилась «наша» рыбацкая избушка, мы не знаем. Она наполовину врыта в галечный береговой откос, и, собственно, это даже не избушка, а одна из тех временок, сколоченных из чего попало под руку, которые служат временным пристанищем рыбакам-любителям. «Нашей» она стала по незыблемому тундровому закону: куда вошел, там твой временный дом.

Мы — это молодой геофизик Чаунского геологоразведочного управления Олег Куваев, средних лет отставной военный, прямой, как ствол винтовки, Николай Семенников и я, молодой журналист. В тесную дружескую группу мы сошлись благодаря схожести представлений об окружающем, общности интересов и... разности характеров. Все на полном серьезе считали себя начинающими и небесталанными писателями. Забегая вперед, следует признаться, что ничего толком из нас, кроме Олега, в этом смысле не получилось.

В тот вечер 1959 года, который мне особенно помнится и о котором идет речь, было тихо, и четко слышалось, как в рубероидные стенки шуршит-царапается слабыми лапками-стрелками травка селена, будто просит впустить, укрыть ее от первых морозцев, нам еще не приметных, а ей уже нестерпимых.

* Келе — злой дух (чукот.)

В первые полчаса жара в избушке адская. Маленькая железная печурка минут за десять свирепеет и наливается в щеках багово-белым цветом, полуведерный чайник вот-вот залиvisto заклокочет, ударит из носика реактивной струей пара и дробно заплещет на железе. Дым от махорки тяжелыми этажами напластовывается от пола до потолка.

Трудно объяснить, почему мы безжалостно калим печурку, почему махорка. Может быть, причиной этому древний берег моря, древняя затаившаяся тундра, украдкой наползающие сумерки, такие, какими они приходили сюда миллионы лет подряд. Может быть, бунтуют инстинкты, затаившиеся в человеке с древних охотничье-скотоводческих времен — бунтуют против безопасности служебных кабинетов, услужливости телефонов и автомашин, скудной размеренности жизни-службы.

Море лениво шуршит галькой, бормочет что-то. И тянет домыслить, вывести историю бормочущего моря, угрюмых скал, таинственной в наползающих сумерках тундры. Может быть, поэтому в избушке хорошо думается и мечтается — когда крепчайшей заварки чай стынет в кружке, а жара и табачный дым потихоньку вышлыли в дверь и десяток щелей. В реве штормового ветра или в легких шорохах сумеречных вечеров чудилось, будто за тонкими стенками вздыхают и бродят призраки неведомо куда исчезнувших Никиты Шалаурова и его попутчиков, казачьего десятника Попова «со товарищи», капитанов Врангеля и Биллингса, десятков других первопроходцев. Возможно, именно здесь и зародился в художественном сознании Олега тот причудливый сонм призраков-советчиков, призраков-примеров неустранимости, дерзкой отваги и предприимчивости, который потом прошел перед читателями в рассказе «С тех пор, как плавал старый Ной». Во всяком случае, планы пройти по следам экспедиции Никиты Шалаурова, розыска «серебряной горы», похода «поперек Чукотки» обязаны своим рождением этой избушке. В тот вечер, о котором идет речь, мы как раз самозабвенно перебирали варианты заманчивого похода из Певека в Анадырь: по реке Чаун в Анадырское нагорье, через таинственное горное озеро Эльгыгытгын, затем в реки Белая и Анадырь — до устья последней... Многие из замыслов превращались в дела, походы, поиски — мы были молоды, полны сил и любознательны. А потом, естественно, возникало желание написать, рассказать о виденном. Так пробился один из родников, питавших творчество Олега Куваева.

Суровая поэтичность природы, люди, каких Олег еще не видел и каких нигде больше нет — с их необычностью жизни и труда, обычаев и ритуалов, с их умением прожить на этой бедной удовольствиями и теплом, но богатой жизненными соками земле, — все это потрясало, вызывало глубокое уважение к железной стойкости характеров и жизненной мудрости. Вспомните полные лирики описания травки селены, собачьей упряжки Васи Тумлука, «знакомой птахи» в соседнем кусте, голубой тундровой незабудки, пса Кимки с разными глазами. Став писателем, Куваев создает образы давних хозяев этой земли, дружелюбного «травяного народа» (по определению Олега). И уже не родником — полноводной рекой встает Чукотка в его творчестве.

...Певек в нескольких километрах отсюда. Он прочно оседлал широкую морскую галечную косу, а навстречу тундре выдвинул форпостом массивные корпуса тепловой электростанции с огромными трубами и, будто из пушек, непрерывно отстреливается от тундрового безбрежья клубами дыма. Был он в те годы одноэтажным, тысячу на пять населения, но все равно являлся самым

По земле чаучу и Кавралинов

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГЕОЛОГА

Олег КУВАЕВ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Север встречает людей по-разному. Классическим образцом принято считать, когда эта встреча начинается с первых отмеченных в вахтенном журнале льдин или с последних убегающих назад по нартовому следу лиственниц. В наше время после майского тепла и букетов сирени в подмосковных электричках можно в тот же день увидеть, как поземка переметает снежные заструги в районе Амдермы, или как несколько необычно — в валенках и рукавицах — играют в волейбол жизнерадостные полярники мыса Костистого.

Утерянная со времени Кука и Беринга, Коцебу и Сарычева новизна впечатлений компенсируется быстротой и контрастностью этих перемен.

Чукотка... Мощные порталыные краны в Певеке, в бухте Провидения — и по первобытному простому, легкий бег пастуха-чаучу за кочующим стадом. Белые ряды домиков, выросшие рядом с ярангами на месте древних стойбищ охотников-кавралинов — и по-прежнему нелегкий, опасный труд зверобоев, настоящих хозяев Берингова и Чукотского морей. Все вместе это создает незабываемый облик древней и увлекательной страны, где цветистая экзотика прошлого перемешивается с обычной, как в Москве, Рязани, Владивостоке, будничной жизнью страны. Пройденные километры ложатся на страницы записной книжки в виде простых коротких заметок. Предоставим их читателю так, как они есть.

«СТРАНА, ЗАБЫТАЯ БОГОМ»

«...Я живу в каменном веке. Эта страна похожа больше на бред полубезумного фантаста, чем на реальный кусок нашей старушки-планеты. Черный голый камень на сотни миль устилает склоны хребтов, варварские названия которых я не в

состоянии запомнить. На такие же сотни миль идет равнина, усыпанная кочками, как злокачественными прыщами кожа больного. Травы имеют единственный цвет — грязно-желтый, единственный запах — запах болот и гнили. Ужасен вид местных аборигенов. Задавленные природой, они не умеют ни смеяться, ни даже хорошенько обмануть. Я уверен, что бог, создав эту землю в припадке мрачной ипохондрии, забыл о ней, и сам дьявол стал ее хозяином. Чем же иначе, как не дьявольской шуткой, можно объяснить, что именно в этих ужасных краях мы достаем белоснежные шкурки, украшающие плечи наших дам, и что именно здесь, может быть, прячется золотой телец, голова которого у нас на Юконе.

Человек, писавший эти строки, давно умер, может быть, в родном Сан-Франциско, а письмо с Чукотки осталось. Я переписал его как пример того, что долгое время считалось «хорошим тоном» в литературе о Севере. «Страна белого ужаса», «край вечной ночи» — такими скромными эпитетами награждалось все, что лежит севернее шестидесятой параллели...

Я лежу в палатке. Конец июля. В это время после бесконечного летнего дня над тундрой начинают появляться первые ночные сумерки. Гагары на озерах задают неистовый концерт и, как бы в противовес этой какофонии, совсем по-домашнему щелочит воду и тихо переговаривается у берега Ятролявеем семейство гаг.

Снизу доносится хруст гальки. Сгрудившись кучкой, быстро работая лапами, утки уплывают за поворот.

Это возвращается Эттувье. Легко прыгая по камням, распустив на груди шнурок кухлянки, он тихо напевает сквозь зубы и, видимо, не замечает моей спрятанной в кустах палатки.

Пьем чай. Все так же кричат гагары, тревожным гогом отвечают им за рекой гуси. И как-то совсем не приходит в голову мысль, что все это происходит в «стране белого ужаса», стране, которую давно забыл господь-бог.

КОГДА В ТУНДРУ ПРИХОДИТ ВЕСНА

Наши трактора идут на север. Вместе с нами на север идет весна, «весна света». Впервые это звучное понятие ввел в литературу М. Пришвин, может быть, даже не подозревая о том, как в пору оно придется именно здесь, среди выглаженных ветрами сопки Чукотки.

Февраль прошел в последних робких наплывах надоевшей полярной ночи. В новом, дневном, свете по-зимнему бесновались пурги в марте и апреле. И вдруг все сменилось. Как-будто далеко в

низовьях незнакомых рек, за Анлюйским, Анадырским хребтами скопилась и хлынула, все сметая на своем пути, радостная световая волна. Все такой же чистый и несокрушимый лежит снег, тверды заструги, но солнце уже победило. Люди воспринимают его по-разному. Кое-кто неуверенно ощупывает особенно клочкастую в этом свете зимнюю бороду: «А не сбрить ли?» И через пять минут сообщает потрясающую выдержку из чудесной книги де Кастро «География голода» о живительном действии солнечных лучей. А за палатками, скрываясь от ветра, уже расположились голые по пояс последователи де Кастро и витамина «Д».

Солнцем и светом залиты всякие горные долины, до физической ощутимости пропитан воздух. Кто-то шутит:

— Помните чудака у Свифта, который добывал солнечные лучи из огурцов? Он ошибался, чудака-то этот, ему нужно было вместо огурцов взять этот самый воздух!

Все согласны.

Дунет ветер — в коротких злых извивах поземки исчезнут кусты в долине Амгуэмы, и снова, совсем по-январски, угрюмо начнет посвистывать в них пурга. Холод. Но солнце уже не уходит.

Так начинается «весна света» на Чукотке.

О ПТИЦАХ, ЦВЕТАХ И КАМНЯХ

Море и тундра смыкаются зимой незаметно, они белы и молчаливы. И, может быть, именно поэтому короткое лето стремится подчеркнуть всю разницу между ними.

Море... Мерно покачиваются на воде последние льдины. Солнце и ветер выделали из них причудливые фигуры, очень похожие на те, что вырезал мне на прощанье еще неумелыми руками маленький Кавьянто. Черными комочками хлопотно снуют между ними хозяйственные краснотопые чистики и солидно вздымают брызги при посадке грузные гаги.

Тундра живет лихорадочной жизнью. Низко над озером пролетает торопливая утиная стая, резко шлепается на воду и снова срывается куда-то по собственным утиным делам. Домовитые кулики тонкими соломинками ног неустанно крестят песок и исследуют землю темными бусинками внимательных глаз. Они наивны и трогательны в своей доверчивости. Вездесущие чайки кажутся здесь еще горластее и нахальнее.

Цветы тундры почти всегда тихи и незаметны. Темная накипь лишайника одевает в строгий монашеский наряд камни. И вдруг из них цезатеи-

ливой пестротой выглянут цветы камнеломки или селены. Мягкая и спокойная ласковая зелень куропачьей травки, вялы и анемичны колокольчики.

О чукотской незабудке написано мало стихов, но она их бесспорно заслужила. Ее крохотные голубые озерца усыпают нагретые солнцем камни, и те неожиданно приобретают праздничный, жизнерадостный вид. В миниатюрности и почти южной, бьющей в глаза голубизне незабудок так много робости и неожиданной ласки, что даже наш завхоз Саньков, не верящий ни во что, кроме фактур и накладных, старается не наступить на веселую «улыбку Арктики».

ДЖУНГЛИ СЕМИДЕСЯТЫХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ

Низовья тундровых рек даже на карте кажутся пугающе непроходимыми. Мелкие овалы термокарстовых озер сотнями точек усыпают долину, разъединяющие их мостики суши кажутся хрупкими и ненадежными. Может быть, именно поэтому особенно манят к себе зеленые, вытянутые вдоль реки ленты кустарников. Человек спешит сюда, спасаясь от засасывающих ноги моховых впадин, от надоевшего чередования осоки, воды и пушицы.

Кустарник встречает мягкими объятиями тальниковых веток и затягивает вглубь быстро и незаметно. После привычного травяного бессилия тундры зеленое буйство листьев, двухметровые ветви кажутся почти чудом, ненужной и неоправданной растительной роскошью.

Постепенно выясняется и другое. Тальник упруг и как-то особенно непочтителен к человеку. Узловатые искривленные ветви, переплетаясь между собой, закрывают путь вперед, низко виснут над речными перекатами и смыкаются все теснее и теснее. Сто метров, двести, триста... Если верить карте, впереди еще два километра. Все так же непроходима тальниковая стена, и от мысли пройти напрямик приходится отказаться.

Снова лезут, бьют по глазам жесткие ветки, скользят и пружинят под ногами искореженные стволы. Первобытный способ передвижения на четвереньках оказывается наиболее рациональным.

Дорога назад кажется вдвое длиннее и утомительнее. Конец! Кустарник остается жить своей замкнутой жизнью, наполненной птичьим пересвистом и размашистым переплетом заячьих следов.

И снова, проваливаясь между кочек, проклинаемая невиданный каприз заполярной природы, шагают впереди люди, уже осторожнее огибая обманчивую зелень «северных джунглей».

ЛЮДИ РЕСПУБЛИКИ ЭРГУВЕЕМ

Человек бежит нам навстречу, ловко бросая по кочкам чуть согнутые в коленях ноги. Первый встреченный за сотню километров пути.

— Етти!

— Оу! Етти!

Знакомимся.

— Николай Кавьегги, пастух.

Стадо недалеко за поворотом. Кавьегги еще тяжело дышит и вытирает рукавом кушлянки пот. Но на лице светится радостная улыбка. Еще бы: новые люди в тундре!

Палатка пастухов стоит в отдалении от реки — казалось бы, очень неудобно. Даже за водой для чая надо каждый раз спускаться вниз. Зато отлично видно все разбредающее по долине стадо.

Тут же, на земле, два карабина.

— Волки, — говорит Кавьегги, кивая на оружие, и делает вид, что прицеливается. Все смеются.

Знакомимся с другими пастухами. Их трое: Кутгы, Тымкуль и Гыргольтагин. И пока Кавьегги свежует только что убитого оленя, мы беседуем и рассматриваем друг друга.

Что-то общее сквозит в облике каждого из пастухов, и я никак не могу понять вначале — что это. Тымкуль поднимается, чтобы сбегать к реке за дровами, и меня вдруг осеняет: легкость! Да, именно необычайная легкость в движениях всех: и у молодого Тымкуля, и у седеющего Кавьегги. Жизнь пастуха проходит в большом физическом напряжении и требует, я бы сказал, солидной спортивной подготовки. Только опытный человек в состоянии оценить, как трудно собирать по кочкам разбредающее в поисках грибов стадо или вскипятить на крохотных побегах полярной березки чай, сварить обед. Всем этим пастухи владеют с непостижимым искусством.

— Скучно, — жалуется Тымкуль. — Кино нет, радио нет, людей нет. Живем, как в отдельной республике...

В самом деле, до колхозного поселка около двухсот километров — почти половина Франции по широте. За перевалом, километрах в семидесяти отсюда, другое стадо этого же колхоза.

— Бегаем в гости друг к другу...

Как-то по-северному лаконично и просто: «Бегаем!»

Пора уходить. Вместе с нами Кавьегги идет посмотреть стадо. У речки прощаемся. Глядя, как быстро пропадают за холмом его чуть тронутая сединой голова и широкие плечи, я начинаю понимать, как можно просто «сбегать» по кочкам за семьдесят километров...

Плывем вниз по Эргувеему. Через день снова

встреча. В одиночку, с маленькой резиновой лодкой за плечами, спешит в стадо зоотехник. Всю дорогу он несет с собой удилице из лыжных палок.

— Мой обед,— он кивает на свою примитивную снасть.— Закинул — и пара хариусов!

Где-то следом за ним идет еще один работник колхоза с газетами и новостями. Тымкуль оказался не совсем прав, когда жаловался на одиночество.

И из того, что по всей двухсоткилометровой долине Эргувеема спешат по делам люди, становится веселее и нам.

«МОЯ ЧУКОТКА»

Изрядно натерпевшийся, с оборванным переплетом томик Чернышевского начинался со статьи «Труден ли выкуп?». Мы нашли его в верховьях Курумкуваам среди низких зарослей полярной березки, где он, видимо, переждал не одно лето и зиму. Позднее нам удалось узнать, что книга была потеряна заблудившимся в пургу каюром.

Чернышевский в тундре... Я вспомнил об этом сейчас, в маленьком, обитом жестяными ящичками из-под галет магазинчике книготорга в бухте Провидения. Каждый запасался литературой перед долгим перелетом в Москву.

Маленькая книжечка привлекла наше внимание. Чайки и скалы на простой обложке. Виктор Кеулькут — «Моя Чукотка». Сборник стихов одного из первых поэтов-чукчей. От слов «первый поэт чукотского народа» повеяло вдруг уже далекими днями нашего поколения понятиями. Стихи нам понравились.

Иногда от людей я слышал,
Что у нас не житье, а горе:
Злые ветры срывают крыши,
Постоянно бушует море.

Ни весны, мол, у нас, ни лета...
Вы спросите Чукотки сына —
я отвечу:

— Неправда это!

Мы улетали, чтобы снова вернуться сюда. Низкие сопки, галечниковые отмели рек, серебряные медали тундровых озер проплывали под крылом самолета. Проплывала земля, где уже прошли мы, геологи, где есть уже рудники и заводы, поселки, даже города, но где ждут еще своих Пришвинных, Кольцовых и просто людей, умеющих ее понимать!

крупным и благоустроенным поселком на Западной Чукотке — десантный отряд индустрии и культуры страны. Одно за другим — серьезнейшие открытия, бурный процесс становления и развития геологоразведки и промышленности. А за всем этим стояли обыкновенные парни, их головы, руки, ноги — главные инструменты, которые пробуждали к новой жизни огромный край. И снова река событий и образов полномерно вливалась в писательский портфель Куваева. Они впоследствии воплотились в рассказы «Анютка, Хыш, свирепый Макавеев», «Берег принцессы Люськи» и ряд других. А затем и в главную работу его жизни — роман «Территория».

Наверное, Олегу Куваеву еще и просто повезло, что попал он сюда, в центр рождения новой Чукотки, именно в те годы и именно в качестве геологоразведчика, представителя нужнейшей здесь профессии. Молодой геолог переступил порог Чаунского управления в 1958 году, когда Чукотка переживала второе промышленное рождение, самое значительное в своей истории. Олег был хорошим профессионалом — об этом говорят результаты его исследований, официальные документы. И все-таки оставил любимое дело — мучался, колебался, но оставил — ради литературы.

С первым рассказом-эссе «По земле чаучу и кавралинов»* Олег пришел в наше литературное объединение при районной газете «Чаунская правда» зимой 1959 года. Объединение было молодое и далеко не зрелое, но и в том качестве мы сумели понять достоинства рассказа, несмотря на затрепанность темы от частых употреблений. Одобрительно были встречены и следующие рукописи — «Ошейник», «Зверобой», «С тех пор, как плавал старый Ной» (в первом варианте), хотя в те, не замутненные сомнениями годы мы едва ли склонны были считать кого-либо талантливее себя. Склонен думать, что и сам Олег наверняка в те годы не считал литературные пробы своим главным призванием, тем более, что писал он медленно, долго, многое написанное переделывал, вообще не был доволен тем, что получалось. Да и времени ему не хватало, основная работа требовала большого напряжения сил. Если честно, то никак не скажешь, что мы перегружали себя попытками писать, и как-то не замечалось, что Олег незаметно, упрямо, выкраивая несчастные свободные часы, далеко не в пример нам все же доводит задумки до конца. И как-то незаметно получилось, что он все чаще публиковался в областных газетах и в издательстве, где он довольно быстро был признан.

— В геологию меня не требовалось тянуть, я с детства был на нее настроен. А вот в литературу нужно было подтолкнуть, теперь я вижу это. Ваш околотитулярный кагал (имелось в виду литобъединение.— В. К.) не очень убедителен, но он помог понять, что я кое-что могу. Не знаю только, справлюсь ли с двумя большими увлечениями сразу...

Он еще несколько лет пытался примирить в себе геофизика и литератора, найти силы и время для двух любимых дел, но не смог. Халтурить же не привык — и выбрал литературу. Но это будет чуть позже, а пока началу он много работает и проводит ряд серьезных геофизических исследований, а одновременно все настойчивее, активнее занимается литературой. К сожалению, с 1961 года я видел все это нечасто, при редких встречах, а больше по письмам — Олега перевели в Магадан; но и по переписке было ясно: работается трудно, и он не очень доволен собой. Вот письмо ноября 1963 года:

* Чаучу — оленевод, житель тундры. Кавралин — охотник на морского и пушного зверя.

«Сделал пару рассказов. Один опубликовали. Второй где-то бродит. Подчистил книгу. Всего набралось девять листов. Книга так себе. Если вторая будет не лучше — брошу писать. Ключ для романа нашел... Пора писать серьезно, хватит валять дурака. Модерн и прочие «измы» для серьезного дела бесплодны...»

А через год эта мысль звучит еще резче, определеннее:

«Я многое критически пересмотрел и в себе. Пора, пора переставать быть мальчиком, время «начинающего таланта» кончилось. Кончилось и то время, когда и тебе прощают слабости, и ты их себе прощаешь. Либо ты что-то есть, либо ты нуль. Это уже должно решаться...»

В 1961 году для проверки одной многообещающей геофизической идеи отряду потребовалось пройти морем от Певека до мыса Биллингса. Олег дал телеграмму: «Нужна хорошая лодка». Мы наперебой предложили несколько лодок-самоделок. Встрял со своим предложением и Николай Семенников. Где-то на морской свалке он откопал скелет судовой шлюпки-двойки, кое-как привел ее в божеший вид. Олега прельстили истинно морские обводы этого обшитого фанерой рыдвана. Переживать и горько каяться он начал уже потом, по ходу дела. Николай сначала долго искал и наконец нашел соответствующий судно мотор. Затем еще дольше устанавливал его на лодке. В воздухе густо висели всякие спецслова, но ни вал с дейдвудом, ни винт никак не хотели устанавливаться на лодке в нужном положении. Тесно населявшие берег Чаунской губы лодководы и любопытные прохожие уже в открытую ехидно ухмылялись и градом сыпали советы. Олег маялся и зеленел: прошел июнь, заканчивался июль — лучший, самый спокойный месяц для плавания вдоль побережья Ледовитого океана, а работу отряд еще не начинал. Однако взять другую лодку Олег упрямо отказывался — он не любил менять принятое решение, да и вятское упрямство, наверное, делало свое дело.

Наконец, когда чуть ли не прошли все сроки, морскую посудину спустили-таки на воду. Под глухое и удивленное молчание толпы сочувствующих мотор все же завелся, и лодка поплыла. Правда, примерно со скоростью пешехода и грацией утюга, но поплыла. Быстрые сборы, и морской отряд СВКНИИ под руководством О. М. Куваева двинулся к мысу Шелагскому. Требовалось всемерно спешить, ибо надвигался август, месяц жестоких осенних штормов в Арктике. Ребята почувствовали это на себе в полной мере: волнение на море мешало капризным приборам производить точные замеры, штормы не раз заставляли высаживаться на берег и терять драгоценное время, нередко холодало, и лодка обмерзала коркой льда. Но с тем же упорством, что и в дни ожидания на берегу, прямо-таки с фанатичной настойчивостью Олег продолжал плавание и работу.

Закончилось оно тем, что на обратном пути лодку все же выкинуло штормом на берег. Ребята с большим трудом спасли ее, дорогую аппаратуру, часть имущества и на перекладных, где трактором, где вездеходом, добрались до Певека. Но работа была сделана.

Помимо нее, это короткое плавание дало Олегу богатый литературный материал. Он достаточно подробно описывает его в одной из глав автобиографической повести «Два цвета земли между двух океанов». На этой якобы лодке, названной им «Чукчанкой», Олег с тем же Николаем Семенниковым в повести «Не споткнись о Полярный круг» будто бы плывут вверх по реке Чаун, добираясь до легендарного высокогорного озера Эльгыгытгын. Но пути на Биллингс ребята высаживались на острове Шалаурова, и посещение метеостанции здесь

дало Олегу задумку и материал одного из лучших, на мой взгляд, рассказов «Где-то возле Гринвича», написанном позже и в несколько иной манере, чем ранние произведения. Различные перипетии того же плавания в сочетании с другими жизненными коллизиями дали основу и для рассказа «С тех пор, как плавал старый Ной».

Рассказываю так подробно об этом плавании и подготовке к нему не только, чтобы очертить некоторые особенности характера Куваева, но и главным образом для утверждения, что подавляющее большинство его произведений — это художественно преломленные слески с жизненных событий и реальных людей.

Вспомним хотя бы, о чем разговор в его «Ное»? Попал человек на маленький, почти голынький остров — один песок и немного травы, — приплыл на лодке с моторчиком — из-за увлеченности своей профессией палеонтолога и из-за природного любопытства. И допустил оплошность, можно сказать, роковую в данной ситуации: небрежно закрепил лодку на берегу и не вовремя заснул с устатку. А когда вторых установленная палатка свалилась ему в буквальном смысле на голову, пришлось проснуться и вдобавок убедиться, что лодочка-то тлю-то... Сорвало ее штормом и гонит южным ветром в направлении Северного полюса. На чем перебраться через пятидесятикилометровый пролив по стылым северным водам к материковому берегу? И начинается поначалу интеллигентно-научное ожидание неминуемых спасателей на большом вертолете, потом мысли потрезвее, что могут ведь и не найти, а уж совсем потом — как спастись. Самому, собственными силами — плавали же черт знает куда и бог знает в какие времена наши предки!

И начинается эпопея самоспасения: строительство примитивной лодки из подручных средств и почти без инструментов. Появляются в процессе утомительного строительства — то ли в полудреме, то ли в усталой прострации — в качестве добровольных советчиков давно почившие в бозе древние мореплаватели, отчаянные пираты и прочие призраки. Мистические разговоры с ними бесполезны в смысле деловых советов и в порядке поддержания крепости духа, уверенности в своих силах.

Все это излагается в такой юмористической форме и таким языком, что вроде бы и не очень боязно за неловкого героя, но и тревожно все-таки. И радостно за него — молодец, сухарик-палеонтолог, книжная душа, может постоять за себя!

— Да ведь это же сам Олег! — скажут его тогдашние коллеги по работе и пожмут плечами: а чего здесь особенного? Действительно, ничего особенного с их позиций. Со многими геологами в те годы случались похожие истории (вспомним «Территорию»). Было нечто схожее и с Олегом — он с товарищем по работе «в одна тыща девятьсот...» выбирались с такого же острова на задрипанной самодельной лодке — 50 километров до материкового берега — в холодные дни поздней северной осени. Последние метров триста пришлось одолевать вplash (лодка стала тонуть), сбрасывая по пути намокшие ватники и тяжеленные сапоги. Чуть не дохленькими выбрались они на берег — но ведь выбрались же!

Летние работы его отряда в низовьях реки Колымы, зимние полеты в глубь Северного Ледовитого океана для геофизических замеров со льда также дали литературную отдачу: значительная часть повести «Два цвета земли между двух океанов», рассказ «Через триста лет после радуги», задумка и многие отправные данные повести «Птица капитана Росса» (в дальнейшем «Тройной полярный сюжет»), а также кое-что для последнего из опубликованных, но так толком и не дописанного романа «Правила бегства».

Зимние работы на острове Врангеля и летнее пла-

вание вдоль побережья Чукотки (от устья реки Амгуэма через Берингов пролив до бухты Провидения) дали материал для главы в повести «Два цвета земли между двух океанов», рассказов «Старый-престарый способ дороги», «ВН-740», «Чуть-чуть невеселый рассказ», здесь же родился первый вариант повести «Чудаки живут на Востоке».

Обилие интересного материала, полученного в таких и иных поездках и работах, новые люди и жизненные ситуации, естественно, заставляют Олега задумываться, глубже осмысливать виденное, сравнивать и анализировать сходные и разнящиеся характеры, явления, в какой-то мере пересматривать свои мировоззренческие позиции, менять манеру и направленность творчества. Позже, в июле 1965 года, он так напишет об этом:

— Через два года на произведение в стиле «уральчиков» и «ужас природы» будут плевать... Наступает время философской раздумчивой литературы. Не знаю, понял ли ты это. В редакциях же понимают, проверенно умные люди, те самые, которые в свое время подняли на щит «Люську» и «Ноя», говорят, что я стою на правильной дороге. Если я им принесу сейчас вторую «Люську», они скажут: «Это великолепно, Олег, это мы опубликуем, но мы ждем от тебя большего». Я от него (Олега) тоже жду большего, а не топтания на одном уровне, одной манере, одном цикле проблем...»

А в ноябре 1972 года он высказывается еще конкретнее:

«Надо писать о рабочем классе. Писать о нем весьма трудно, ибо... тема достаточно испорчена плохой литературой и прочее. Написать историю «Валькумея», но так, чтобы это была не история, а сегодняшний день, и чтобы во главе угла был все-таки рабочий и работа, а не пурга, которая говорит «у-у!», и не старый Гемауге, который бегаёт где-то рядом. Вся экзотика — это лишь внешний антураж, необходимый лишь постольку, поскольку это касается рабочего класса...»

И на практике, в своем творчестве Олег начинает заметно менять не только манеру, но и содержание того, что он пишет. Постепенно на первый план выходит существо дела и его результаты, а не форма, то есть внешний показ работы. И с героями происходит то же самое: если прежде Олег показывал их характер и давал им оценку через событие, через выполнение какого-то процесса, то теперь наоборот, он стремится суть процесса, содержание какого-то события показать через характер героя, через его отношение к делу, а не через показ механики выполнения. Душевный мир героя, его мировоззрение вообще-то всегда находили место и в ранних рассказах, но главными основополагающими они начинают становиться только с рассказов «Где-то возле Гринвича», «Чуть-чуть невеселый рассказ» и ряда других, последующих, усиливаются в повестях «Весенняя охота на гусей» и «Птица капитана Росса», а полное социальное развитие получают в романах «Территория» и «Правила бегства».

1967 год, когда Олег уже жил и работал в Москве свободным литератором-профессионалом, ознаменовался бурным всплеском переписки, временами приобретающей телеграфный стиль и форму. Олег со страшной силой рвался на Чукотку, хотя незадолго перед этим категорически отказывался от приглашений, ссылаясь на загруженность работой — он действительно много публиковался в те годы. И вдруг телеграмма:

«Ребятки зпт где вы вопрос Могу (и) очень хочу (к) вам тчк. Отзовитесь зпт ради Магомета вкл».

В пределах досягаемости этого вопля поначалу оказался один я — и поспешил заверить его телеграммой и сразу же письмом, что пока ни одна сопка на нас не обрушилась, так что живы-здоровы, а если он не верит

бумаге, то может приехать и пощупать нас, как сукно в купеческой лавке. Предложил и интересный вариант совместной поездки — озеро Эльгыгытгын. Ответ не замедлил, — но не буду терять время на рассказ о двухмесячной подготовительной переписке. В конце первой декады июля я встретил Олега в Певеке, как он просил, и... — дальше читай повесть Куваева «Два цвета земли между двух океанов», глава седьмая. И на самом деле было долгое и нудное сидение в аэропорту Апапельгино, и длительные переговоры с авиаторами, и перехваченный из-под носа у не очень разворотливого снабженца самолета, который вообще-то все равно должен был выполнять рейс на озеро, но это могло произойти и намного позже, если бы не повезло, и, наконец, легендарное озеро, где и началось наше «великое сидение», как мы его иногда называли.

Поводом к нему, по официальной версии Олега, был поиск новых тем, в частности, розыски следов обитания «очень большого медведя» Чукотки, о котором ходило немало интригующих слухов, почти легенд. Олег так пишет об этом в той же седьмой главе:

«...Общий план сводился к следующему. На Чукотке есть горное озеро Эльгыгытгын. Оно расположено в центральной части Анадырского нагорья... Район озера, находящийся в центре этой сумятицы, один из самых глухих на Чукотке... И если где-то бродит канадский «аклу» или кадьяк, то чукотский «аклу» запросто мог сохраниться среди сотен глухих долин, окружающих озеро...»

Что же нашел здесь Олег? Ничего того, что предусматривалось официальной версией. А все-таки повесть-поиск, повесть-раздумье появилась и оказалась достаточно интересной. Если же оставить в стороне официальную версию, то, думается, не только в этом и в первую очередь не в этом заключалась для него необходимость побывать на Чукотке. Что-то явно не ладилось в то время в жизни моего друга — уж больно отчаянными были его последние письма и телеграммы. Да и в Певек он приехал какой-то расхристанный, не собранный, я бы сказал даже, потерянный — таким угнетенным я Олега ни разу не видел. Ему явно требовалось посидеть где-то в глуши и крепко подумать. О чем — друзья не спрашивают, они говорят сами, если посчитают нужным. И выходило, что озеро для него как раз то — потому после суточного сидения в аэропорту мы оказались на груди своих и чужих вещей в тесном металлическом корпусе неприхотливой работящей «аннушки».

И вылет, и сам полет, и посадка — все в тот раз проходило с трудом, закончилось и вовсе плачевно: самолет при посадке «подломал ногу». Посадочная полоса была дрянненькой, да и ту уже размесили колеса ранее прилетающих «аннушек». Разумеется, все закончилось благополучно, даже без порядочных синяков — так, мелочи. Но психологическая встряска двух последних дней была приличной. Олег начал на глазах оживать. А разгром «на базе», учиненный внеочередной июльской пургой, по-моему, вообще привел Куваева в тихий восторг. Это потом мы сообразили, что ему в тогданнем психологическом состоянии просто необходима была простая грубая работа, а тут ведь предстояло приятное и любимое дело — устройство походного лагеря. А затем и другие не менее приятные вещи: разборка снаряжения, чистка ружей, подготовка патронов, устройство столика под пишмашинку...

В общем, полазав пару раз по окрестностям, особенно после удачной охоты на диких оленей (какая восхитительная вещь — приготовленная на природе оленья грудинка!), Олег окончательно пришел в себя. А тут еще изумительная рыбалка! — не знаю, с чем сравнить по

нежности и вкусовым качествам эльгыгитгынского гольца, по-моему, нет ему равных.

Как же здорово было вновь видеть Олега привычным для нас добродушно-немногословным, а при случае и остро ехидным парнем, прежним славным товарищем. Где-то через неделю он начал работать. Видно было, что пишется ему с трудом, а временами не пишется вовсе, но заряда бодрости и энергии явно добавлялось. И вскоре вечером за крепким чаем мы услышали по-старому восторженный рассказ о диком олене с чудо-рогами, с могучим идеально отточенным природой телом — хозяине здешних горных пастбищ, Олегу удалось подсмотреть его с «гаремом» во время одной из дальних прогулок. В общем, друг наш явно пришел в себя, что-то в нем перегорело, что-то вызрело, заново осмыслилось — он был готов работать. Наверное, поэтому, пробыв на озере меньше месяца, Олег вдруг засобирался, хотя раньше предполагал пожить здесь вдвое больше, и улетел первым прорвавшимся сюда самолетом.

Что в нем зрело и во что вылились здешние раздумья, какая шла ломка в мироощущении, оценке окружающих событий и представлений, мы в значительной мере поняли, когда вышли в свет повести, замысел которых, возможно, возник и не здесь, а созрел и окончательно оформился именно на озере. Я имею в виду не столько повесть-очерк «Очень большой медведь», сколько вторую — «К вам и сразу обратно». Именно в ней и на конкретных людях и событиях, несколько видоизменив их, Олег впервые представил в своем творчестве беспринципного карьериста Грачина, идущего к собственному благополучию и спокойствию по головам и судьбам подчиненных. Тогда уже, думаю, Олег занимается будущей «Территорией», идет процесс сбора и осмысливания информации, и «сидение» на Эльгыгитгыне, архивные поиски в Певеке, тогдашние раздумья и внутренние настроения, на мой взгляд, оказали немалое влияние на роман, на трактовку его образов, опять-таки четко полярных, чего далее практически не встречалось.

Герои Куваева, как правило, совершают неординарные действия, живут в сложных, а иногда и в крайне сложных условиях. Читать об этом интересно. Но чем дальше вчитываешься, тем четче проступает сквозной юмор и увлекательность сюжета: вопрос: «А ты смог бы? И если можешь, то почему не делаешь?» Думай, читатель, примеряй на себя события, о которых читаешь, а не валяйся в неге на мягком диване под розовым торшером... Этот вопрос ставят многие произведения Куваева, а в романе «Территория», главной работе его жизни, он уже задан не исподволь, а в лоб: «Так почему же вас не было на тех тракторных саях, и не ваше, а чье-то лицо обжигал морозный февральский ветер? Где были, чем занимались вы все эти годы? Довольны ли вы собой?» И во втором, так и не отшлифованном до конца романе «Правила бегства» — помешала смерть — он всем ходом повествования ставит тот же вопрос и, думается, поставил бы его острее, чем прежде, сумей довести работу до конца. И в третьем, так и не написанном романе «Последний охотник» — то же самое, хотя я знаю о нем только по рассказам Олега и нескольким черновым наброскам.

Да иначе и быть не могло, Олег только так мог оценивать людей и их место на земле. Жизнь геолога — в основном коллективная жизнь, геологическая партия или отряд — группа людей, объединенных не только общей палаткой, котлом, но и раз и навсегда установленными правилами поведения, сплоченных общей задачей, порученным делом, выполнять которое каждый должен только хорошо, иначе бесполезны окажутся усилия всех

остальных. На Чукотке предельно сложные условия работы и жизни геолога делают такую общность вдвое-втрое прочнее — на этом и был отшлифован характер Куваева, его принципы отношения к делу и людям. Об этом он говорит и в письмах, например, в октябре 1974 года:

«Я всегда считал и считаю, что если кому-то или чему-то служишь — служи. Нет хуже занятия, чем кухонная трепотня...»

И еще в одном — в крайне тяжелый для него период личных потрясений: «...живу я сейчас в глубочайшей моральной растерянности и только один свет в окне: работа, работа и еще раз работа...»

Емким было это его «служи» — служи делу и людям изо всех сил. И к Чукотке он относился так влюбленно потому, что именно здесь сформировались его жизненная позиция, характер, главные увлечения, здесь встретились те люди, на которых хотелось и стоило равняться. И он постоянно стремился сюда — и для дела, и для души. И что ни письмо — о Чукотке.

Июль 1967 года.

«Ребятки, понял я, что нет нам, пока нас таскают ноги, жизни без Севера... ночами гляжу в палатке при свете фонаря на карту Чукотки и плачу мутной теплой слезой, которая смешивается с моим потом и хилыми трупами здешних комаров. Нешто здесь комар? Вот у нас там комар. Настоящий комар, шурфовщик...»

И это — из Темрюка, с побережья Азовского моря, в «золотой» август — казалось бы, что еще нужно человеку?! А вот письма от января и июня 1974 года:

«Хочу на Чукотку — силов негу... На весну у меня и планов нет, как к вам ехать...»

«Все идет нормально, кроме одного — высохла душа по Чукотке и по общению со своими ребятами...»

Наверное, в каждом творческом по-своему характеру человеке живет немного от мальчишки, немножко от романтика, немножко от бродяги — в хорошем понимании этих слов, — рвущихся в неизведанные дали и странства, в невиданные земли и моря, где он сделает то, что никто до него не сделал. У Олега был полный набор этих «комплексов», а к ним еще добавлялось: «Об этом я напишу». Так рождались проекты «вдоль и поперек продуманных» походов — наших, личных, за свой счет и на свой риск. Многие из них осуществились — и на стол читателей легли увлекательнейшие книги.

Одна из экспедиций была «голубой мечтой» Олега: пройти на небольшой лодке под парусом и мотором от Певека до Архангельска — ведь так, с востока на запад, не ходили даже железные мужики-землепроходцы!

Октябрь 1967 года.

«Кстати, подтверди-ка ты мне свою первоначальную готовность двинуться морем с востока на запад. В крайнем случае, мы и вдвоем двинем...»

Июль 1970 года.

«...И что с «дори» (тип лодки. — В. К.)? Поплывем мы в какое-либо лето на запад, к реке Индигирке, или нет?..»

Октябрь 1974 года.

«...Вариант яхты пока в воздухе. Но я могу получить вельбот в Provideni, Анадыре... Вельбот этот будет требовать переделки... Я пойду на эту авантюру, если ты дашь клятву май — июнь работать со мной на доводке сего судна...»

Остается только сожалеть о несостоявшихся экспедициях и о невыведенных книгах, о том, что так мало прожил и в расцвете таланта скончался мой и твой, читатель, друг — Олег Михайлович Куваев...

ТАЁЖНЫЕ БЫЛИ

Александр БАРКОВ

Рисунки Е. Охотникова

Есть счастливые люди, которые имеют такой слух, что, скажем, в хоре весеннего леса могут различить голоса знаменитых пернатых солистов, а затем поэтично сделать «перевод» с птичьего на язык человеческий. К таким людям принадлежит Александр Барков.

Всегда с живым любопытством читаю его рассказы о природе. Главное в них — любовь к родной земле, к ее лесам и водам. Близка Александру Баркову и тема истории — будь то Великая Отечественная война или война с Наполеоном в 1812 году.

Писатель создал более двадцати книг для детей и юношества, воспитывающих чувство патриотизма.

Александр Барков родился в 1935 году в Москве. Детство его и ранняя юность прошли на берегах Камы. До того, как взяться за перо, он работал в сельской школе, вел биологический кружок, ходил с ребятами в лесные походы, собирал с ними коллекции минералов, помогал колхозникам убирать урожай. Участвовал он в геологических и орнитологических экспедициях.

С блокнотом журналиста Александр Барков много ездил по Сибири и Дальнему Востоку, побывал в Казахстане, Средней Азии и за Полярным кругом. Впечатления от путешествий и питают его писательскую мысль...

Михаил ШЕВЧЕНКО,
лауреат премии Ленинского комсомола.

Егерь Глеб Иванович Болотов вершит на таежной поляне стожок, укладывая на него последние навильники только что убранного сена. Неподалеку видны еще два стожка, сметанные вокруг лиственниц. Поляну окружает густой хвойный лес.

Я сижу на валежнике у костра, кипячу в чайнике брусничник и поглядываю на егеря. Пахнет кипреем, земляникой и сеном.

Старику на вид лет семьдесят, а на самом деле гораздо больше, потому что он помнит: когда был мальчишкой, то видел, как падал Тунгусский метеорит. А это случилось очень-очень давно. Но старик еще крепок: сено косит так проворно, что за ним не всякому молодому угнаться. К примеру, эту вот широкую поляну за два дня, говорит, выкосил и даже не охнул. И сено бы один нынче сгреб и сметал, если бы я ему в помощники не напросился. А напросился я потому, что захотелось мне побывать со старым егерем вдвоем и послушать его таежные были. Былей он знает множество и рассказывает их охотно. Я так люб-

лю его слушать, что ради этого приехал к нему на кордон, где он живет с бабкой Евстолией.

Приехал я не с пустыми руками: бабке привез мятных пряников и расписной платок, а ему — грецких орехов, зная, что дед любит их пуще меда. Расколов один, он с аппетитом съел ядро и поблагодарил меня:

— Спасибо за гостинец. Только ты, Саша, не отделеешься от меня орехами. Я ведь по глазам вижу, что ты байки мои таежные послушать приехал. А байки-то нынче вздорожали.

— Это как понять? — удивился я.

— Очень даже просто. Сейчас растолкую. А пока послушай-ка байку старых времен, когда звери ко мне прямо чуть ли не в дом прибегали.

— Да ну? — усомнился я.

— Отпади у медведя хвост, если брешу! — шутливо поклялся дед и обратился к жене: — Естья!

— Чего тебе? — откликнулась бабка Евстолия.

— Вот городской не верит. Считает, брешу. Защити!

— Нет и нет, Саша, — вступилась за мужа бабка. — Не брешет Глебка. Да и зачем ему брехать, наша таежная жизнь куда богаче всяких выдумок.

— Вот! — торжествующе воскликнул дед. — А теперь слушай. Дело было зимой. Помню, Верба, лайка моя, однажды шум подняла. Цепью гремит. Я хватъ ружье, выбежал во двор — и что же? Вижу: в углу косуля прячется. Верба лает-заливается, но не на косулю, а в другую сторону, за забор куда-то. Я туда шасть, а там волчище! Замерли мы оба. Я про ружье забыл. И вдруг как закричу: «Пошел во-он, серый черт!» Волк прыгнул в сторону, и был таков. Я сплюнул с досады и метнулся к косуле, а та дрожит. И вот что мне она рассказала...

— Так уж и рассказала?

— Да, рассказала, — егерь, не моргнув глазом, продолжал твердо: — Конечно, не человеческим языком, а видом своим: бок-то у нее порван. А это значит, волк, погнавшись за ней, цапнул, да неудачно. Ну, а она от страха прыгнула через забор — к собаке, к людям: «Защитите, мол».

— Любопытно, — сказал я. — Ну, а как все же понять, что байки вздоржали?

— А так: байки мне, сам видишь, тайга-матушка дарит, точнее — зверье таежное. А зверья-то с каждым годом становится все меньше. И, стало быть, баек о нем тоже убавляется. Да, да. Раньше я про ту же косулю мог узнать много интересного не выходя со двора. А нынче мне надо для этого не одну неделю по тайге побродить.

— И какая же теперь им... цена? — улыбнулся я.

— А такая... — почесывая сивую бороду, отвечал Глеб Иванович. — Чтобы я мог новые байки рассказывать, мне надо со зверьем почаще встречаться. А для этого требуется сделать так, чтобы его было как можно больше. Понял?

— Как же, — согласно кивнул я. — Вы предлагаете помогать зверью. И я тут полностью — «за». Но как это осуществить на деле?

— Было бы желание, — неопределенно ответил старик, складывая в рюкзак продукты.

— Глеб Иваныч, а вы далеко собираетесь?

— На покос. Сено грести.

— Может, меня с собой возьмете? — загорелся я.

— Не может, а точно: байки-то надо когда-то отрабатывать.

Мне подумалось: «отрабатывать байки» — значит, помочь старику убрать сено для его коровы и кобылы с жеребенком. Однако я ошибся, но об этом после.

По дороге Глеб Иванович остановился у неглубокого оврага, постоял молча, улыбнулся чему-то своему заветному и начал так:

— На дворе зима. Мороз крепчает. Смеркается. Возвращался я из тайги на лыжах. И вдруг... аккуратно в этом месте, — он указал на куртину, густо заросшую травой. — Прямо перед носом снежный ком с кедра — бах наземь. Поднял глаза: большой темный глухарь на ветке сидит. Растерянный, крыльями хлопает, а взлететь не может. «Что с птицей?» — думаю. А всклоченный глухарь все же снялся и полетел как-то нескладно да на снег и рухнул. Подбегаю к птице, дивлюсь... На снегу лежит, распластав крылья, петух-бородач. А от него в сторону тянется узкая бороздка — след куницы. Только тут я сообразил, в чем дело.

— Глухарь поведаль?

— Нет, куница. Она, видать, выследила, где глухарь на ночлег располагался. Тихонько забралась на дерево и прыгнула на спину птице. Но одолеть сразу здорового мошника силенок не хватило. Взлетел глухарь с перепугу, неся на себе зубастую куницу... Поднял, значит, я загрызенного глухаря, спрятал в рюкзак и помахал на про-

шание кунице варежкой — спасибо, мол, хвостатая, за ужин! Редкий случай. Да, признаться, вскоре я о нем стал забывать, если бы не одна встреча.

— Опять с глухарем?

— Погодь... все одно не угадаешь. Слушай-ка дальше. Как-то летом я приметил на сосне дупло, где жили дикие пчелы. Вот и решил по осени за медом наведаться. Прихватил вечером из дому лестницу, сетку, дымокур. Залез на дерево, сунул руку в дупло, а там пусто. Нет пчел. Улетели, видать, куда-то. Кто ж это меня опередил?

И вдруг поблизости из кустов выскочил какой-то юркий зверек. Чиркнул мимо меня, на сосну взлетел и замер на суку. Луна озарила верхушки кедров и эту сосну. И тут я признал куницу.

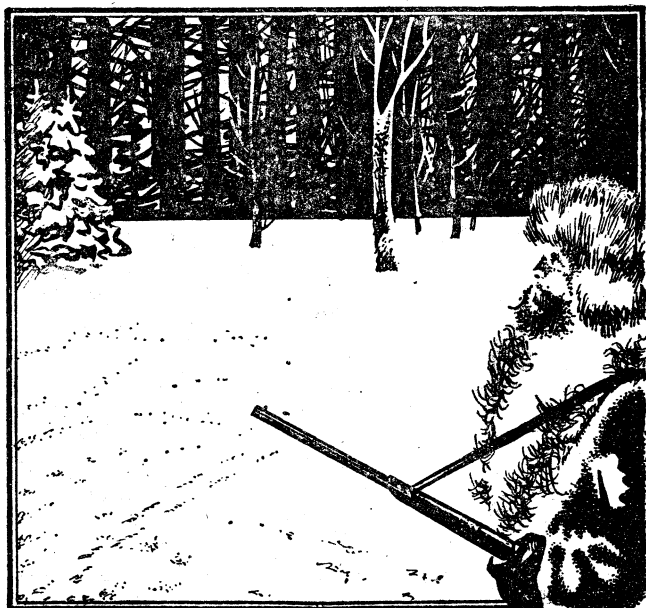
«Так вот, оказывается, кто медком лакомился! Здорово куница мне отплатила: зимой я ее без глухаря оставил, а она меня по осени без меда!»

— Н-да, забавно... — согласно кивнул я и по доброму позавидовал Болотову: — Какая, однако, интересная и приятная у вас работа, Глеб Иваныч: ходи по тайге, поглядывай, запоминай да рассказывай...

— Чего? — переспросил старик и глянул на меня, как на несмышленища. — Приятная работа, говоришь...

Он покачал головой:

— Ты уж прости, Сашок, но я тебе укор выскажу: дружим мы с тобой не один год, а работу мою ты, вижу, не знаешь... Это надо же такое сказать — ходи, поглядывай, запоминай да рассказывай... Ох-хо-хо!..

Дед осерчал и мы долго шли молча. Это заставило меня поразмыслить о егерской работе.

Что, мне о ней известно? Да только то, что егерь, живя на кордоне, имеет участок леса, где следит за животными, ведет учет поголовья, охраняет зверье от браконьеров. А кроме того помогает охотникам, когда те приезжают на отстрел лосей, кабанов и птиц по лицензиям. Вот и все, а это означает, что работу егеря я знаю хуже чем поверхностно, и говорить, будто она приятная, у меня нет никаких оснований. Но если она тяжелая, то в чем конкретно это выражается.

Я шагал за стариком по таежной тропе и ждал, когда же наконец он сменит гнев на милость и мне представится возможность расспросить его подробно о тяготах егерского труда. Однако расспрашивать не пришлось — Глеб Иванович заговорил об этом сам:

— «Ходи, поглядывай...» — передразнил он меня еще раз, но уже без прежней сердитости, а скорее насмешливо. — Так лишь горе-турист может судить о моем труде... Да, хожу. Да, поглядываю. Но только вопрос: как я это делаю, а главное — для чего? Что такое егерь? — загадочно произнес Глеб Иванович, а затем сразу же перешел к разъяснению: — Это в одном лице сразу и звериный охранник, и ветеринар, и зоолог, и ботаник, и фенолог, и эколог, а в общей сложности — культурный страж и друг «лесного народца». Подчеркиваю: культурный! У нас, к сожалению, есть еще немало людей, причем из числа молодежи, которые служат егерями, а в деле егерском невежды. Мастера только шкодить, к тому же порой заодно с браконьерами... Не удивляйся, и такое бывает. Если хочешь, могу не один пример привести. Культурный, настоящий егерь занят заботой не о том, как от леса побольше втихаря урвать, а наоборот, приумножить его живое богатство. А это, смело скажу, большой и тяжелый труд, причем не только физический, но больше умственный. Да, да, умственный! — будто опасаясь, что я стану спорить, горячо повторил Болотов. — Вот тебе хотя бы такой пример. Только сперва давай присядем в тенечке: жарко нынче что-то.

Мы сели под куст на берегу ручейка-бормотуна. Глеб Иванович сорвал пышную ветку папоротника и, обмахиваясь ею, заговорил:

— Так вот... Раньше, бывало, по тайге и часу не пройдешь, как обязательно подшумишь глухарку с выводком. А лет шесть назад начал я вдруг примечать, что этих крылатых великанов становится все меньше и меньше. «Почему же так?» — призадумался я. — Пищи для глухаря вдоволь: он ведь, в основном, хвоей кормится, а сосен да кедрача вокруг предостаточно. Браконьеры тоже не шибко свирепствуют: я за этим строго

слежу. Тогда в чем же дело? Мор какой на моих мошников напал, что ли?» Гадал я так и этак, но ответа путевого не нашел. И вдруг меня осенило — ага, думаю...

— А конкретно?

— Так вот — решил рассмотреть печальный случай с глухарями в связи с другими событиями, происходящими на участке. Потому что в природе все взаимосвязано, все так или иначе зависит одно от другого...

Принял я такое решение и взялся рассуждать. Кто в здешней тайге первый враг глухарю после человека? Куница и соболь. Но куница так сильно глухарей извести не может: ее у нас очень мало. А сколько же соболя? И тут вспомнил, что этого золотого зверька на моем участке не промышляли уже лет десять, отчего развелось его за эти годы столько, что уже обнаглел — стал даже к избушке моей зимой по ночам подходить: то вокруг хлева стежек наделаает, то в огороде по грядкам напетляет — ищет, какой бы животиной поживиться: хищник!

— Погодите, — усомнился я. — Ведь соболь в глухомани обитает. Как же так?..

— А моя избушка в деревне стоит, что ли?! — насмешливо заметил старик. — До ближнего жилья от нее, считай, напрямик тридцать верст, вкруголя и пятьдесят наберется. Предположение, что глухарей соболь истребляет, показалось мне правильным. Но это мне лично. А чтобы другие люди поверили в него, я должен был доказать им свою правоту. А как это сделать?

— Действительно — как?

— А так — ногами, глазами и, конечно же, головой, — стал пояснять Глеб Иванович. — Всю зиму ходил я по тайге на лыжах, осматривал каменистые осыпи, где чаще всего обитают соболи, — считал зверя. Надо заметить, это о-очень мудреное и нелегкое дело — вести подсчет соболиного поголовья.

— Да уж, конечно, — подхватил я, — следы-то у всех соболишек одинаковые.

— Вот именно, одинаковые. Но зато... — Глеб Иванович многозначительно поднял палец. — Зато у каждого отдельного зверька повадки свои, неповторимые, как отпечатки пальцев у людей.

— Вот как! — удивился я.

— Да, да, Сашок. А объясняется это тем, что любой зверек имеет свой характер, натуру!

— А в чем же это проявляется?

— Во многом, но, по моим наблюдениям, чаще всего в том, как соболек берет приманку.

— А разве они это не одинаково делают? — не переставал дивиться я.

— В том-то и штука, что по-разному. Один сперва долго походит вокруг нее, потом хватает

и уносит в чащу. Там и съедает. Другой берет с налету и задает стрелача на дерево. Третий ест без страха прямо там, где обнаружит. Четвертый вообще обходит приданку стороной. Пятый... Коротче говоря, ни один соболек не повторяет манер и повадок другого. Вот как раз этот-то факт и помог мне произвести учет поголовья.

— Значит, вам пришлось разбрасывать приданку по всему участку, который насчитывает не один квадратный километр?

— Разбрасывал, и не единожды, только не на всем участке, а лишь на пяти квадратных километрах: на всем-то и тридцати егерям не управиться, да и ни к чему это,— пояснил Глеб Иванович.— Ведь, к примеру, агроному, чтобы определить урожай пшеницы, вовсе не обязательно выкапывать все поле, ему достаточно взять лишь несколько снопов. Вот и я поступил примерно так же. И в конце концов выяснил, что на моем участке «перепроизводство» соболя. Об этом я тотчас сообщил охотникам и приложил к сообщению данные своих подсчетов и наблюдений.

— И что же?

— А дальше охотники провели отстрел соболя, оставив, говоря по-ученому, необходимое количество для воспроизводства его поголовья, которое не приносит особого вреда глухарям да и боровой дичи. В результате этих мер число глухарей на моем участке нынче начинает помаленьку восстанавливаться. Вот так-то...— закончил свой рассказ Глеб Иванович.

Мы оба поднялись с земли.

— Все это логично,— произнес я.— Но скажите, разве по останкам глухарей нельзя было сразу определить, кто в лесу злодействует?

— Зимой, когда нет пурги, конечно, можно, и я не раз делал это. Но он, соболь-то, в основном, летом истребляет глухарят. Да так, что зачастую никаких следов кровавого пира не оставляет. Вот в чем заковыка. И оттого пришлось мне доказывать свою правоту вычислением его поголовья. Иначе охотники отстрел не стали бы вести. Соболю — это валюта, а валюта — дело весьма важное. Перебей зря соболя — государству убыток. С другой стороны, не отстреляй нужную часть его вовремя — соболь всех птиц истребит и в конце концов сам с голоду перемерет. В результате государство еще больше пострадает. Стало быть, работа егеря — это работа самой что ни на есть государственной важности...

Мы давно уже передохнули в тени и теперь шагали по тропинке вдоль ручья, бегущего по дну таежного распадка.

— Кстати, Сашок,— продолжал Глеб Иванович,— история с глухарями — это лишь капля той работы, какую я переделал в лесу за свой долгий

век и делаю по сей день. Недавно вот ко мне лесоводы приходили — жалуются, что сохатые нещадно выедают и вытаптывают сосновые деревья, посаженные на вырубках, говорят: «Укrotи, Иваныч, окаянных сосноедов, иначе наш труд пропадет, а он стоит ни много ни мало, а триста тысяч рублей!» Сейчас ломаю голову, как сделать так, чтобы сосенки остались целы и лоси были сыты. Ох, дела, дела!..

Глеб Иванович сокрушенно крутнул головой и продолжал:

— С другой стороны, у меня нынче намечается большая схватка с лесорубами, которые намереваются вырубать кедрач в Урманской пади. А падь эту оголять от кедрача никак нельзя! Ведь кедрачи — наипервейшие хранители влаги, и если их вырубить, то все ручьи пересохнут и реки обмелеют. К тому же кедрачи — дом пушиного зверя и многих птиц. Сколько уже об этом писано и говорено, а им, лесорубам, хоть кол на голове теши — не внемлют.

Глеб Иванович рассуждал еще долго и убедительно, а я жадно слушал его. Нет, судил я теперь, егерство требует глубоких знаний, смекалки и опыта, а уж про то, что оно, как выразился сам Болотов, «государственной важности», и сомнений быть не может.

И еще я открыл для себя, что смотрю на Глеба Ивановича с удивлением. Он ровесник века и, казалось бы, зачем ему, старику, отдавать себя всего заботам о зверье, а главное — о будущем леса, которого он сам уже не увидит, а не — отдаст, причем без остатка. Думал я над этим не

день и не два и постепенно проникся к Глебу Ивановичу глубоким уважением, поняв, что живет он заботой о грядущем и в этом находит свое счастье. Вот, видно, отчего и выглядит он моложе своих лет...

Спустя час мы оказались на большой таежной поляне, где я увидел длинные валки сена. До полудня мы ворошили их, а потом сгребли и сметали в стожки. Когда дометывали последний, Глеб Иванович сказал:

— Теперь я сам завершу, а ты, Сашок, чай вскипяти.

За все время, пока мы убирали сено, старик разговаривал мало, а баек вовсе не рассказывал. Зато поведал мне об одном случае на фронте, начав так:

— Есть люди, которые меня удивляют, когда говорят, что разные повадки зверья — это — де забава для малых детей. Как бы не так — за-ба-ва... Да не знай я тех повадок, меня бы уже давным-давно на белом свете не было. А вместе со мной, почитай, и целого отделения солдат. Было это в сорок третьем на Брянщине. Послали наше саперное отделение в лес напилить бревен для блиндажей. Мы, как положено, напилили и ждем машины, чтобы вывезти их. От нечего делать вздремнуть легли, а я на пост заступил — дежурить. И вот сижу в кустах и вдруг слышу: «Ку-ку! Ку-ку!» — кукушка неподалеку закуковала. Меня будто шилом ткнули. Что за чертовщина! На дворе середина сентября, лист осыпается, по ночам кусты в инее, и на тебе — кукушка?! Не бывает такого, чтобы залетная птаха осенью пела! В эту пору кукушка уж за теплые моря улетела... И побегал к солдатам. Разбудил их по тревоге, но без шума. Осторожно повел за собой на голос кукушки. Саша, ты слышишь?

— Я весь уши, Глеб Иваныч!

— Ну вот, прошли мы шагов сто и видим, что немец в маскхалате у дерева хоронится, спиной к нам, и кукует, подзывая кого-то. Мы его хват прикладом по затылку и кляп в рот. Лежим... и вдруг: шестеро фрицев, тоже в маскхалатах, без шума, но быстро прут прямо на нас... Мы подпустили их вплотную и скосили из автоматов. Один «куковей» только в живых и остался. Потом он признался, что послан к нам в составе разведгруппы взять «языка». А куковал он после того, как обнаружил в лесу наше саперное отделение. В общем, подзывал своих, чтобы из наших кого-либо в плен взять, а остальных уничтожить. И постреляли бы фрицы нас наверняка, не знай я, в какую пору кукует настоящая кукушка. Вот так-то. А темные люди балаболят: за-ба-а-ва...

Егерь вспомнил про этот случай незадолго до того, как послать меня чай вскипятить.

И вот я сижу у костра, поглядываю на деда и гадаю: заработал я сегодня еще хоть маломальскую байку или нет?

А дед прихлопывает вилами верхушку стожка, придавливает его с четырех сторон тонкими сушинами, чтобы сено ветром не разнесло.

— Все! — подходит ко мне наконец Глеб Иванович. — Управились вовремя: через час дождь будет.

— Откуда ему взяться? — недоумеваю я. — Ведь ни облачка!

— Причем тут облака, ежели канюк так канючит, что впору разрыдаться.

Прислушиваюсь: «Ки-ие... ки-ие...» — несется из таежной глухомани печальный голос птицы.

— К дождю, — говорит дед. — Ну, а теперь давай чаевничать.

Он стирает ладонью с потного лба сенную труху, садится на валежину и берет широкой, как лопата, рукой кружку с розовым чаем, заваренным на листе черной смородины.

— Хороши! — отхлебывая чай, любитесь он стожками. — Будет теперь чем в стужу зверье подкормить.

— А разве это сено не для скота?

— Нет. Для скота у меня давно уже накоплено да припасено. А это для косуль, лосей, маралов. Расставляю осенью по тайге кормушки и стану зимой по ним сенцо разносить. Зверье начнет приходить, разные диковинные случаи из своей жизни мне рассказывать. Я их запомню, а потом тебе поведаю в байках своих. Благо ты ныне хорошо потрудились, заработал...

Только тут до меня доходит, что, оказывается, надо делать, чтобы у егеря никогда не иссякли таежные были.

— Ну, а теперь послушай одну старую байку, раз новых пока нет, — старик поворачивает ко мне желтое, улыбочное лицо с лукавыми сероголубыми глазами. — Случилось это давным-давно, в девятьсот десятые годы. В ту пору я еще огольцом был. Приехал я к бабушке в гости. Она на Дальнем Востоке жила, в сельце Метелица. Рядом тайга, за околлицей шумела. И пошли мы как-то с ней по малину.

Ягода в тот год уродилась. Глянесь на куст, а он горит, как облако на вечерней зорьке. Малина сладкая, что твой мед. И собирать по яголке не надо: поставишь ведро под куст, тряхнешь ветку — пригоршня ягод, тряхнешь другую — еще пригоршня... Я долго потом гусениц, пауков да листву из ведра вытряхивал. Занятие это нудное. Куда скучней, чем ягоды собирать. Ведро, почитай, часа за два до краев наполнил — ага. Ну, а бабушка за это время целую корзину набухала.

«Глебка, — кличет она меня, — всю ягоду в ле-

су нам с тобой все равно не собрать. Пойдем-ка лучше домой». Ну мы и пошли. И вот, когда по бревну через один овражек стали перебираться, вдруг слышим: кто-то шуршит, скрипит в стороне от нас и покрикивает.

«Зверь какой-то!» — подумалось нам, и мы от греха подальше нырнули в кусты. А шум и рычание продолжают. Мы осторожно глянули из кустов и видим: шагах в двадцати от нас стоит в просвете здоровенная яблоня-дичок. А на ней, точно грачиное гнездо, небольшой медведь-пестун ветки трясет и урчит с довольством. С веток яблоки сыплются, небольшие, со сливу. А медведь все трясет да трясет: видно, в азарт вошел. Нас с бабушкой и страх берет, и смех душит. Но громко нельзя смеяться, а не смеяться мочи нет.

Наконец, мишка наломал бока, уработался. Перевел дух и только собрался было наземь — яблоками полакомиться, как вдруг из бурелома стадо кабанов. Один страшней другого, клыкастые, материцы — ух!

С меня и бабушки смех будто ветром сдуло. Сидим ни живы ни мертвы: ведь кабаны — это звери куда опаснее медведя.

— Смотри! — вдруг прерывает рассказ Глеб Иванович и поднимает глаза кверху: — Небо-то заволакивает!..

Действительно, пока егеря вел рассказ, полнеба покрылось тучами, а солнце подернулось легкой дымкой — предвестницей ненастья.

— Что я говорил — а!.. — торжествует старик и продолжает: — Так вот, дрожим мы с бабкой. А кабаны, значит, учуяли падалицу и давай ее улетать.

Поглядывает на них мишка сверху, зло его разбирает. Столько труда затратил — дерево тряс, а эти дармоеды как метлой метут. Рассвирепел топтыгин да как рывкнет!

А кабанам хоть бы что: даже ухом не ведут. Попробуй-ка подступись к ним! Ведь в ярости матерый секач никому спуску не даст. И росомаче брюхо вспорет, и сохотому ноги перешибет, даже самому уссурийскому тигру, если тот зазевается, в бок клык всадит. Страшный зверюга!

Медведь крутится на яблоне волчком и тоненько ревет, не зная, не ведая, как турнуть нахалов. Ревел, ревел да как рывкнет... и сорвался.

Надо же такому случиться — грохнулся прямо на спину громадному секачу. Оседлал его, сам того не желая. Кабан взвизгнул, крутнулся. Мишка покотился по траве. И тут все стадо встрепенулось. Ощетинилось, в кольцо берет медведя, копытами бьет. Вот-вот налетит на бурога, клычищами подденет, разорвет, растопчет...

Егеря неожиданно умолк. Я спросил его с неприятием:

— Ну и что — разорвали?

— Нет. Как ни чудно вышло, а мишку бабушка спасла. В самый опасный момент как застучит камнем по ведру. Кабанов вмиг не стало. А мишка лежит в траве, передние лапы в стороны и ничего понять не может. Тут уж и я осмелел, видно, тоже от страха. «А ну тикай, — кричу зверю, — косолапый!» Медведя будто кто подбросил и в кусты закинул, где он и пропал с глаз долой. И мы с бабушкой помчались домой быстрее ветра. Вот так-то...

— Глеб Иванович, почему же кабаны медвежьего рева не испугались, а от стука враз разлетелись?

— А потому, что для кабана, как и для любого зверя, нет врага страшнее человека.

— Но и лучшего друга тоже нет, — замечаю я, глядя на наши стожки и вспоминая, как дикая косуля, спасаясь от волка, прибежала к людям.

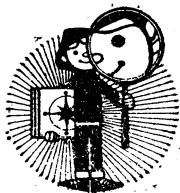
— И это тоже верно, — охотно соглашается старик и восклицает: — Ого, начинается!..

Это он о дожде, первые холодные капли которого падают ему на лицо.

Схватив пожитки, мы кидаемся в лес и забираемся там под невысокую частопалую елку.

И тотчас на землю обрушивается с небес лавина густого летнего дождя. Белесая мгла вмиг закрывает большую поляну, а вместе с нею и стожки. Но сему теперь дождь не страшен. Это значит, что зверю будет чем подкормиться зимой, а у старого егеря появится еще немало новых таежных былей.

МИР НА ЛАДОНИ

Бойцы стройотряда «Якутский комсомолец» одними из первых встали на трудовую вахту на трассе новой железнодорожной магистрали Беркамит — Томот — Якутск. Эта дорога протяженностью 830 километров — продолжение так называемого малого БАМа. На ней будут возведены шесть станций, сотни мостов, других искусственных сооружений.

Уложено «серебряное звено», знаменующее начало работ. Новая магистраль поможет ускорить темпы развития Якутии, располагающей огромными природными богатствами.

Ленинградские ученые начали продувку... парусников. Модели с одной, двумя и большим числом мачт, помещаемые в аэродинамическую трубу, позволяют в результате исследований проектировать современные суда с эффективным парусным вооружением. Подобная продувка проводится впервые в практике судостроения.

Якутские горняки добыли алмаз чистой воды, весящий 291,6 карата. Драгоценный камень получил название «40 лет Победы». Это второй по величине кристалл за все время добычи алмазов в Якутии.

Японские инженеры сконструировали цветной телевизор, который рекомендуется смотреть с расстояния... 150—500 метров. Высота его экрана 25 метров, а ширина — 40 метров. Этот телевизор работает на международной выставке ЭКСПО-85.

У каждого крупного стада тюленей, обитающих в водах антарктических морей, существует свой «язык». Это установили канадские и американские исследователи. Тюлени, переселенные из одного стада в другое, быстро усваивают чужой «диалект», но пользуются им только в новой среде. Вернувшись к сородичам, они забывают чужие звуковые «фразы».

В СССР создано первое судно, предназначенное специально для геологических и геофизических работ в морях и океанах. Ему дано имя «Академик Николай Страхов». Первый рейс — в экваториальные районы Восточной Атлантики. Судно имеет систему, позволяющую гасить качку, что особенно важно для работы над большими глубинами.

Результаты кропотливого исследования генетической структуры приматов позволили японским ученым сделать вывод: ближайшими «родственниками» человека в животном мире следует считать горилл, а не шимпанзе. В иммунной системе у горилл имеются некоторые сходные с человеком гены, которые отсутствуют у шимпанзе.

Пятьдесят лет назад в Австралию были завезены южноамериканские лягушки — для уничтожения вредных насекомых на посевах сахарного тростника. Теперь они так размножились, что вызывают панику. Эти лягушки, достигшие размера столовой тарелки, поедают пчел и даже цып-

лят. Они распространяются по Австралии со скоростью 27 километров в год. Кроме всего прочего, новоселы континента вырабатывают яд, отчего погибают змеи и другие животные, которые могли бы питаться ими.

Крупнейшие острова Японии — Хонсю и Хоккайдо отныне соединены 54-километровым туннелем. На глубине ста метров под морским дном состоялась торжественная церемония завершения работ, продолжавшихся двадцать лет.

Апеннинский полуостров, как установили итальянские специалисты, медленно дрейфует в направлении Балканского полуострова. Примерно через шесть миллионов лет итальянский берег Адриатики сожмется с югославским, море исчезнет, утверждает профессор П. Скардоне из университета в Пизе.

Вкусно, полезно, много!

На месте заболоченной поймы под Азовом поднялись корпуса самого крупного в СССР предприятия по выпуску фруктовых и овощных консервов для детей. Рядом — мощные плодовоовощные совхозы...

Аппараты и конвейерные линии нового предприятия включены. Весь процесс выработки детского консервированного питания происходит в условиях герметичной изоляции, за качеством следит электроника. Ежегодно азовские мастера пищевой индустрии смогут передавать в торговую сеть и в детские учреждения более ста миллионов баночек овощных и фруктовых консервов, соков. Научно-исследовательская лаборатория предприятия разрабатывает новые аппетитные продукты детского питания.

М. СИДОРОВ

Крыса-рыболов

Крысы, живущие на Новой Гвинее, пользуются собственным хвостом в качестве удочки и приманки одновременно. Приблизившись к реке, крыса опускает хвост в воду. Когда рыба клюет, она мгновенно выдергивает «удилище», затем лакомится добычей.

Г. ТИШИН

Пирог из лесу!

Можно ли испечь пироги в лесу, имея только спички? Этот вопрос покажется странным любому человеку, только не жителю горных районов Бирмы. В лесах страны можно найти разновидность хлебного дерева, сердцевина ствола которого, перетертая о камни, дает неплохую муку. Можно найти, во-вторых, эндемичные растения, выделяющие беловатое вещество, сходное с топленным маслом, и, в-третьих, дерево, кора которого покрывается налетом соды. Так что мука, масло и сода есть, а ягоды для начинки, конечно, найдутся!

Г. ФРОЛОВ

Юная Изабелла — чемпионка

Изабелла Кайнцлер из французской провинции Эльзас начала играть в шахматы в четырехлетнем возрасте. Родители с уважением отнеслись к ее вполне взрослому занятию, и через несколько лет девочка стала делать поразительные успехи. Она с блеском выиграла юношеское первенство страны, а теперь 12-летняя Изабелла — одна из ведущих шахматисток Франции. Титул чемпионки страны она завоевала, победив десятерых взрослых соперниц.

Ф. ГЕОРГИЕВ

Плывущие по ветрам

Серию действующих дирижаблей «Скайшип» через несколько лет пополнит воздушный корабль «Скайшип-5000» с грузоподъемностью тридцать тонн. Об этом объявили английские фирмы, лидирующие в области современного дирижаблестроения.

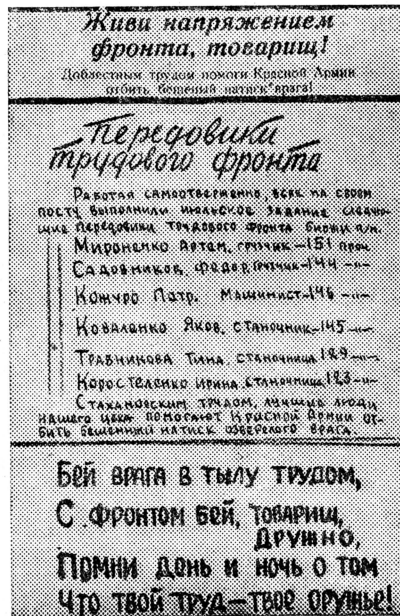
Их первенец — «Скайшип-500» — имеет оболочку объемом 5100 кубометров и может нести полезную нагрузку в две тонны, или 7—8 пассажиров. Дирижабль «Скайшип-600» (объем оболочки 6600 кубометров) рассчитан на три тонны груза, или на 17—18 пассажиров. При этом крейсерская скорость воздушного плавания — 130 километров в час, рабочее время без заправки горючим — 15 и 20 часов соответственно.

Интересно, что мягкие оболочки для английских дирижаблей изготавливают во Франции — из синтетического полотна «тергаль», раскраиваемого с помощью ЭВМ, причем для обеспечения герметичности ткань покрывают снаружи слоем полиуретана, а изнутри — пластиковой пленкой; двигатели мощностью 270 лошадиных сил поставляет западногерманская фирма (эти двигатели с обтекаемой формой могут поворачиваться на консолях — для обеспечения вертикального подъема, но «Скайшип» уходит в небо, как правило, под углом 45 градусов).

На пути к более широкому использованию воздушных кораблей в наше время, сетуют английские специалисты, понадобилось преодолеть массу предрассудков, в частности, пришлось множество раз объяснить, что гелий, которым заполняются оболочки современных дирижаблей, как и водород, — легкий газ, но в отличие от водорода гелий совершенно не горюч; многие думают, что дирижабль может лопнуть, словно воздушный шарик, в то время как даже сквозная пробоина оболочки приводит лишь к медленному снижению воздушного корабля, ведь давление газа в оболочке относительно небольшое.

...Гондола «Скайшип-5000» на чертежах сама напоминает корабль: внизу, у «дна», — отсеки с водяным балластом, горючим для двигателей, багажа, выше — две палубы. Только на верхней палубе вдоль бортов гондолы с широкими прямоугольными иллюминаторами — сотня пассажирских кресел. Путешествие на таком корабле, когда человек осознает, что не летит, а именно плывет в воздухе, сулит массу удовольствий...

А. АЛЕКСАНДРОВ

6000 боевых страниц

В музее Лобвинского лесокombината (он создан энтузиастом-краеведом Н. А. Лопавым) внимание привлекают многочисленные номера стенгазеты «Укладка».

Еще до войны газету ставили в пример. А с июня 1941 года этот орган партийной, профсоюзной и комсомольской организаций склада пиломатериалов стал выходить ежедневно. Мало того, актив стенгазетчиков выпускал приложение — «Боевые листки» — и не по одному экземпляру в день. Уже за первый год таких экспресс-выпусков было сделано 500, в следующем — 750, а всего за четыре года войны — более 6000.

В газету писали 63 человека, в том числе и из действующей армии. Энергичным редактором стенгазеты был Е. А. Травников. Опытный рабкор (первые заметки писал еще в 1923 году), Ефим Алексеевич стал душой «Укладки» военных лет. Он же и сохранил большинство ее номеров (см. фото).

Е. БИРЮКОВ

Отважный рыбак

Тринадцатилетний Тони Белтер из маленького американского городка Корелл-Гебелс, затерявшегося среди дюн на пустынном берегу Мексиканского залива, нередко уходит в море один, подменяя отца-

рыбака, который бывает занят бытом улова.

Однажды, поднимая сети, Тони заметил акулу. Она кружила возле катера. И в Тони, как он потом сказал, пробудился охотник. Когда акула в очередной раз проплывала вдоль борта, мальчик оглушил ее багром, а затем, подцепив петлей, втащил в катер. Жители городка поздравили юного Белтера, отметив его отвагу. Длина пойманной им акулы 2,25 метра.

Г. ШКОЛЬНИКОВ

Самые юные, иначе говоря — вундеркинды...

Уже в раннем детстве проявилось дарование Самуила Маршака. Любивший его известный критик В. В. Стасов однажды привез мальчика к Л. Н. Толстому.

— Лев Николаевич, — сказал Стасов, — посмотрите, какое серьезное лицо у этого мальчика. Я верю, что это надежда... Благословите его.

Толстой взглянул на мальчика и сказал:

— Что-то я не верю в этих вундеркиндов.

Маршак признавался, что долго обижался на Толстого.

С 7—8-летнего возраста начал сочинять стихи Сергей Николаевич Сергеев-Ценский. В 11 лет он уже был автором повести. Слыл вундеркиндом, поражая всех знакомых своей памятью, наизусть читая множество стихотворений и поэм Пушкина, Лермонтова, Тютчева... Подавал надежды в музыке, увлекался рисованием.

Надежда Теплова (1814—1848), которую В. Г. Белинский причислял к «дружине молодых талантов», печаталась с 13 лет. В 19-летнем возрасте выпустила в Москве сборник стихов.

В историю русской литературы и журналистики вошло имя Николая Алексеевича Полевого. Сын иркутского купца, он уже в 10-летнем возрасте издавал рукописный журнал, писал драмы и стихотворения. Это был человек разносторонних дарований — поэт, прозаик, драматург, историк.

Летом 1849 года воспитанник духовной школы 13-летний Николай Добролюбов сочинил комедию, появились и его первые опыты в стихах. Умерший в 25-летнем возрасте, поэт Семен Надсон первые публикации сделал в 16 лет.

В. ШУМОВ

Рудольф ШИПУЛИН

«ПОЛОВОДЬЕ»

Разных ВИА
выступает столько,
Что невольно
оторопь берет...
Тот, кто раньше
слушал лишь и только,
Нынче сам играет
и поет.

КУДА СЛОЖНЕЙ...

Проблем с ребенком —
спятить можно!
Как воспитать?
Как обучить?..
Вскормить его
не так уж сложно,
Куда сложней —
не закормить.

ПОДТВЕРЖДЕНО

Сей факт проверен не однажды
И четко жизнью подтвержден:
Своим умом
доволен каждый,
Чужим — лишь тот,
кто сам умен.

ВДЕСЯТЕРОМ

Героизм —
он украшает жизнь.
Но порой бесславим
мы его:
Десять
совершают героизм,
Чтоб исправить
глупость одного.

ТАБЛИЦА ДЕЛЕНИЯ

На иных глядишь юнцов —
Злость берет, ей-ей:
Все заслуги —
у отцов,
Блага —
у детей.

ВЕСЬМА НЕЗАВИСИМО

Мы себя объективными числим,
Обо всем рассуждая подряд.
И весьма независимо
мыслим,
Пока делаем то,
что велят.

ПОСЛЕ ПРИВАЛА

С песней бравой
привал покидая,
Возвращались туристы домой...
Оставалась
природа живая
После них
еле-еле живой.

Герман ДРОБИЗ

ВОТ КАКАЯ СЕМЬЯ!

В школе детям задали сочинение на тему: «Наша семья».

Одна девочка написала: «Наша семья очень дружная. Мы все друг друга любим. Мы с братиком очень любим нашу мамочку. Она очень добрая. Она работает на кондитерской фабрике и каждый день приносит нам вкусные конфеты. Когда я вырасту, я тоже пойду работать на мамину фабрику».

Еще мы очень любим нашу бабушку. Она работает на фабрике «Кожгалантерея» и приносит нам с братиком то поясок, то кошелек.

Еще мы очень любим нашего дедушку. Он у нас большой умелец. Вся посуда в доме сделана его руками. Дедушка работает на заводе «Металлопосуда». Когда братик вырастет, он пойдет на дедушкин завод.

Папу мы сначала не очень любили, потому что он работал на кирпичном заводе. Но потом он сменил работу и целый год приносил хорошенькие железки. А потом скрутил из них для мамы швейную машину.

И еще у нас живет песик Бобка. Мы все его очень любим, потому что он очень умный. Я научила его доставать газеты из почтовых ящиков. И теперь мы не выписываем газет».

Главный редактор С. Ф. МЕШАВКИН

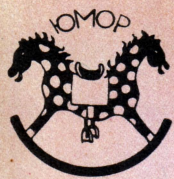
Редколлегия: Е. Г. Ананьев, В. П. Астафьев, М. Гали, В. П. Крапивин, Ю. М. Курочкин, Д. Я. Лившиц (зам. главного редактора), Н. Г. Нигонов, А. П. Поляков (зав. отделом краеведения), О. А. Поскребышев, Л. Г. Румянцев (зав. отделом прозы и поэзии), А. К. Семерун, К. В. Скворцов, В. А. Стариков (отв. секретарь), А. Н. Стругацкий

Редакция: Ю. С. Борисихин (отдел публицистики), В. И. Бугров (отдел фантастики), Л. С. Будрина (технический редактор), М. В. Бурангулова (корректор), Л. Г. Гончарова (секретарь-машинистка), А. Д. Кононова (отдел писем), Ю. В. Липатников (отдел науки и техники), Е. И. Пинаев (художественный редактор), Н. А. Широкова (отдел следопытской жизни)

Адрес редакции: 620219, Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 22-в
Телефоны отделов: 51-55-56 (писем, публицистики), 51-22-40 (секретариат), 51-09-71 (прозы и поэзии), 51-53-20 (науки и техники, следопытской жизни), 51-09-69 (краеведение).

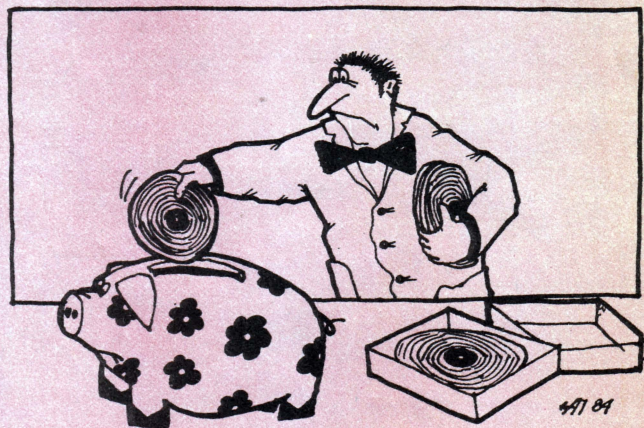
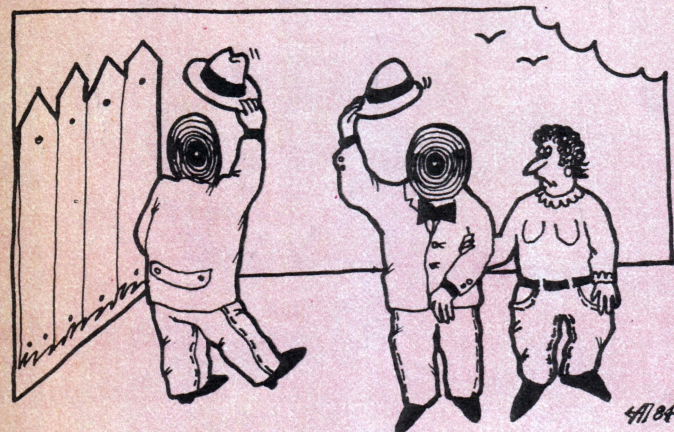
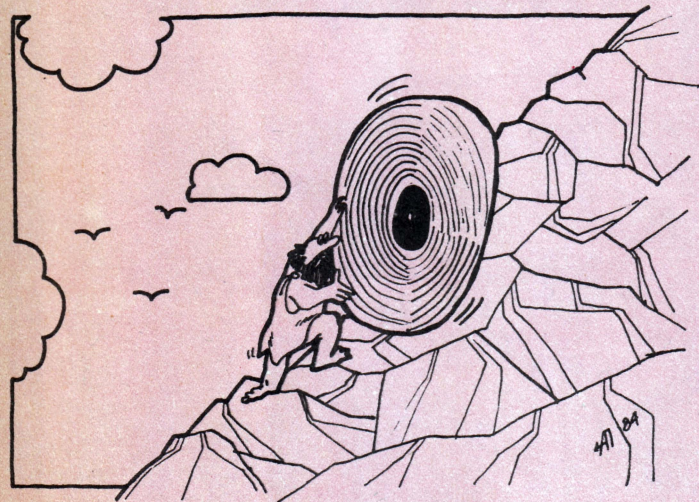
Сдано в набор 28.06.85. Подписано к печати 19.08.85. НС 11316. Формат бумаги 84×108¹/₁₆. Высокая печать. Усл. печ. л. 8,82. Усл. кр.-отг. 11,34. Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 307 000. Заказ 530. Цена 40 коп.

Типография издательства «Уральский рабочий» Свердловск, пр. Ленина, 49.

Рисунки Аркадия Пяткова

САТИРИЧЕСКАЯ
DISKOleka

ЗОЛОТОЙ ВЕК МЕДИ

Фото И. Горячева

В музее Нижнего Тагила есть большая редкость. Овальный стол. Надпись на нем удостоверяет, что он лит из первой промышленной меди России в 1715 году. Появился за этим столом старые тагильские умельцы — много могли бы порассказать. Про то, как издавна в Тагильском горном округе делали не только всякую металлическую, но и деревянную точеную посуду. И также бураки — крашенные, росписные, золоченые. В середине прошлого века в Нижнем Тагиле было две сотни кустарных заведений. И Париж, Лондон награждали тагильские железо и медь золотыми медалями.

...В начале 40-х годов прошлого века создан в Нижнем Тагиле «заводской музей». Немало в нем чудес. Тут чугунная мебель. Словно веревки, завязаны железные прутья. Первый русский велосипед... Впрочем, войдите в «музей» и если ни разу в нем не бывали, то сами всему удивитесь!

Старинная медная посуда с чеканным узором, сработанная тагильскими мастерами и сто, и двести лет назад... С теплым чувством оглядываешь ее в музее. Вот кумган — кувшин, украшенный орнаментом. Кумгану более двух веков. А горит и притягивает взор это медное солнышко до сих пор. Кажется, возьми его в руки, наклони, и из тонкого носика ударит белая струя кумыса.

Тагильские купцы имели лавки не только в Ирбите, Нижнем Новгороде, но и вывозили посуду в Сибирь, на Кавказ, в степи и горы Востока. Так что музейный кумган, вполне возможно, проделал путь в караване верблюдов куда-то в глубины Азии и верно послужил там кочевникам.

Был он, золотой век меди... Это сейчас в наших домах мало медно-кованной утвари. Раньше было иначе. Ковш, кувшин, поднос, самовар — сверкали в избах. Не скажешь, что эти предметы были дешевы. Однако их покупали из-за долговечности. И весьма берегли. Передавали внукам.

Г. ЛЮСИНОВ